



СМЕНА

№ 22 НОЯБРЬ 1982





Леонид Ильич БРЕЖНЕВ.

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР,
Совета Министров СССР

к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев.

Вся многогранная деятельность, личная судьба Л. И. Брежнева неотделимы от важнейших этапов в истории Страны Советов. Коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная война и послевоенное возрождение, освоение целины и организация исследований космоса—это и вехи биографии славного сына рабочего класса Леонида Ильича Брежнева. Всюду, куда бы ни направляла его партия, Леонид Ильич беззаветно, с присущими ему энергией и настойчивостью, смелостью и принципиальностью боролся за ее великие идеалы.

С именем товарища Брежнева, с его неутомимой работой на постах Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР советские люди, наши друзья во всем мире справедливо связывают последовательное утверждение ленинских норм партийной и государственной жизни, совершенствование социалистической демократии. Он мудро направлял деятельность ленинского штаба партии—ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК, показывая образец умелой организации дружной коллективной работы. Ему принадлежит выдающаяся роль в выработке и осуществлении экономической и социально-политической стратегии партии на этапе развитого социализма, в определении и реализации курса на подъем народного благосостояния, в дальнейшем укреплении экономического и оборонного могущества нашей страны.

Непреходящи заслуги Леонида Ильича Брежнева в формировании и проведении политики нашей партии на международной арене—политики мира и мирного сотрудничества, разрядки и разоружения, решительного отпора агрессивным прощам империализма, предотвращения ядерной катастрофы. Велик его вклад в сплочение мирового социалистического содружества, в развитие международного коммунистического движения.

Пока билось сердце Леонида Ильича, его помыслы и дела были всецело подчинены интересам людей труда. С массами трудящихся его всегда связывали кровные, неразрывные узы. В сознании коммунистов, сотен миллионов людей на всех континентах он был и останется воплощением ленинской идейности, последовательного интернационализма, революционного оптимизма и гуманизма.

Тяжела понесенная нами утрата, глубока наша скорбь. В этот горестный час коммунисты, все трудящиеся Советского Союза еще теснее сплываются вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его руководящего ядра, сложившегося под благотворным влиянием Леонида Ильича Брежнева. Народ верит в партию, ее могучий коллективный разум и волю, всем сердцем поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. Советские люди хорошо знают: знамя Ленина, знамя Октября, под которым одержаны всемирно-исторические победы,— в надежных руках.

Партия и народ вооружены величественной программой коммунистического созидания, разработанной XXIII—XXVI съездами КПСС. Эта программа неуклонно претворяется в

жизнь. Партия будет и впредь делать все для подъема народного благосостояния на основе интенсификации производства, повышения его эффективности и качества работы, выполнения Продовольственной программы СССР. Партия и впредь будет проявлять всемерную заботу об упрочении союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, об укреплении социально-политического и идейного единства советского общества, братской дружбы народов СССР, об идеологической закалке трудящихся в духе марксизма-ленинизма и пролетарского, социалистического интернационализма.

Неизменна воля советского народа к миру. Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира— вот путеводная нить в завтрашний день. Эта благородная идея пронизывает Программу мира на 80-е годы, всю внешнеполитическую деятельность партии и Советского государства.

Мы видим всю сложность международной обстановки, попытки агрессивных кругов империализма подорвать мирное сосуществование, столкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации. Но это не может поколебать нашу решимость отстоять мир. Мы будем делать все необходимое, чтобы любители военных авантур не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет сокрушительный ответный удар.

Опираясь на свою мощь, проявляя величайшую бдительность и выдержку, сохраняя неизменную верность миролюбивым принципам и целям своей внешней политики, Советский Союз будет упорно бороться за то, чтобы отвратить от человечества угрозу ядерной войны, за разрядку, за разоружение.

В этой борьбе с нами братские страны социализма, борцы за национальное и социальное освобождение, миролюбивые страны всех континентов, все честные люди земли. Политика мира выражает коренные жизненные интересы человечества, и поэтому за такой политикой— будущее.

Советский народ видит в партии своего испытанного коллективного вождя, мудрого руководителя и организатора. В служении рабочему классу, трудовому народу— высшая цель и смысл всей деятельности партии. Непокколебимое единство партии и народа было и остается источником несокрушимой силы советского общества. КПСС свято дорожит доверием трудящихся, постоянно укрепляет свои связи с массами. Народ на практике убедился, что наша партия при любом повороте событий, при любых испытаниях остается на высоте своей исторической миссии. Внутренняя и внешняя политика КПСС, разработанная под руководством Леонида Ильича Брежнева, будет и далее проводиться последовательно и целеустремленно.

Жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будет всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что коммунисты, все советские люди проявят высокую сознательность и организованность, своим самоотверженным творческим трудом под руководством ленинской партии обеспечат выполнение планов коммунистического строительства, дальнейший расцвет нашей социалистической Родины.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

12 ноября 1982 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева члены Пленума ЦК почтили память Леонида Ильича Брежнева минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия, советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел выдающийся деятель Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пламенный борец за мир.

Леонид Ильич Брежнев, находясь в рядах ленинской Коммунистической партии более 50 лет, из них 18 лет на посту ее руководителя, внес огромный вклад в укрепление монолитности ее рядов, политического, социально-экономического и оборонного могущества Советского Союза. Исключительно велика его роль в укреплении мира и международной безопасности. Имя Леонида Ильича Брежнева, с которым непосредственно связаны великие свершения в жизни нашей страны — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства нашей Родины, исследование космоса, все успехи в развитии экономики, науки и культуры Советского государства, навсегда вошло в

историю Коммунистической партии Советского Союза, нашей великой Родины.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Черненко К. У. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Андропова Юрия Владимировича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В. Он выразил сердечную благодарность Пленуму ЦК за оказанное высокое доверие — избрание его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тов. Андропов Ю. В. заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения начертанной в решениях XXVI съезда КПСС программы коммунистического строительства, обеспечения преемственности в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И. Брежнев.

На этом Пленум закончил свою работу.

Речь товарища Ю. В. АНДРОПОВА

Товарищи!

Наша партия и страна, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Перестало биться сердце руководителя Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, пламенного коммуниста, верного сына советского народа — Леонида Ильича Брежнева.

Из жизни ушел крупнейший политический деятель современности. Ушел наш товарищ и друг, человек большой души и большого сердца, чуткий и доброжелательный, отзывчивый и глубоко гуманный. Беззаветная преданность делу, бескомпромиссная требовательность к себе и другим, мудрая осмотрительность в принятии ответственных решений, принципиальность и смелость на крутых поворотах истории, неизменные уважение, чуткость и внимание к людям — вот те замечательные качества, за которые ценили и любили Леонида Ильича в партии и в народе.

Прошу почтить светлую память Леонида Ильича Брежнева минутой молчания.

Леонид Ильич говорил, что каждый день его жизни неотделим от тех дел, которыми живут Коммунистическая партия Советского Союза, вся Советская страна. И это было действительно так.

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление, освоение целины и

исследование космоса — все это великие вехи на пути труда и борьбы советского народа и в то же время — вехи биографии коммуниста Леонида Ильича Брежнева.

С именем и делами Леонида Ильича неразрывно связаны рост могущества и углубление всестороннего сотрудничества стран великого социалистического содружества, активное участие мирового коммунистического движения в решении исторических задач, стоящих перед человечеством в нашу эпоху, укрепление солидарности всех сил национального освобождения и социального прогресса на земле.

Леонид Ильич Брежнев навсегда останется в памяти благодарного человечества как последовательный, страстный и неутомимый борец за мир и безопасность народов, за устранение нависшей над человечеством угрозы мировой ядерной войны.

Мы хорошо знаем, что мир у империалистов не выпросишь. Его можно отстоять, только опираясь на несокрушимую мощь Советских Вооруженных Сил. Как руководитель партии и государства, как Председатель Совета Обороны СССР Леонид Ильич постоянно уделял внимание тому, чтобы обороноспособность страны находилась на уровне современных требований.

Здесь, в этом зале, собрались те, кто входит в штаб нашей партии, который восемнадцать лет бесменно возглавлял Леонид Ильич. Каждый из нас знает, сколько сил и души вложил он в

организацию дружной, коллективной работы, в то, чтобы этот штаб прокладывал верный ленинский курс. Каждый из нас знает, какой неоценимый вклад внес Леонид Ильич в создание той здоровой морально-политической атмосферы, которая характеризует сегодня жизнь и деятельность нашей партии.

С именем Леонида Ильича связаны принципиальная борьба нашей партии в защиту марксизма-ленинизма, разработка теории развитого социализма, путей решения самых актуальных задач коммунистического строительства. Его деятельность в мировом коммунистическом движении по праву получила высочайшую оценку братских партий, наших зарубежных братьев по классу, товарищей по борьбе за социализм, против гнета капитала, за торжество великих коммунистических идеалов.

Жизнь Леонида Ильича Брежнева оборвалась, когда его мысли, усилия обращены были на решение крупнейших задач экономического, социального и культурного развития, определенных XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ЦК. Осуществление этих задач, последовательное проведение в жизнь внутреннего и внешнеполитического курса нашей партии и Советского государства, который был выработан под руководством Леонида Ильича Брежнева, — наш первоочередный долг. И это будет наша лучшая дань светлой памяти ушедшего от нас руководителя.

Велика наша скорбь. Тяжела утрата, которую мы понесли.

В этой обстановке долг каждого из нас, долг каждого коммуниста еще теснее сомкнуть наши ряды, еще крепче сплотиться вокруг Центрального Комитета партии, сделать на своем посту, в своей жизни как можно больше для блага советского народа, для укрепления мира, для торжества коммунизма.

Советский народ безгранично доверяет своей Коммунистической партии. Доверяет потому, что для нее не было и нет иных интересов, чем кровные интересы советских людей. Оправдать это доверие — значит идти вперед по пути коммунистического строительства, добиваться дальнейшего расцвета нашей социалистической Родины.

У нас, товарищи, есть такая сила, которая помогала и помогает нам в самые тяжелые моменты, которая позволяет нам решать самые сложные задачи. Эта сила — единство наших партийных рядов, эта сила — коллективная мудрость партии, ее коллективное руководство, эта сила — единство партии и народа.

Наш Пленум собрался сегодня для того, чтобы почтить память Леонида Ильича Брежнева и обеспечить продолжение дела, которому он отдал свою жизнь.

Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Прошу товарищей высказаться по этому вопросу.

Юрий Владимирович АНДРОПОВ

Юрий Владимирович Андропов родился 15 июня 1914 года в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края. Образование высшее. Член КПСС с 1939 года.

Шестнадцатилетним комсомольцем Ю. В. Андропов был рабочим в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. Затем его трудовая биография продолжилась на судах Волжского пароходства, где он работал матросом.

С 1936 года Ю. В. Андропов — на комсомольской работе.

Он был избран освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. Вскоре его выдвинули на должность комсорга ЦК ВЛКСМ судоверфи им. Володарского в г. Рыбинске. В 1938 году комсомольцы Ярославской области избирают Ю. В. Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940 году Ю. В. Андропов избирается первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии.

С первых дней Великой Отечественной войны Ю. В. Андропов — активный участник партизанского движения в Карелии. После освобождения в 1944 году города Петрозаводска от фашистских захватчиков Ю. В. Андропов — на партийной работе. Он избирается вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году — вторым секретарем ЦК Компартии Карелии.

В 1951 году Ю. В. Андропов по решению ЦК КПСС переводится в аппарат ЦК КПСС и назначается инспектором, а затем заведующим подотделом ЦК КПСС.

В 1953 году партия направляет

Ю. В. Андропова на дипломатическую работу. Несколько лет он являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгерской Народной Республике.

В 1957 году Ю. В. Андропов был выдвинут заведующим отделом ЦК КПСС.

На XXII и последующих съездах партии Ю. В. Андропов избирается членом Центрального Комитета КПСС.

В 1962 году Ю. В. Андропов избирается секретарем ЦК КПСС.

В мае 1967 года Ю. В. Андропов назначается председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В июне того же года он избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В мае 1982 года Ю. В. Андропов был избран секретарем ЦК КПСС.

С апреля 1973 года Ю. В. Андропов — член Политбюро ЦК КПСС.

Юрий Владимирович Андропов — депутат Верховного Совета СССР ряда созывов.

На всех постах, где по воле партии трудился Ю. В. Андропов, проявлялась его преданность великому делу Ленина, партии. Он отдает все свои силы, знания и опыт претворению в жизнь решений партии, борьбе за торжество коммунистических идей.

За большие заслуги перед Родиной Ю. В. Андропову — видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства — в 1974 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.



Речь товарища К. У. ЧЕРНЕНКО

Дорогие товарищи!

Политбюро поручило мне выступить перед участниками настоящего внеочередного Пленума ЦК.

Наш внеочередной Пленум ЦК носит действительно чрезвычайный характер. Страна и партия в глубоком трауре. Ушел из жизни Леонид Ильич Брежнев.

Советский народ потерял выдающегося руководителя, который почти два десятилетия стоял во главе партии и государства, отдавая все свои силы и огромные способности во имя счастья советских людей, во имя дела коммунистического строительства в нашей стране. Мы можем сказать, что человечество потеряло великого, поистине неутомимого борца за идеалы мира, свободы и социального прогресса. Мы, советские коммунисты, наши братья в социалистических странах, наши соратники в мировом коммунистическом движении потеряли талантливого продолжателя ленинского дела, человека, у которого учились беззаветной верности интересам трудящихся.

Слова бессильны выразить всю горечь нашей утраты. Но в эти скорбные дни великой помощью всем нам служат уроки жизни дорогого всем нам Леонида Ильича.

Леонид Ильич в полной мере обладал даром целиком жить интересами общества, интересами народа. Так было всегда, начиная с юношеских лет и до последнего дня жизни.

Леонид Ильич хорошо знал, что одни благие пожелания — это пустой звук. Мало высказать правильные мысли, нужно подкрепить их четкой организа-

торской работой, сделать понятными и доступными широким массам трудящихся. Он любил людей. Он умел доверять людям.

Леонид Ильич был человеком исключительного мужества. Он доказал это не только в Великую Отечественную, которую прошел от первого до последнего дня. Мужество не изменяло ему на всем жизненном пути. И он высоко, очень высоко ценил в каждом товарище смелость, принципиальность, стойкость при любых испытаниях.

Быть рядом с Леонидом Ильичом, слушать его, воочию ощущать остроту ума, находчивость, жизнелюбие — это была школа для всех нас, кому выпало счастье работать с ним рука об руку.

Леонид Ильич Брежнев оставляет нам драгоценное наследство. Наша 18-миллионная партия едина и сплочена. Советский народ беззаветно верит в мудрость партии. Нормами нашей жизни стали требовательность и уважение к кадрам, нерушимая дисциплина и поддержка смелых полезных инициатив, нетерпимость к любым проявлениям бюрократизма и постоянная забота о развитии связей с массами, о подлинном демократизме советского общества.

Бережь и развивать этот стиль руководства, дорожить всем, что завещал нам своим словом и делом Леонид Ильич, — наш долг перед его памятью, наш долг перед партией и страной. Прочным залогом того, что так будет, служит руководящее ядро партии, ее Центральный Комитет, Политбюро, сформировавшееся при решающем участии Леонида Ильича.

От имени Политбюро я хочу выразить глубочайшую убежденность, что наш Пленум продемонстрирует перед всей страной, перед всем миром, что партия твердо пойдет дальше ленинским курсом, который на современном этапе четко и полно выражен в решениях XXIII—XXVI съездов КПСС. Внутренняя и внешняя политика нашей партии, в разработку и осуществление которой громадный вклад внес Леонид Ильич Брежнев, будет проводиться уверенно, последовательно и целеустремленно.

Нашими ориентирами были, есть и будут благо народа и сохранение мира на земле.

У нас есть развернутая, хорошо взвешенная социально-экономическая программа. Экономика должна быть экономной. Такова установка партии. А это означает техническое перевооружение индустриального и аграрного секторов, совершенствование управления и, конечно, улучшение организации труда, рост его производительности. На этой базе будет неуклонно развиваться экономика нашего государства, повышаться благосостояние народа. На этой же базе будет крепнуть обороноспособность страны. У нас есть широкая, конкретная Программа мира для восьмидесятых годов. Она отвечает чаяниям народа. Разрядка, разоружение, преодоление конфликтных ситуаций, устранение угрозы ядерной войны — вот задачи, которые мы ставим перед собой. Мы хотим надежной безопасности для себя, для своих друзей, для всех народов мира.

Дорогие товарищи!

Все мы, очевидно, сознаем, что крайне трудно восполнить урон, который причинила нам кончина Леонида Ильича. Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно. Дружная, совместная работа во всех партийных органах обеспечит дальнейшие успехи как в коммунистическом стро-

ительстве, так и в нашей деятельности на международной арене.

Политбюро ЦК КПСС, обсудив создавшееся положение, поручило мне предложить Пленуму избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища Андропова Юрия Владимировича. Думаю, нет нужды рассказывать его биографию. Юрий Владимирович хорошо известен в партии и стране как самоотверженный, преданный делу ленинской партии коммунист, как ближайший соратник Леонида Ильича.

За плечами у Юрия Владимировича разносторонняя деятельность в области внутренней и внешней политики, идеологии. Был он и комсомольским вожаком, и крупным партийным работником, и дипломатом. Немало труда им вложено в укрепление социалистического сотрудничества, в обеспечение безопасности нашего государства.

Леонид Ильич высоко ценил марксистско-ленинскую убежденность, партийность, широкий кругозор, его выдающиеся деловые и человеческие качества. Все члены Политбюро считают, что Юрий Владимирович хорошо воспринял брежневский стиль руководства, брежневскую заботу об интересах народа, брежневское отношение к кадрам, решимость всеми силами противостоять проискам агрессоров, беречь и укреплять мир.

Юрию Владимировичу присущи партийная скромность, уважение к мнению других товарищей и, можно сказать, пристрастие к коллективной работе. Политбюро единодушно считает: товарищ Андропов достоин доверия Центрального Комитета, доверия партии.

Дорогие товарищи! Склоняя свои головы перед светлой памятью Леонида Ильича, мы торжественно обещаем, что будем неустанно продолжать нашу созидательную работу. Все, что не успел совершить Леонид Ильич, что наметила под его руководством партия, будет сделано.



МОСКВА, 15 НОЯБРЯ 1982 ГОДА. НА ТРИБУНЕ МАВЗОЛЕЯ В. И. ЛЕНИНА.

ПОХОРОНЫ ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА

Траурный митинг на Красной площади

С чувством глубокой скорби советский народ 15 ноября проводил в последний путь Леонида Ильича Брежнева — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

...Колонный зал Дома союзов. В последний почетный караул у гроба покойного встают товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков.

Траурную вахту несли члены комиссии по организации похорон А. П. Александров, С. А. Шалаев, Б. Н. Пастухов, Н. Н. Блохин, Г. М. Марков, Т. Н. Хренников, Н. А. Пономарев, С. Ф. Бондарчук, В. В. Терешкова, Г. Т. Береговой, А. Ф. Гордиенко, В. А. Смирнов, В. Н. Голубева, А. В. Гиталов.

11 часов. В зале остаются родные и близкие Л. И. Брежнева. Последние минуты прощания.

Под звуки траурных мелодий гроб с телом Л. И. Брежнева выносятся из Колонного зала и устанавливаются на артиллерийский лафет. Кортёж медленно направляется на Красную площадь.

В траурной процессии за гробом Л. И. Брежнева в скорбном молчании идут руководители Коммунистической партии и Советского государства, члены комиссии по организации похорон, родные и близкие покойного, министры, ответственные работники ЦК КПСС, МКГ КПСС и исполкома Моссовета, представители общественности.

Впереди процессии — сотни венков,

**ВО ВРЕМЯ ПОХОРОН
Л. И. БРЕЖНЕВА.**

возложенных в Доме союзов от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, союзных республик, краев и областей, партийных, советских и общественных организаций, от трудовых коллективов страны. Здесь же венки от зарубежных делегаций.

На алых атласных подушечках несут советские награды и награды зарубежных государств, которых удостоен Л. И. Брежнев за свою многогранную деятельность на посту руководителя Коммунистической партии и Советского государства.

Красная площадь заполнена народом. В четком строю — части войск Московского гарнизона. Над их колоннами склонены боевые знамена.

Траурная процессия останавливается

у Мавзолея. Гроб с лафета переносится на постамент.

На центральную трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, члены комиссии по организации похорон.

На гостевых трибунах — члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, представители партийных, советских и общественных организаций, военачальники, передовики производства.

Здесь же — многочисленные зарубежные гости, прибывшие на похороны Л. И. Брежнева.

Присутствуют члены дипломатического корпуса.

Траурный митинг открывает Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, министру обороны СССР Маршалу Советского Союза Д. Ф. Устинову.

Выступает президент Академии наук СССР А. П. Александров.

Говорит шлифовщик Московского завода счетно-аналитических машин В. В. Пушкарев.

Выступает первый секретарь Днепродзержинского горкома Компартии Украины А. Ф. Гордиенко.

Митинг окончен. Руководители Коммунистической партии и Советского государства спускаются с трибуны Мавзолея, подходят к постаменту с гробом Л. И. Брежнева. Процессия направляется к Кремлевской стене.

12 часов 45 минут. Гроб с телом покойного медленно опускают в могилу.

Под звуки Государственного гимна СССР гремят орудийные залпы. В эти же минуты артиллерийский салют про-





Речь Ю. В. АНДРОПОВА

Товарищи!

Тяжелая утрата постигла нашу партию, наш народ, все передовое человечество. Сегодня мы провожаем в последний путь Леонида Ильича Брежнева — славного сына нашей Родины, пламенного марксиста-ленинца, выдающегося руководителя Коммунистической партии и Советского государства, виднейшего деятеля международного коммунистического и рабочего движения, неутомимого борца за мир и дружбу народов. Позвольте прежде всего выразить глубокое соболезнование семье и близким Леонида Ильича.

Леонид Ильич принадлежал к плеяде политических руководителей, которые выросли и закалились в годы самоотверженной борьбы советского народа за упрочение завоеваний Великого Октября, за осуществление заветов Ленина, за построение социализма в нашей стране, за ее свободу и независимость.

Рабочий и воин, выдающийся организатор и мудрый политический деятель, Леонид Ильич Брежнев был связан с народом кровными, неразрывными узами. Вся его жизнь и деятельность были подчинены служению интересам людей труда. Весь свой яркий талант, всю свою огромную энергию он отдал делу социализма — общества свободы и социальной справедливости, братства людей труда.

С деятельностью Леонида Ильича Брежнева на высших постах партийного и государственного руководства связан исключительно важный период в истории нашей партии и страны. Под его руководством разрабатывалась и последовательно проводилась в жизнь политика партии, пронизанная постоянной заботой о человеке труда, о подъеме народного благосостояния, прочно утвердились ленинские нормы партийной и государственной жизни, благотворная

атмосфера дружной, совместной работы.

В памяти народов Леонид Ильич Брежнев навсегда останется выдающимся борцом за прочный мир и мирное сотрудничество между народами. Он последовательно, со всей страстью своей души боролся за разрядку международной напряженности, за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за укрепление сплоченности социалистического сотрудничества и единство международного коммунистического движения.

Товарищи! В этот горестный час, прощаясь с Леонидом Ильичом Брежневым, вся наша партия, ее Центральный Комитет заявляют о своей решимости твердо и последовательно проводить в жизнь ту стратегическую линию во внутренней и внешней политике, которая выработывалась под благотворным влиянием Леонида Ильича Брежнева.

Еще теснее спланиваясь вокруг партии, ее ленинского Центрального Комитета и его коллективного руководства, советские люди заявляют о своей поддержке политики партии, о своем безграничном доверии к ней. Партия будет и впредь делать все необходимое для дальнейшего повышения жизненного уровня народа, развития демократических основ советского общества, укрепления экономической и оборонной мощи страны, упрочения дружбы братских народов Союза Советских Социалистических Республик. Центральный Комитет КПСС будет неуклонно воплощать в жизнь решения XXVI съезда партии, волю советского народа.

Мы будем делать все для дальнейшего укрепления сплоченности великого сотрудничества социалистических государств, единства рядов коммунистов всего мира в борьбе за общие цели и идеалы. Мы будем хранить и развивать

нашу солидарность и наше сотрудничество с освободившимися от колониального гнета странами, с борьбой народов за национальную независимость и социальный прогресс. Мы всегда будем преданы делу борьбы за мир, за разрядку международной напряженности.

В сложной международной обстановке, когда силы империализма пытаются толкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации, партия и государство будут непоколебимо отстаивать жизненные интересы нашей Родины, поддерживать высокую бдительность, готовность дать сокрушительный отпор любой попытке агрессии. Они будут умножать свои усилия в борьбе за безопасность народов, крепить сотрудничество со всеми миролюбивыми силами планеты. Мы всегда готовы к честному, равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству с любым государством, которое того пожелает.

В эти дни скорби мы с особой силой ощущаем поддержку и солидарность с нашей партией, с советским народом трудящихся стран социализма, братских партий, всех борцов за социальный прогресс. Мы благодарны им за это. Мы признательны также правительствам и народам многочисленных стран на всех континентах, почтившим в эти дни память Леонида Ильича Брежнева.

Товарищи! Коммунистическая партия Советского Союза твердо заявляет, что служение делу рабочего класса, трудового народа, делу коммунизма и мира, которому посвятил всю свою жизнь Леонид Ильич Брежнев, составляет и будет составлять высшую цель и смысл всей ее деятельности.

Прощай, дорогой Леонид Ильич! Память о тебе никогда не угаснет в наших сердцах. Дело твое будет продолжено в свершениях нашей партии и народа!

изводится в столицах союзных республик, в городах-героях Ленинграде, Волгограде, Одессе, Севастополе, Новороссийске, Керчи, Туле, в крепости-герое Бресте, а также в городах Калининграде, Львове, Ростове-на-Дону, Куйбышеве, Свердловске, Новосибирске, Чите, Хабаровске, Владивостоке, Североморске, Днепродзержинске, Запорожье и Днепродзержинске.

В траурной скорби замерла вся страна. На пять минут остановилась работа предприятий и организаций. На фабриках и заводах, на железных дорогах, судах морского и речного флота был дан трехминутный салют гудками.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства вновь поднимаются на трибуну Мавзолея.

Чеканя шаг, перед Мавзолеем пройдут части войск Московского гарнизона. Они отдадут последнюю воинскую почесть руководителю партии и государства, Председателю Совета Оборона СССР Маршалу Советского Союза.

Жизнь и деятельность Леонида Ильича Брежнева будет всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу.

(ТАСС).

Речь Д. Ф. УСТИНОВА

Дорогие товарищи!

Все мы переживаем трудные часы, испытываем глубокое горе. Ушел от нас наш товарищ и боевой друг — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета Оборона СССР Маршал Советского Союза Леонид Ильич Брежнев.

Вся большая и яркая жизнь Леонида Ильича Брежнева была без остатка отдана народу, Коммунистической партии, Советскому государству. Она навсегда останется для всех советских людей примером того, как должен жить и работать верный ленинец, подлинный коммунист, истинный патриот и интернационалист.

В благодарной памяти человечества Леонид Ильич Брежнев сохранится как выдающийся зодчий разрядки напряженности, как неутомимый, негнбимый борец за мир.

С первых и до последних дней Великой Отечественной войны Леонид Ильич Брежнев был на фронте. В самых тяжелых условиях боевой обстановки личным примером и страстным партийным словом он вел воинов к победе. Леонид Ильич принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении планов многих операций, вел большую организаторскую и политическую работу в войсках.

Он внес огромный вклад в послевоенное восстановление народного хозяйства. С именем Леонида Ильича связано построение в СССР развитого социализма, величайшие социально-экономические, научно-технические достижения нашей Родины. Много сил и энергии Леонид Ильич отдавал работам по созданию ракетно-космической техники.

Неослабное внимание уделял Леонид Ильич Брежнев обеспечению надежной обороноспособности нашей страны, безопасности всего социалистического сотрудничества. Повседневную заботу проявлял он о Советских Вооруженных Силах. Исключительно плодотворной была его деятельность, направленная

на оснащение армии и флота современной военной техникой, поддержание их боевой готовности на самом высоком уровне.

Великий сын советского народа, Леонид Ильич Брежнев был тесно связан с ним всей своей жизнью, всей своей работой, хорошо знал и глубоко понимал заботы и нужды человека труда. Знал он и жизнь солдата, постоянно, по-отечески заботился о воинах армии и флота. И воины отвечали на эту заботу глубокой любовью.

Товарищи!

В эти дни воины Вооруженных Сил, как и весь советский народ, еще теснее спланиваются вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета. Мы всегда будем непоколебимо верны идеям Октября, всегда будем едины в достижении великих целей коммунистического строительства.

Советские Вооруженные Силы, выраженные и воспитанные Коммунистической партией, есть и будут могучим фактором мира и безопасности народов. Они постоянно готовы защитить неприкосновенность наших границ и мирный труд советского народа, с честью выполнить свой патриотический и интернациональный долг.

В этот скорбный час перед гробом Маршала Советского Союза Леонида Ильича Брежнева Советские Вооруженные Силы склоняют свои боевые знамена.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ! Память о тебе будет вечно жить в наших сердцах, в делах Коммунистической партии и свершениях советского народа!



Речь А. П. АЛЕКСАНДРОВА

Уважаемые товарищи!

Вместе со всем народом советские ученые глубоко потрясены кончиной Леонида Ильича Брежнева, выдающегося политического деятеля современности, борца за мир и счастье народов. Как в свое время великий Ленин, Леонид Ильич считал, что организация нового общества в нашей стране, общества развитого социализма, возможна только при условии широкого использования современной науки для повышения эффективности производства и перевода экономики на путь интенсивного развития.

Он глубоко и правильно оценивал необходимое соотношение между фундаментальными и прикладными исследованиями, оказывал большую помощь развертыванию новых направлений науки.

Огромный труд Леонид Ильич посвятил развитию и созданию энергетической базы Советского Союза, решению продовольственной проблемы и проблеме промышленного и сельскохозяйственного сырья на длительный период

развития нашей Родины. Центральный Комитет партии под его руководством добился многократного увеличения экономической и оборонной мощи нашей страны и направил это огромное могущество на решение главной задачи всего человечества — снижение международной напряженности, сохранение мира.

Леонида Ильича, как борца за мир и разоружение, знают все люди на нашей планете. С самого начала Великой Отечественной войны и до дня Победы Леонид Ильич был на фронте. Он видел, какие бедствия народам приносит война, и на собственном опыте убедился, что важнейшая задача для всех народов — отстоять мир на земле. Громадную свою энергию, свою коммунистическую принципиальность Леонид Ильич вложил в борьбу за сохранение мира.

Неустанно заботился Леонид Ильич о благе нашего народа. При разработке новой Конституции СССР его принципиальные установки оказали огромное позитивное воздействие на развитие соци-

алистической демократии.

Как верный продолжатель великого дела Ленина, он внес большой творческий вклад в развитие марксистско-ленинской теории. За эти заслуги Академия наук СССР удостоила Леонида Ильича своей высшей награды — Золотой медали имени Карла Маркса.

Вся сознательная жизнь Леонида Ильича прошла после Октября. Школа его жизни была трудной, и только его необычайная одаренность и опора на народ привели к такому исключительному жизненному пути, целиком посвященному благу народа.

Товарищи!

Прощаясь с болью в душе и сердце с Леонидом Ильичом, советские ученые видят свой долг в том, чтобы еще теснее сплотиться вокруг родной Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета, еще активнее и организованнее действовать на всех фронтах науки и техники для обеспечения такого прогресса нашей Родины, к которому призывал нас Леонид Ильич!

Речь В. В. ПУШКАРЕВА

Товарищи!

Глубокой скорбью полны наши сердца. Трудная Москва вместе со всеми советскими людьми провожает в последний путь верного продолжателя великого ленинского дела, пламенного борца за мир и коммунизм Леонида Ильича Брежнева.

Горько сознавать, что умер человек, чья жизнь и поистине титанический труд были отданы без остатка великому делу партии, борьбе за счастье народа.

Начав свою трудовую биографию рабочим, по заводскому гудку, Леонид Ильич всегда и во всем оставался близок рабочему классу, всем трудящимся, был связан с ними неразрывными кровными узами.

Советские люди отвечали Леониду Ильичу искренней, сердечной любовью, испытывали к нему огромное уважение и безграничное доверие. Они по праву связывали все свои успехи в коммунистическом строительстве, в упрочении

могущества Родины с именем Леонида Ильича Брежнева, его партийной и государственной деятельностью, его личным направляющим участием в разработке и осуществлении политического курса КПСС и Советского государства.

Находясь на высших постах в партии и государстве, Леонид Ильич более двадцати пяти лет жил и работал в столице нашей великой Родины. Он постоянно уделял большое внимание Москве, превращению ее в образцовый коммунистический город, бывал в трудовых коллективах, душевно беседовал с москвичами, по-отечески заботился об улучшении условий их труда и жизни. Леонид Ильич неоднократно избирался делегатом съездов КПСС от столичной партийной организации, на протяжении длительного времени был депутатом москвичей в Верховных Советах СССР и РСФСР.

Мне выпала честь быть доверенным лицом, когда Леонид Ильич баллотиро-

вался в Верховный Совет РСФСР по Бауманскому избирательному округу. И я хорошо знаю, как близко к сердцу принимал он нужды людей, наказы избирателей, с какой большой теплотой относился к каждому человеку, с которым ему приходилось встречаться.

Смерть Леонида Ильича Брежнева — безмерно тяжелая утрата для партии, для Советского государства. Но горе не внесет растерянности в наши ряды. Рабочий класс, трудящиеся Москвы, как и весь наш советский народ, еще теснее сплотятся вокруг родной Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК КПСС. Мы приумножим свои усилия в труде, чтобы вечно жило и побеждало дело Ленина, дело Октября, чтобы воплотилась в действительность идеалы коммунизма и мира на земле, которым посвятил всю свою яркую жизнь Леонид Ильич Брежнев.

Прощай, наш дорогой Леонид Ильич!

Речь А. Ф. ГОРДИЕНКО

Дорогие товарищи!

Тяжкой болью в сердце каждого днепропетровца, днепрпетровца, как и всех советских людей, отозвалась весть о кончине верного сына советского народа, выдающегося деятеля Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, пламенного борца за мир, нашего дорогого, незабываемого земляка Леонида Ильича Брежнева.

С именем Леонида Ильича, человека огромных способностей, редчайшего обаяния, накрепко связана судьба нашего города. Здесь он родился и вырос. Здесь вступил в комсомол. Здесь в октябре 1931 года стал членом ленинской партии. На заводе имени Дзержинского прошел первые рабочие университеты, впитав в себя лучшие качества рабочего класса.

С тех пор Леонид Ильич всегда и везде был на переднем крае борьбы за коммунизм. Он вдохновлял людей, вел

их к новым свершениям во имя торжества великих ленинских идеалов.

Леонид Ильич всегда был тесно связан с родным городом, с нашей городской партийной организацией. При всей своей занятости он находил время и возможность вникнуть в наши дела, поддерживал теплым словом и отеческим советом. Коммунисты, трудящиеся Днепропетровщины, всей Днепропетровской области постоянно чувствовали внимание и заботу всеми нами любимого Леонида Ильича Брежнева. Незгладимый след в памяти оставили его встречи, теплые, душевные беседы с земляками, глубокий интерес к их жизни и работе.

В ознаменование выдающихся боевых и трудовых заслуг Леонида Ильича на его родине — в городе Днепропетровске установлен бронзовый бюст. Он постоянно напоминает нам о высокой части и огромной ответственности быть земляками Леонида Ильича Брежнева.

Трудно поверить, что больше Леонид

Ильич не встретится с нами, не придет, не поинтересуется, как работают заводы, идет строительство, не расспросит о людях, о делах городского комитета партии. Горько это сознавать. Потеря невосполнима.

Стойкий марксист-ленинец, испытанный партийный руководитель, Леонид Ильич Брежнев прожил большую и славную жизнь. Он много сделал для нашей многонациональной Советской Отчизны. Его светлый образ навсегда сохранится в сердцах трудящихся Днепропетровщины, всех советских людей как вдохновляющий пример верности делу Коммунистической партии, советского народа.

В этот тяжкий прощальный час мы хорошо понимаем, что лучшим памятником ему будет наш самоотверженный труд по выполнению предначертаний XXVI съезда КПСС во имя нашей любимой Родины, во имя мира и коммунизма.

Прощай, наш дорогой Леонид Ильич!

Когда человек уходит из жизни, то в последний путь его провожают земляки — с кем делил любовь и благодарность к земле-родительнице; друзья — с кем делил радость общения и добро сердец; товарищи по работе — с кем делил счастье трудиться во имя Дела...

Леонида Ильича Брежнева провожают в последний путь, скорбят о его кончине все люди доброй воли, и не только у нас в стране, но и далеко-далеко за ее пределами. Ибо и на тех далеких землях есть его земляки, есть его друзья, есть товарищи по общему делу — построению будущего, которое сблизило бы людей планеты, одарило бы их справедливостью, равенством, братством. И миром. Вечным!

Ушел из жизни коммунист, руководитель ленинского стиля, воин и созидатель, общественный деятель всемирного значения. Ушел из жизни человек, чья биография писалась вместе с биографией страны. С именем Леонида Ильича Брежнева, отмечалось на внеочередном Пленуме Центрального Комитета КПСС 12 ноября 1982 года, непосредственно связаны свершения, которыми гордится советский народ и которые нискали Стране Советов уважение на мировой арене. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, победа в Великой Отечественной войне, восстановление народного хозяйства в послевоенный период, исследование космоса, укрепление экономического, научного и культурного потенциала страны — овладению этими исторически значимыми для Родины рубежами отдавал Леонид Ильич энергию, знания, опыт.

Почти два десятилетия Леонид Ильич Брежнев был на посту руководителя нашей партии. Давайте же оглянемся на это время. Его основными вехами для 18-миллионного отряда советских коммунистов явились четыре съезда КПСС — XXIII, XXIV, XXV, XXVI. Они обогатили золотой фонд марксистско-ленинской теории, продемонстрировали истинно народный характер начинаний партии, гуманизм и исторический оптимизм социализма. Именно с трибуны съезда человечество услышало положения Программы мира. Но, как было верно подчеркнuto на внеочередном Пленуме Центрального Комитета КПСС, «мир — это и мощь тех, кто защищает его. Поэтому Программу мира подкрепили мудрые, основанные на передовых достижениях научно-технического прогресса меры партии и правительства в области экономики. БАМ, Самотлор и Уренгой, КамАЗ, «Атоммаш»... Эти стройки-гиганты не могли не появиться на экономической карте страны — «дел громадь» было по плечу первостроите-

И МЫ — ЭТОЙ СИЛЫ ЧАСТИЦА

Партия — это миллионы плеч,
друг к другу прижатые туго.

В эти дни, когда весь наш народ отдает долг памяти ушедшему от нас Леониду Ильичу Брежневу, все мы еще глубже осознали, ощутили, увидели, какая это неодолимая, необоримая, незнакомая преград сила — наше единство. Единство миллионов людей всех возрастов, самых разных национальностей. Единство советского народа.

Единство, в сердцевине которого наша сплоченность вокруг родной партии.

лям государства, рожденного Октябрем, по плечу и их наследникам. Тем, кто нацелен сегодня основными документами партийных форумов далеко вперед. Прочность созданного — фундамент; верность ленинским заветам, уверенность в правоте наших идеалов — надежный материал для построения здания коммунизма.

Советские люди уверены в правоте своих идеалов. Задумаемся: а ведь это такое же великое завоевание, как покорение космоса или электрификация страны. Это — успешное создание качественно новой духовности человека. Когда его ум и сердце напряженно трудятся не столько во имя удовлетворения личных желаний, сколько во имя общего блага. Обращаясь к произведениям Леонида Ильича Брежнева, всякий раз отмечаешь его углубленный интерес к внутреннему миру людей: защитников Отчизны — в «Малой земле», хлеборобов — в «Целине», рабочих — в «Воз-

лось на прочность в обстоятельствах крайне сложных и тяжелых. Народ не только побеждал, но и выковывал в сражениях, боевых и мирных, непоколебимое чувство единства, на основе которого возникла качественно новая, невиданная миром интернациональная и социальная общность людей — **советский народ**. Его устремления и мечты надежно подкреплены силой, позволяющей, как подчеркивалось на внеочередном Пленуме Центрального Комитета КПСС, решать сложнейшие задачи. «Эта сила — единство наших партийных рядов, эта сила — коллективная мудрость партии, ее коллективное руководство, эта сила — единство партии и народа». Оно наглядно и исчерпывающе проявилось в поддержке призывов, содержащихся в Обращении партии и правительства к советскому народу, решении внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, в осознании важнейших задач текущего момента.

ЕДИНСТВО

рождении». Да, он ясно понимал: на подвиг, ратный или мирный, способен человек духовно богатый, искренне, всей душой принимающий и защищающий передовые общественные идеи. Воспитание коммунистической сознательности в каждом гражданине страны, приумножение нравственных и культурных ценностей советского человека — этим важнейшим идеологическим задачам Леонид Ильич уделял особое внимание. Деятели искусства и литературы, работники печати, радио и телевидения постоянно ощущали заботу партии. Заботу требовательную, о чем свидетельствуют постановления ЦК КПСС, в которых всякий раз давался объективный анализ не только успехов, но и просчетов. И сейчас нужно помнить, что четко организованная и продуманная политико-воспитательная работа, произведения искусства и литературы, отражающие самую сущность нашей жизни, — залог преемственности ленинских идей, которые эстафетой передаются от поколения к поколению советских людей.

Все накопленное нашим народом за более чем шестидесятилетнюю историю Советского государства не раз проверя-

лось на прочность в обстоятельствах крайне сложных и тяжелых. Народ не только побеждал, но и выковывал в сражениях, боевых и мирных, непоколебимое чувство единства, на основе которого возникла качественно новая, невиданная миром интернациональная и социальная общность людей — **советский народ**. Его устремления и мечты надежно подкреплены силой, позволяющей, как подчеркивалось на внеочередном Пленуме Центрального Комитета КПСС, решать сложнейшие задачи. «Эта сила — единство наших партийных рядов, эта сила — коллективная мудрость партии, ее коллективное руководство, эта сила — единство партии и народа». Оно наглядно и исчерпывающе проявилось в поддержке призывов, содержащихся в Обращении партии и правительства к советскому народу, решении внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, в осознании важнейших задач текущего момента.

Наше движение вперед не может задерживаться, страна развивается, крепнет, мы смело приближаемся к невиданным горизонтам, и горечь утрат не нарушает этот великий процесс, в момент всенародной скорби еще и еще раз убеждаемся мы в верности выбранных ориентиров. И под руководством партии намечаем новые — те, которые укажут дорогу в будущее нашей молодой смене. К ней с трибуны XVIII и XIX съездов комсомола обращался Леонид Ильич, ведя с юностью страны разговор сколь благожелательный, столь же требовательный и принципиальный. Пример его жизни и деятельности зовет молодежь к творческому труду, идейной бескомпромиссности, требовательности к себе. Зовет быть деятелем — человеком, живущим интересами общества.

С чувством гордости и благодарности в который уже раз убеждаешься: в

сложные или скорбные, как сейчас, моменты партия вселяет в народ чувство уверенности в будущем, окрыляя величием начертанных планов. Ибо, ведомый боевым и испытанным штабом — Центральным Комитетом, — 18-миллионный отряд советских коммунистов твердо следует ленинским курсом. И в этом основа социального оптимизма, с которым наш народ подходит к решению насущных задач.

Партия подчеркивает, что мы располагаем ясной и четкой программой создания — решениями XXVI съезда, планана одиннадцатой пятилетки. И первейшее дело каждого коммуниста, каждого труженика страны — так же четко и ясно сознавать свою ответственность за вклад в выполнение намеченного. Вклад каждого в **общее дело** — вот тот главный, бесценный капитал, данный нам Октябрем и приумноженный завоеваниями социалистического строя. Таких **общих** важных дел у нас много, на них ориентирует нас партия. И советский народ поддерживает решения внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС. Он един с партией в стремлении крепить экономическое могущество Родины, ее международный авторитет, отстаивать мир на планете, быть проводником идей интернационализма.

Оглянемся вокруг: кипит жизнь страны, уверенно бьется ее трудовой пульс. И, даже выражая свою скорбь по поводу кончины Леонида Ильича Брежнева, люди рапортуют о новых трудовых победах. Они полны решимости достойно встретить знаменательную дату — 60-летие образования Союза ССР. Ни на минуту не прекращается и труд нашего авангарда — ленинской партии. Труд во имя благосостояния и счастья советских людей. Труд титанический и беспримирный. «Советский народ безгранично доверяет своей Коммунистической партии. Доверяет потому, что для нее не было и нет иных интересов, чем кровные интересы советских людей. Оправдать это доверие — значит идти вперед по пути коммунистического строительства, добиваться дальнейшего расцвета нашей социалистической Родины». Так сказал на внеочередном Пленуме Центрального Комитета КПСС Юрий Владимирович Андропов. И мы, советские люди, заявляем: да, безгранично верим тебе, партия!

...Если память об ушедшем из жизни человеке остается на земле, то лучшим ему памятником — то, что земля эта станет еще краше. Лучшая память его друзей — добро их сердец, отданное людям. А те, кто трудились с ним во благо Дела, да приумножат свои усилия!

Михаил УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

В Обращении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу твердо сказано, что партия и впредь будет делать все для подъема народного благосостояния. Что наша воля к миру неизменна. Что наша Родина будет упорно бороться за то, чтобы отвратить от человечества угрозу ядерной войны.

И все мы уверены: так будет. Потому что это — слово партии. Воля партии. Так будет потому, что все мы готовы отдать свои силы для того, чтобы воплотить планы партии в жизнь. Ведь эти планы — наши помыслы.

Лучшей данью светлой памяти Леонида Ильича Брежнева, подчеркнул состоявшийся в эти дни внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС, который избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андропова, будет дальнейшая общая наша работа на благо и счастье всех советских людей. Как всегда, первая и главная мысль партии — о народе.

У каждого из нас свой участок рабо-

ты, свои конкретные задачи. Но где бы и над чем ни работал человек, он всегда может обогатить свой труд, сделать его более творческим, а значит, и плодотворным. И тем самым увеличить свой вклад в общее дело.

Инициатива, творческий поиск — великое дело. Они позволяют добиваться успехов там, где бессильно простое выполнение своих обязанностей. Они делают интереснее жизнь. И чем больше работников вовлечено в такую работу, тем значительнее успехи коллектива. На нашем заводе дело поставлено так, что об успешном развитии производства, повышении качества продукции, экономии и бережливости думают все — от рабочих до руководителей предприятия. У каждого есть все возможности участвовать в повышении производительности труда, в улучшении условий работы и быта. Хорошо помню, какой подъем души испытал я, когда было принято и осущеено мое предложение, в чем-то облегчившее работу на нашем участке. Оно было весьма скромным, но именно оно помогло мне

понять: нет в жизни радости выше и благороднее, чем сознание, что полезен людям.

Сейчас наш коллектив ведет продуманную работу по подготовке к коммунистическому субботнику и делает все, чтобы успешно выполнить свои обязательства по достойной встрече 60-летия образования СССР. Таковы наши ближайшие цели.

Но мы будем и дальше идти вперед, к светлым целям, указанным партией. Вся наша жизнь подтверждает: этот курс — самый плодотворный, самый верный, самый нужный людям.

От лица молодежи, от имени поколения 80-х хочу сказать: мы готовы сделать все, чтобы мечты и пожелания старших поколений стали реальностью. И мы добьемся этого. Такая задача нам по плечу. Потому что ведет нас партия.

Владимир ДУДУРИН,
слесарь Фрунзенского
приборостроительного завода
имени 50-летия Киргизской ССР

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ ЛЕНИНА

Ушел из жизни Леонид Ильич Брежнев.

Скорбен час Советской страны. Неизмерима боль всего прогрессивного человечества. Велика утрата и для болгарского народа, потерявшего верного друга и брата. Во всеобщем горе нет болгарского гражданина, который не почитал бы его память, нет болгарского сердца, которое не болело бы, ощущая невозвратимую потерю выдающегося борца за мир и коммунизм. В скорби и боли с партией Ленина, вместе с советскими людьми и мы, болгарские студенты, обучающиеся в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и во всех высших учебных заведениях Москвы.

Леонид Ильич Брежнев был не только пламенным патриотом. В наших сердцах он останется последовательным интернационалистом. Неоценим его вклад в сплочение международного коммунистического и рабочего движения. Мы будем помнить большое внимание и сердечность, с которыми Леонид Ильич относился к братским народам социалистического содружества, ко всем народам планеты, идущим по пути социального прогресса. Человечество увидело в его лице великого творца мира для нашей эпохи, стратега миролюбивой политики СССР, определяющего как первое неотъемлемое человеческое право — право на жизнь. Непреходящи заслуги Леонида Ильича Брежнева в создании и реализации Программы мира.

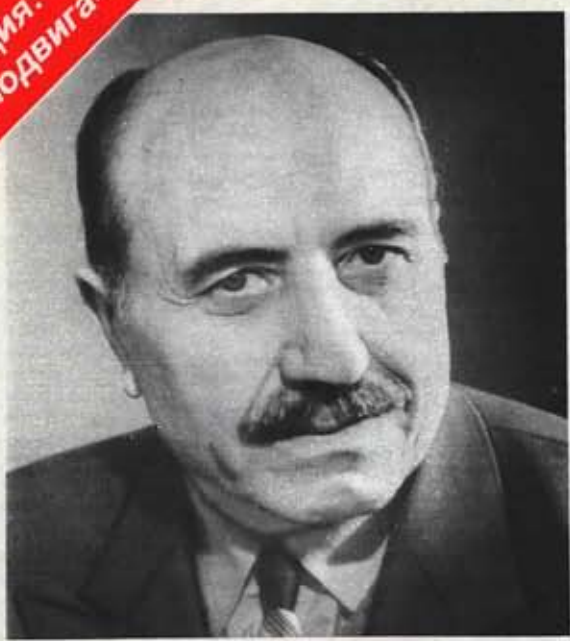
Болгарские студенты склоняют головы перед человеком, которого наш народ принимал как сына своей земли. Леониду Ильичу трижды присуждалось звание Героя Народной Республики Болгарии, он был лауреатом Димитровской премии. Но самая большая награда, которой Болгария удостоила его, — это всенародная любовь. Ушел от нас человек, который в братстве болгарского и советского народов видел пример социалистического интернационализма в действии. Болгария никогда не забудет Леонида Ильича. Он присутствовал и останется в каждом нашем дне.

И сегодня мы, граждане социалистической Болгарии, вместе с миллионами и миллионами единомышленников и друзей в разных уголках планеты обращаем наши взгляды на Коммунистическую партию Советского Союза, партию — флагман мирового коммунистического движения, партию, которая десятилетиями своей деятельностью утвердила незыблемый авторитет, основанный на огромнейшем опыте, на самоотверженном служении народу, на единстве революционной теории и практики, на смелости и энергии, проявляемых при решении исторических задач коммунистического строительства. Несгибаемой воле и непоколебимой сплоченности мы учимся у советских коммунистов.

Жизнь всепобеждающая в своей преемственности. Мы, болгарские комсомольцы, выражаем нашу готовность быть достойными сыновьями и дочерьми болгарского народа. Тесно сплоченные вокруг Болгарской коммунистической партии, плечом к плечу с вами, советские братья и сестры, в нерушимом единстве с великой партией Ленина продолжим светлое дело мира и коммунизма, дело, которому поколения посвятили свою жизнь и борьбу, дело, которому посвятил себя Леонид Ильич Брежнев.

Енцислав ХАРМАНДЖИЕВ,
студент V курса
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета дружбы и подвига»



Кайсын КУЛИЕВ,
народный поэт
Кабардино-Балкарии,
лауреат
Государственной
премии СССР,
депутат
Верховного Совета
СССР

ДРУЖБОЙ ПОКОРЕННЫЕ

Однажды тихим солнечным днем постучался в саклю человек. Дверь открыла женщина. Человек этот сказал, что он представитель Советской власти в ауле и пришел, чтобы повести сына женщины в школу.

Женщина испугалась. Она не знала, что такое школа и нужно ли ее сыну учиться. Ее мучило сомнение, а не принесет ли школа беду в дом. Но человек не отступал. Он стал убеждать неграмотную женщину, что новая власть желает добра людям, что грамота сделает ее сына счастливым. И тогда женщина позвала сына. Появился бритоголовый мальчик в старом, залатанном бешметике серого цвета. Взрослый взял мальчика за руку и повел в школу. Летела над их головами паутина, которую балкарцы называют слонами оленя. На склонах гор желтели чинары и орехи. Стоял теплый сентябрьский день.

Школой оказался маленький домик возле аулсовета, крытый красной черепицей. Они вошли в него. По одну сторону длинного дощатого стола сидели аульские дети, по другую — молодой мужчина. Он усадил мальчика на скамейку и продолжил прерванный рассказ.

Мальчик не знал, зачем его привели сюда, он не слушал учителя, а смотрел в окно, за которым на пыльном дворике гулял одинокий ослик. Но тут учитель вытащил из своей сумки что-то желтое. Мальчик решил, что это коробочка с конфетами, и уставился на нее жадным взглядом. Ему захотелось открыть ее, но смущение овладело им, и он никак не мог его побороть. Тогда мужчина сам открыл коробочку, и как же удивился мальчик, увидев, что в ней нет конфет. Зато в той таинственной коробочке он нашел нечто необыкновенное: странные знаки и изображения коров, лошадей, осликов, домов и людей. Как же попали туда коровы и ослики? — думал мальчик, не сводя взгляда с коробочки. Он хотел спросить об этом мужчину, но тот, угадав его мысли, объяснил, что хорошие люди собрали животных вместе специально для мальчика. И еще учитель сказал, что это вовсе не коробочка, а книга. Мальчик впервые услышал загадочное слово «книга». Он не знал, что оно означает. И тогда мужчина, предупреждая его второй вопрос, сказал, что книга — это то, по чему

мальчику предстоит учиться. По ней он будет запоминать буквы, образовывать слоги, соединять их в слова. Он пояснил, что книга эта необыкновенная, что называется она букварь.

Молодого учителя звали Мисост. А его маленького ученика — Кайсын Кулиев.

Около шестидесяти лет прошло с тех пор. Мальчик из бедной семьи горцев не только научился читать. Он стал любимым поэтом своего народа.

— Вряд ли бы я стал образованным человеком, если бы не открытый мне и другим маленьким жителям «окраин» России путь к знаниям. Его открыл Октябрь. Он постучался в наши дома и позвал в путь ко всему светлому, как тот мужчина, что постучался к нам и позвал в школу.

Земля моих предков — самая большая моя любовь. Без нее я не представляю своего существования. Но не представляю и ее существования — цветущей, богатой — без дружбы, которой крепко связал нас, представителей разных, малых и больших народов, союз равных — Советский Союз.

Счастье — видеть родную землю, ее людей. Радоваться кизиловой веточке, шуму горной реки, знакомому камню на дороге. Все, что тебя окружает...

В искренности этих слов я убеждался постоянно. Но особенно, когда поэт повез меня в горы. Дорога была хороша знакомому Кулиеву, он всматривался вдаль, ища знакомое дерево. А когда подъезжал к нему, по-детски востигался его причудливой кроной, которая так изящно и как-то по-новому вписалась в лазурный купол неба. Мне казалось, что поэт особым, своим, зрением видит зеленые склоны гор, присыпанные белым, тихим снегом. И пришли на память строки Кулиева о снеге:

*И сам другой я человек,
И времена иные.
И только снег, и только снег
Идет, как в дни былые.*

А потом Кулиев показал на барашек облака, который точно пасся на середине горного отрога.

— Помните: «ночевала тучка золотая на груди утеса-великана»? Образ этот мог появиться только у человека, любящего Кавказ.

— Кайсын Шуваевич, слушая вас, подумалось, что вы стали поэтом не в

«На собственном опыте народы Страны Советов убедились: сплочение в едином союзе умножает их силы, ускоряет социально-экономическое развитие. Мы вправе гордиться тем, что в общем строю с трудящимися всех наций страны народы бывших национальных окраин, обреченные прежде на вековую отсталость, уверенно шагнули в социалистическое будущее, минув капитализм, и достигли высот социального прогресса».

Из постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик».

последнюю очередь благодаря Чегему, где родились, величественной красоте Центрального Кавказа, неповторимому аромату цветов и трав и многим обстоятельствам, которые так или иначе повлияли на судьбу?

— Да, это так. Но я бы еще добавил, что мой путь в литературу закономерен. Он был предопределен с самого детства...

Оно было трудным и суровым. Отец поэта сражался с Деникиным, а потом умер от тифа. Матери, крестьянке, предстояло одной поднимать многодетную семью. Кайсын рано узнал, что такое голод и лишения, труд и заботы по дому. Он ячжет хворост, пасет овец и коз,

«Ты собираешься уходить из института, — начала она. — Это твое право, но я бы просила тебя остаться. Я знаю, что ты хочешь стать поэтом, но разве образование тебе помешает? Никакой вуз не даст тебе столько, сколько ГИТИС. У нас преподают историю музыки, театра, живописи... Где ты можешь получить такие знания, где так приобщиться к культуре? Только наши студенты имеют право на бесплатные билеты во все театры, на все выставки. Я тебя освобождаю от предметов, которые тебе не понадобятся в будущем. Только учишься. И помни, что быть образованным — большое счастье».

Я остался, а вечерами стал ходить в Литературный институт.

борется с невзгодами и радуется природе, такой щедрой на цвета, запахи и звуки.

Советская власть предоставляет ему возможность учиться. И жажда знаний захватывает его на всю жизнь. Он ходит в школу, где слышит примерным учеником, потом занимается за сотни километров от родного аула — в Москве.

— Я неспроста сказал о закономерности пути...

— А каким он был?

— Сочинять стихи я начал очень рано и печататься тоже. И казалось бы, мне прямая дорога в Литературный институт. Но случилось так, что я стал студентом Государственного института театрального искусства. Судьба свела меня с замечательным режиссером Ильей Яковлевичем Судаковым. Чем-то я привлек его внимание, и он заявил, что у меня актерский дар. И хотя лестно было слышать его речи, я пытался возражать. Меня влекла поэзия, литература. Он терпеливо выслушивал меня, но потом опять приводил свои доводы. Мол, Шекспир был актером, и это не помешало ему стать поэтом, убеждал он. Ты должен сыграть Отелло. У тебя это может получиться. А поэзия от тебя никуда не уйдет. (Забегая вперед, замечу, что роль Отелло Кулиев так и не сыграл. Но в годы учебы в Москве перевел на балкарский язык три пьесы: «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега, «Проделки Скапена» Мольера и «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова. Перевел он и «Отелло» — только гораздо позже.)

— Я учился в ГИТИСе и был неплохим студентом. И все-таки меня одолевало сомнения в правильности моего выбора. Хотелось жить стихами, а не растрачиваться на что-то, кроме них. И тут решающую роль в моей жизни сыграла Анна Никитична Фурманова, жена известного советского писателя. Она была ректором института театрального искусства, пользовалась непререкаемым авторитетом у преподавателей и студентов. Она вызвала меня к себе в кабинет, усадила в кресло. Я навсегда запомнил ее строгое черное платье, на котором поблескивал орден Боевого Красного Знамени. Я ждал суровых слов, но она вдруг заговорила не как ректор, а как мать, которую волнует судьба ее любимого сына.

В дни моей командировки мы выезжали в горы несколько раз. По дороге в Черекское ущелье Кулиев не раз останавливал машину. И однажды сделал это, чтобы преклонить голову перед памятником гениальному балкарскому поэту Кязиму Мечиеву. В год рождения Кязима его отец был еще крепостным крестьянином. А в округе шла добрая слава о нем, как о прекрасном мастере седельных и оружейных дел. Он и сыну привил любовь к своему ремеслу. Но сын пошел дальше отца. Хоть он и унаследовал от него талант мастера и кузнеца, но этого ему было мало. Он занимался самообразованием, учился, овладел не только арабским, но и персидским языком, читал великих поэтов Востока в подлинниках.

— Я не перестаю удивляться цельности натуры Кязима. На его пути в литературу было столько преград, но он сумел преодолеть их с честью.



*О тебе раздумий светлых полный,
На вечернюю смотрю зарю.
«Как еще красива ты!» — безмолвно,
Мысленно себе я говорю.
На вечерние деревья глядя,
Утренний еще я вижу свет,
Высшей уподоблюсь я награде —
Думать о тебе на склоне лет.
Хоть в окне моем сияет вечер,
Ты моя рассветная звезда,
Хоть от снега мне прикрыться нечем,
Ты не гасни, ты гори всегда!
Хоть мои деревья облетели,
Вешь ты зеленою весной.
Ждут меня снега, дожди, метели,
Осень и зима. Но ты — со мной!*



*Я приехал в свой Чегем родной,
Повстречался снова я с весной.
Звонкий голос, ты зовешь кого?
Это голос утра моего.
Тихий голос слышен меж камней —
Это голос матери моей.
Слышу песню горного ручья —
О, зеленая
колыбельная
моя!*

Какая воля, какая тяга к прекрасному, какой характер! Кязим — талант трагический, но сколько в нем оптимизма, щедрости, доброты. Он жил в самом высокогорном ауле Шики. Однажды с соседней горы пошел селевой поток, который принес беду во многие семьи горцев. И Кязим направился из своего Хуламского ущелья в Чегемское, чтобы участвовать в похоронах. Там он встретился с поэтом Саидом Шахмурзой. Между ними произошел такой разговор:

— Саид, если ты будешь раздавать свое добро, оно будет убывать. Не так ли?

— Так, учитель.

— Но вот есть добро, которое не убывает. Ты его раздаешь, а его становится больше. Что же это за добро, Саид?

Долго думал Шахмурза, но так и не смог ответить на трудный вопрос своего мудрого старшего товарища.

И тогда Кязим сам ответил:

— Это добро — знания.

На всю жизнь запомнил этот урок Шахмурза.

Кайсын Кулиев бесстрашно вел машину над пропастью, захватывало дух от высоты. Поэт выглядел истым горцем, только оседлавшим вместо коня современную технику. Наконец мы остановились у знаменитых Голубых озер. Их тихая водная гладь была разных цветов. Под солнцем — синеватой. В тени деревьев — черной. А дальняя часть озера розовела. От воды веяло тайной. Еще бы: одно из озер имеет глубину более двухсот метров — волшебный колодец, искусно прорубленный самой природой. Кулиев искоса поглядывал на меня, и в этом взгляде было детское ликование: «Ну, как, удивлен? Вот где живу!»

Когда мы уже сидели в машине, Кулиев сказал:

— На Западе говорят, что происходит крушение гуманизма. Это не так. Какое же крушение, если существует поэзия? Живут классики, их переиздают, потребность в них не пропадает. Немало и современных поэтов. А поэт — обязательно гуманист. Ему нельзя без уважительного отношения к

человеку. Это главный нравственный принцип.

Были при гитлеровском режиме слуги лживых од, но поэтов не было. Я как-то вместе с Львом Гинзбургом ездил в ФРГ. Он, знаток немецкой литературы, попытался вспомнить хоть какого-то мало-мальски известного фашистского стихотворца и не вспомнил. Это немисливо, чтобы режим, основанный на человеконенавистничестве, дал миру поэта.

Поэт, по моему убеждению, — всегда личность. Мне посчастливилось знать в жизни замечательных поэтов, и все они были личностями. Когда я вспоминаю о них, то всякий раз думаю: ведь вершин искусства они достигли не только благодаря своему таланту, но и тому, что наше многонациональное государство достигло великих вершин дружбы, трудовых побед, нравственности и гуманизма. Именно с них, этих высот, острым глазу литератора видны темы, живые и пульсирующие, истинно дорогие его народу, стране.

О назначении поэзии, пожалуй, нельзя сказать лучше, чем это сделал Лермонтов в стихотворении «Поэт»:

Бывало, мерный звук
твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе,
как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

К этим строкам добавлю, что поэт — тот, кто с состраданием относится к другим, понимает чужую боль, старается помочь обездоленным словом и делом. Нельзя продолжать писать, если совесть в тебе умерла, если стал равнодушным, бессердечным.

Потом Кулиев дополнил свой монолог о назначении поэзии зримым образом: «Поэт должен согреваться у очага простых людей и согревать их, в свою очередь, огнем своей поэзии». Устами своего героя Горький произнес крылатые слова: «Человек — это звучит гордо!» Как бы перефразируя их, Кулиев неоднократно говорил о гордом звучании слова «поэт».

— Поэт — это совесть, это большая ответственность. Поэты пользуются у нашего народа любовью и уважением, и поэтому это звание ко многому обязывает. Даже в мелочах нельзя забывать об этом.

Как-то Кулиев рассказал одну до-

вольно-таки необычную историю. Его рассказ был слегка ироничным, в нем не было самолюбования, он даже чуть-чуть подтрунивал над ситуацией, в которую попал по воле обстоятельств. Несколько лет назад ему пришла телеграмма от директора одной столичной киностудии. Кулиева просили, когда он будет в Москве, зайти на киностудию. Поэт удивился, но все-таки, будучи в столице, нанес визит директору. Тот встретил его с радостью, но, к изумлению гостя, начал разговор о новом фильме, в котором предложил Кулиеву главную роль одного кавказца. Мы пробовали многих артистов, сетовал директор, но только ваша внешность отвечает типу. Кулиев к директору пришел вместе с сыном. По его лицу он понял, что сын ждет от него решительного отказа. Однако Кулиев попросил день на размышление. Он сделал это из такта, чтобы категорическое «нет» не слишком огорчило кинематографистов.

Кулиев очень дорожит званием «поэт». Правда, не из ложной скромности, а по строгому отношению к этому слову, о себе «поэт» он старается не говорить. «Время покажет, кто из нас кто», — любит он повторять. Однако не только время является критерием. Часто, каков ты, можно судить по отношению к тебе людей. Народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев пользуется у себя в республике всенародной любовью и признанием. В каком бы ауле, в каком бы городке он ни появлялся, его узнают крестьяне и пастухи, рабочие и служащие. И дело не только в его стихах. Поэт общителен, может с каждым найти общий язык. Ни тени высокомерия, поэты. Он прост, доступен, добр.

Он живет в Чегеме, в родном районе, у него добрые отношения с жителями поселка. У кого-то свадьба — зовут его; провозжают сына в армию — он тоже в числе обязательных гостей. Отказываться, несмотря на занятость, не любит, потому что не желает обидеть, огорчить. Кому-то нужна помощь — опять идет к нему. Ведь он не просто известный поэт, но и депутат Верховного Совета СССР. И знают: если

ВЕРШИНЫ

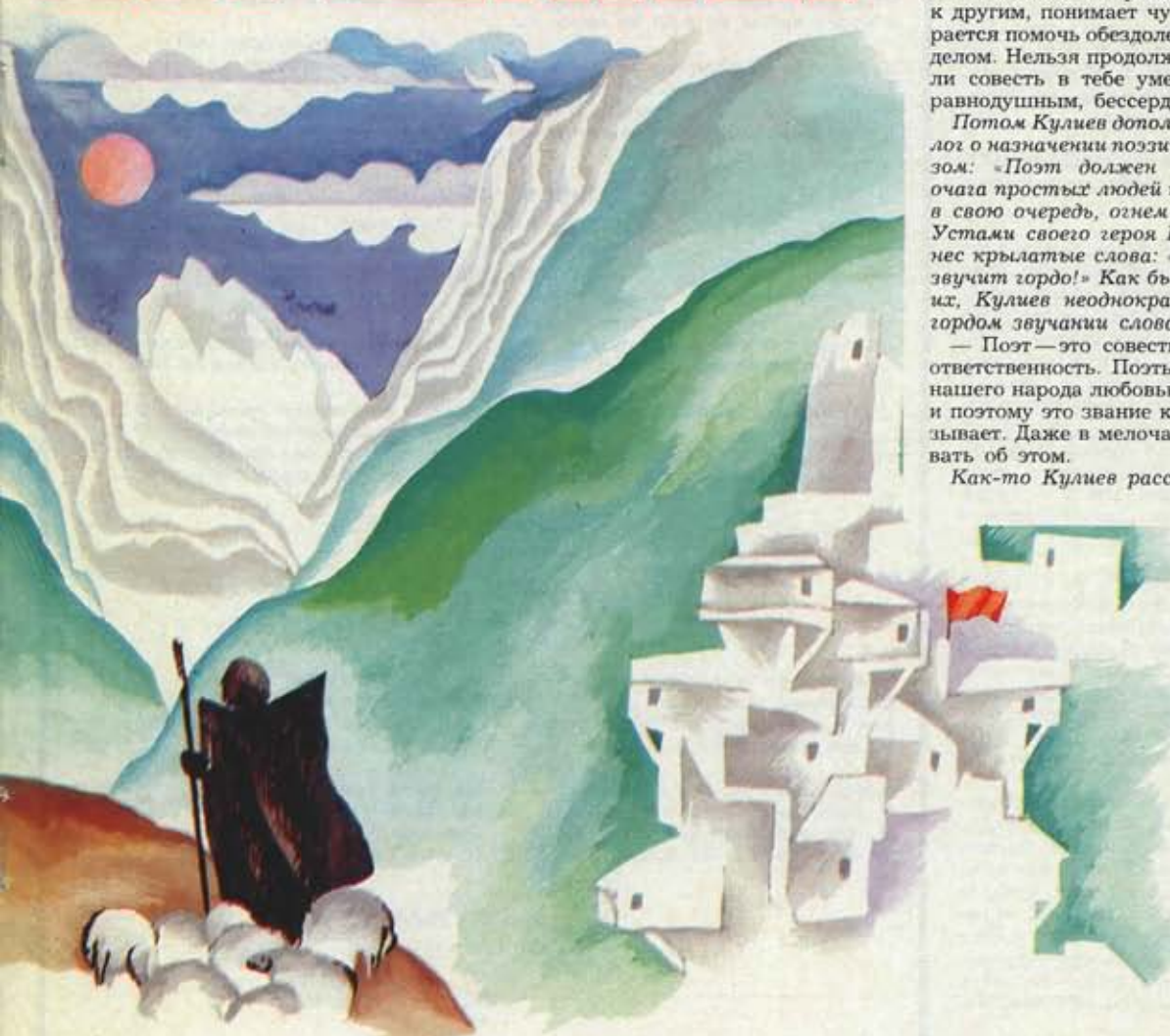


Рисунок Владимира ДЕЛБЫ



— Наступает зима. Дни ее холодны.
— Что настанет зима, знали мы и весною.
— Наша жизнь, словно зимний день, коротка!
— Мы об этом с тобой еще в юности знали.
— Что же делать, скажи?

— Выход только один:
жить, творить свое дело.

— Наступает зима. Как сурова она!
— Нам с тобой давно это было известно.
— Что же нам предпринять?

И куда нам податься?
— Тот, кто видел весну,
должен видеть и зиму.
— Наступает зима. И пощады не жди!
— Что ж, и это принять
мы должны быть готовы.
— Ты мудрец. Так скажи свое слово:
как быть?
— Смертен я, как и ты. И зимы своей жду я.
Жить. Трудиться.

Другой. в мире мудрости нет!..



Для меня благо — то, что живу я, хожу
По одной с тобою земле,
Как прекрасно, что воду одну с тобой пью.
Что одною идем мы тропой!
Видеть небо одно, видеть ту же звезду,
Те ж деревья и ту же траву,
В дом с тобою входить, где пылает очаг,
Говорить на одном языке.
Видеть вместе один снегопад, один дождь.
— Как прекрасно! Я понял теперь:
Как мне сладостно имя твое повторять!



Когда дней у тебя позади остается
Больше, чем впереди тебя ждет, — как нужны
Тебе мудрость и стойкость.

чтоб жить и, как прежде,
Продолжать свое дело, привычное дело!
И хотя сознаешь ты, что дней пред тобою
Много меньше, чем дней позади, — ты спокойно
Свое дело вершишь и живешь так, как будто
Нет конца твоим дням, и годам, и дорогам,
И ты трудишься так, так глядишь пред собою,
Словно снова весна ждет тебя впереди.
И за это тебе возношу я хвалу,
Человек, одолевший все тяготы жизни!
Так и дерево, что будет срублено завтра,
Нынче смотрит спокойно на синее небо,
На сияние звезд смотрит тихо и мудро,
Как смотрело в свои молодые года.

Перевел с балкарского
Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ.

Кулиев возьмется помочь — поможет.

Он длительное время возглавлял Союз писателей Кабардино-Балкарии. Многие молодые ощутили на себе его внимание и заботу.

— Вот некоторые старшие боятся талантливых молодых. Они размышляют так: а не затмят ли они нас своим талантом, критикуют не за дело, не из принципиальных соображений, а из личной корысти. Я не принадлежу к их числу. Мне приятно, когда рождаются новые таланты. Быть доброжелательным к коллегам меня научил Сергей Есенин. Это он сказал: «Поэт поэту есть кунак».

Я горячо люблю поэзию молодого собрата Ибрагима Бабаева. Пишет он интересно, образно, глубоко. Ему в поэзии удалось то, что не удалось многим. Я рад, что помог ему выпустить первую книжку стихов. Жаль, что за пределами республики его плохо знают. А он, безусловно, заслуживает признания. Хотелось бы обратить внимание еще на Муталифа Бешпаева, Магомета Мокаева, Салиха Гургуева, Ахмета Сазаева, Абдулаха Бегиева. Очень перспективные молодые поэты. В данном случае я говорю о поэтах, пишущих на балкарском языке.

— Муталиф Бешпаев говорил мне, что не только ваша поэзия, но и ваша жизнь является для него образцом для подражания. Не эпигонства, а следования, точкой отсчета. А кто повлиял на вашу судьбу, кого вы считаете своим учителем в жизни и поэзии?

— Моим учителем на всю жизнь остался гениальный балкарский поэт Кязим Мечиев. Его поэзия значительна своим социальным содержанием, мятежными мотивами протеста, тем, что этот протест выражен с могучей художественной силой в стихах и поэмах. Поэзия Кязима озарена светом народных праздников, пронизана горечью народных бед, ей присущи мощная образность и красота. Удивительно точен, безупречен в своей конкретности его язык...

Не могу не назвать и других разноязычных мастеров нашего времени: Твардовского, Тихонова, Ахматову, Пастернака, Исаакяна, Леонидзе, Чиковани, Гарсиа Лорку. Со многими из этих поэтов меня связывали крепкие дружеские отношения.

Особенно мне хотелось бы сказать о Пушкине. Нам, людям Востока, радостно не только оттого, что Пушкин навсегда закрепил в своих нестаряющихся произведениях целый мир восточных образов, красок и ритмов. Мы рады еще и тому, что он видел наши горы и белизну снега их вершин, звезды над хребтами, сиявшие, как лучшие надежды в душе великого поэта. Его плечи, как и плечи другого русского гения — Лермонтова, знали кавказскую бурю, сделанную терпеливыми руками горняков. Не увядая, живут образы Кавказа и кавказцев в его чудных созданиях, в его чудодейственных стихах вошли вечно белая вершина Казбека, суровое Дарьяльское ущелье с бурным Терекком, грохот обвала в теснине, сумерки на холмах Грузии, красота наших женщин, бедный пастиух и нищий наездник. Все это закрепил в своих книгах поэт для всех народов и поколений...

Русская поэзия оказала сильное влияние на формирование таланта Кайсына Кулиева. Другой горский поэт, аварец Расул Гамзатов, как-то заметил, что русская культура была для него «второй матерью», «вторым крылом орла». По-русски впервые прочитал Кайсын Шевченко, Лорку, Петефи и других поэтов, о которых он скажет потом: «Они были со мной повсюду».

— Да, без русских классиков я не представляю своей жизни в литературе. В нашей стране много больших и малых народов, имеющих своих писа-

телей. Взаимовлияние национальных литератур огромное. И все-таки русская литература — это как Эльбрус, величественно возвышающийся над Кавказом. Потому что это литература великого народа. Когда мы говорим о русском народе: «Старший брат», — это говорится не ради красного словца. Эти точные слова полны для нас, горцев, глубочайшего смысла, в них содержится ничем не заменимая высокая суть чувства братства народов нашей великой Родины, которая одарила нас всех своей материнской любовью и окружила каждого из нас материнской заботой. Под сенью этой любви и заботы и делаем свое дело все мы. На каком бы языке ни говорили наши матери, все равно у нас одни заботы, одни цели и стремления, ибо мы советские люди, которых Октябрь, Ленин, Советская власть, партия сделали братьями, единой семьей. Это одно из самых прекрасных явлений в нашей жизни, в нашей судьбе, в этом наша сила, мощь, несокрушимость и счастье. Это я особенно хорошо понимаю и остро ощущаю как сын немногочисленного горского народа. Без помощи и поддержки моего старшего брата меня не будет, меня сокрушат, раздавят и уничтожат враги. Русский народ — один из величайших народов мира, — для нас, горцев Кавказа, как и для всех народов страны, зажгет тот негасимый Прометеев огонь, который навсегда согрел нас и озарил нашу жизнь.

Мы приобщились к русской культуре — одному из самых удивительных достижений человечества, а через нее мы узнали и мировую культуру. Без этого блага братства и взаимного духовного обогащения мы бы по-прежнему блуждали во мраке...

— Довольны ли вы своей судьбой, есть ли у вас неосуществленные планы?

— Своей судьбой я доволен, ибо делал и делаю свое любимое дело. Осуществилась моя мечта, я пришел к тому, к чему стремился. Что же касается неосуществленных планов, то они есть, как, наверное, и у каждого человека. В последнее время я начинаю понимать, что убил в себе прозаика. Желание писать прозу заглушила страсть к стихам. А нужно было писать и прозу. К сожалению, у меня вышла только одна книга в прозе, «Так растет и дерево», где собраны мои статьи о законах творчества, о призвании художника.

Сейчас, с опозданием, я стараюсь наверстать упущенное. Вот осенью заведу за работу. Задуманы две прозаические книги. Одна будет называться «Была зима». Я уже начал ее писать. Остается продолжить и закончить. Придумал название для второй прозаической книги — «День за днем». В нее войдут новеллы, вещи, основанные на фольклоре...

Когда самолет взлетел над Налчиком, было видно, как внизу белел Кавказ своими вершинами. Между ущельями тянулись белые ниточки рек, зеленели склоны. Под крылом была родина Кайсына Кулиева. И невольно вспомнились его стихи о Кавказе, в которых он не только признается в любви к нему, но и объясняет, почему удается ему сказать свое слово в поэзии:

Вблизи вершин вольнее дышится,
— Я это знаю не один.
И откровеннее нам пишется
Вблизи вершин, вблизи вершин.
И храбрость верх берет над робостью,
И сладко мне, когда строка
Литым мостком висит над пропастью
И вровень с нею облака.

Материал подготовил
Анатолий ИВАНУШКИН.

Москва — Чегем — Москва

С НИМИ — МОЛОДОСТЬ!



Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышел поэтический сборник «Солнцу навстречу». Книжки стихов для любого издательства — отнюдь не редкость, но может ли затеряться в потоке, не привлечь читателей сборник, в авторском коллективе которого мы видим имена Маркса, Кырова, Куйбышева, Луначарского. А далее — стихи людей, рядом с чьими фамилиями стояли цифры настолько же значительные, насколько и удивительные в наше время. Цифры эти — время их вступления в партию Ленина. Время то легендарное, революционное, ибо самодеятельные поэты, выступившие в сборнике, — ветераны партии, труда ратного и мирного, те, чья биография писалась вместе с биографией Страны Советов.

Ветераны. Они — живая память о борьбе за то светлое, что освещает нашу жизнь. Мы прикасаемся к этой памяти, проверяя тем самым свои дела, свои мечты — их нравственную глубину. В стихах ветеранов чувствуется молодость и неуспокоенность их натур — деятельных, не отдавших неумолимым годам остроту реакции, активность души.

Да, с ними — молодость!

Галина АБУТКОВА,
член КПСС с 1919 года

Видеть!

Смотреть, смотреть.
И непременно ВИДЕТЬ.
Все видеть — человека и цветы.
Не потому, что были мы в обиде,
А чтоб слепым не жил на свете ты.

И слушать,
Слушать только так, чтоб СЛЫШАТЬ
И боли крик, и голоса мечты.
Не для того,
Чтоб быть всех смертных выше,
А чтоб глухим не жил на свете ты.

И говорить — не только так, чтоб речи
Твои, как ветер, не были пусты.
Не для того, чтобы мечтать о сечи,
А чтоб немым не жил на свете ты!

Мир победит!

Когда горят дома, сирены воеют,
Снаряды рвутся, города во мгле,
Мир — это слово самое родное
Из всех,
Что произносятся на Земле.

Недаром по всему несутся свету,
Везде зовут и радуют везде
Слова о мире, дружбе, о труде,
Как крылья в будущее,
Как мечта планеты.

Где б ни был брат мой —
В поле, у прибор,
Свободен или под чужим ярмом,
Над нами то же небо голубое
И то же солнце светится на нем.

Лидия КАРАСЕВА,
член КПСС с 1919 года



Ах, эта осень золотая!
Ее рябиновый огонь!
Нарядных листьев плясовая,
Как хороводы под гармонь.

Голубизна в просветах листьев,
И солнца несказанный свет...

Запечатлеть бы это кистью,
Чтоб сохранить на много лет.

Пока мне жизнь не изменила,
Пока еще хватает сил,
Запечатлеть бы все, что мило,
Все, что так радостно любил!

Николай ЛЕБЕДЕВ,
член КПСС с 1919 года

Через тайгу

Память многое согрела.
Вспоминаю, как я жил —
Как в двадцатом, ночью, к белым
В тыл пробраться я спешил.

Сделав все, что невозможно,
Я решил вернуться в часть.
Ночью шел я осторожно,
Чтобы к белым не попасть.

И порою мне казалось,
Когда шел глухой тайгой,
Что со мною жизнь прощалась,
Что стояла смерть за мной.

Но тайга меня хранила,
Но тайга меня спасла.
Все, что было, все, что было,
Память свято сберегла.

Наталья КУЗЬМИНА,
член КПСС с 1919 года



Морозным утром город весел.
По улицам над головой
Тенета белые развесил
Январь игривою рукой.

Окутан город сетью зыбкой
Из серебристого шнура,
И солнце бледною улыбкой
Блестит в налетах серебра.

И дышит свежестью бодрящей
Небес прозрачных бирюза...
И снова радостью искрящей
Мои наполнились глаза.



На 2853-м километре

ПО КИЛОМЕТРУ В СУТКИ
«ШАГАЕТ» ГАЗОПРОВОД
УРЕНГОЙ — ПОМАРЫ — УЖГОРОД.



ПРЕЖДЕ ЧЕМ СВАРИТЬ ТРУБЫ,
ИХ ТЩАТЕЛЬНО ЦЕНТРУЮТ.

СВАРКА ШВОВ МАГИСТРАЛЬНЫХ
ТРУБОПРОВОДОВ ДОВЕРЯЕТСЯ
РАБОТНИКАМ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ.



Альберт ЛЕХМУС.
Фото автора

В те дни, когда были сделаны эти снимки, центральный диспетчерский отдел Миннефтегазстроя сообщил: сварена в «нитку» первая тысяча километров труб газопровода Уренгой — Помары — Ужгород.

Но напрасно любители «наглядной арифметики» будут пытаться пометить флажками на схеме «передовую» этой стройки. Ее не отыщешь, отсчитывая картографические километры от Уренгоя к западу. Потому что работы на трансконтинентальном газопроводе развернуты на многих его участках одновременно. И победные искры электросварки вспыхивают одновременно на десятках «передовых». Но каждый шаг газопровода, пройден ли он в тюменских топях или в Карпатских горах, в приуральских лесах или в украинских степях, слагается в мощную поступь невиданной доселе стройки.

Специалисты подсчитали: для того, чтобы газопровод «шагал» размеренно и надежно, ему потребуется «помощь» почти двадцати тысяч квалифицированных строителей. А вездесущие социологи добавили: средний возраст уже работающих — 30 лет, у большинства — среднее образование.

...Когда познакомишься со сварщиками-«потолочниками» из бригады Виктора Асташова, то кажется, что социологи списывали коллективный портрет строителей трассы с них. Впрочем, на ту же роль прототипов претендуют и сварщики-«переходники» бригады Владимира Есаулова. Разве что сами бригадиры не укладывались в «среднесоциологическую схему», один совсем молод, другой уже многоопытен. Но, несмотря на разность возрастов и характеров, в тот день они оба были удивительно похожи на дирижеров фантастического оркестра, где партию первых скрипок исполняли ревущие трубоукладчики, им вторили скрежет бульдозеров, треск и шипение электродов. И только тонкий слух во всей этой какофонии звуков мог уловить, а вернее, прочувствовать, соло трубы. Трубы диаметром 1420 миллиметров.

Липецкая область, одна из двадцати четырех областей и автономных республик, по которым проходит трасса трубопровода, до недавнего времени редко упоминалась в сообщениях со стройки. Но «передовая» пришла и сюда. Имя старинного русского города Ельца получит начавшая здесь строиться компрессорная станция, три турбины которой мощностью по 25 тысяч киловатт каждая под давлением 75 атмосфер «погонят» уренгойский газ дальше на запад.

Имена многих старых и новых деревень и поселков, городков и городов могли бы получить все 177 километров трассы, проходящих по территории области. Но не принято присваивать имена стальным отрезкам газовых магистралей.

Пройдет время, и только специалисты да старожилы смогут указать то место, где земля дрожала под напором мощной техники, где вдоль траншеи, готовой принять сваренные стальные плети, бежали два отдельных вала земли: в одном песок и глина, в другом — плодородный чернозем. Тут, пожалуй, самое время напомнить читателям одну цифру из «анкетных данных» стройки: предстоит рекультивировать 27,2 миллиона квадратных метров земель. А это значит, что аккуратно снятый верхний плодородный слой почвы на этих землях после окончания работ будет столь же аккуратно возвращен на прежнее место. И вновь зашумят над газовой магистралью тучные нивы.

Но большая стройка, пришедшая сейчас на липецкую землю, останется в памяти местных жителей не только воспоминаниями. Тысячами огоньков засветится уренгойский газ в городах и деревнях российского черноземья, как, впрочем, и всех других мест нашей страны, по которым или вблизи которых пройдут трубы системы газопроводов «Западная Сибирь — Центр». И, разумеется, не

только хозяйкам облегчит жизнь подземные сибирское топливо, доставленное сюда по рукотворному руслу. Надо ли повторять, что газ — это хлеб промышленности! А значит, встанут здесь новые заводы, комбинаты.

И, может быть, через годы какой-нибудь мальчишка, наткнувшись на эти снимки, запечатлевшие самые будничные моменты жизни трассовиков, с удивлением узнает, что здесь, в его родных местах, проходила передовая центральная стройки одиннадцатой пятилетки. Узнает и имя этой передовой — 2853-й километр газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. Кто скажет, где в то время окажутся бойцы, сражавшиеся на ней в конце сентября нынешнего года, — сварщики бригад Асташова и Есаулова из треста «Союзгазспецстрой»?

Одно мы знаем точно: когда этот номер журнала увидит свет, в Липецкой области их уже не будет. Закончив свой участок, обе бригады уедут к самому истоку газовой реки — в Уренгой, чтобы с наступлением морозов начать работы там, где их невозможно вести летом, — на участке от нуля до 110-го километра.

Такова она, своеобразная арифметика трассы, — сначала 2853-й километр, потом нулевой.

А всего их 4451.

СТАЛИНГРАД

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС,
ОТКРЫТЫЙ В ВОЛГОГРАДЕ НЕДАВНО,
ВОСПЕВАЕТ ПОДВИГ
ЗАЩИТНИКОВ ГОРОДА НА ВОЛГЕ.



УРОКИ ИСТОРИИ

Комментарий участника
Сталинградской битвы
писателя Ивана ПАДЕРИНА

Вновь и вновь перечитываю строки, написанные о битве за Сталинград. Перечитываю не как досужее чтиво, как свидетельства, наполненные особым смыслом, близкие и понятные для меня, бывшего участника невиданного по масштабам сражения.

...Мне, в пору боев за город инструктору политотдела армии, трудно охватить события, вершившиеся на всем Сталинградском фронте, но служебная близость к командиру нашей 62-й армии Василию Ивановичу Чуйкову, мое постоянное пребывание среди сражавшихся подразделений дают право сказать: источник победы — патриотизм советских воинов, их любовь к Родине и Отечеству, массовый героизм солдат и офицеров, воспитанных в условиях социалистической действительности нашей Коммунистической партией.

Еще раз вдумаемся в то, что свершилось в самом Сталинграде, у стен его. Осмыслим явление, вышедшее за рамки понимания германских стратегов, так никогда и не разгадавших, что же остановило у Волги отлаженную военную машину вермахта. Почему город, который был трехкратно обречен гитлеровцами на смерть и разрушение, выстоял и победил!

Это была нелегкая победа, которая высветлила гениальность советской военной полководческой школы. Огромное психологическое значение в самые

трудные дни обороны имело для бойцов сознание того, что командующий армией, штабы дивизий, полков располагались в Сталинграде — фактически на самом огневом рубеже. Дистанция между передовой и штабом Чуйкова порой не превышала 200 метров. А дивизионные и полковые штабы находились еще ближе. Новый элемент в теории и практике войн, но этого потребовала жизнь, ход сражения. Помню, как в самые критические минуты, когда за автоматы и пистолеты брались все офицеры и генералы штаба, Чуйков ни на мгновение не допускал мысли перенести штаб на противоположный, сравнительно безопасный берег Волги. Близость штабов с войсками делала оборону города упругой, прочной, непробиваемой.

— Там для нас земли нет. Или все здесь умрем или выстоим, — говорил генерал.

Командующий 6-й немецкой армией Паулюс не верил в то, что Чуйков находится в городе. Доклады по этому поводу своих разведчиков он считал бредом. Генералу, мыслящему категориями традиционной немецкой системы управления войсками, не могло подобное прийти в голову. Его-то штаб почти все время располагался далеко от передовой.

Врасплох застал противника и примененный нашими бойцами впервые в Сталинграде новый тактический прием: сокращение нейтральной полосы до броска гранаты. Это было результатом ставшего массовым солдатского творчества. Ведь вражеская авиация в этом случае бессильна: бомбить передовую — значит бомбить и своих тоже! Доводилось мне бывать на таких позициях: голоса немцев совсем рядом, слышно даже, как кольцо с гранаты по ту сторону нейтральной полосы срывают.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Василий ЧУЙКОВ,
Маршал Советского Союза,
командующий 62-й армией

В конце августа — начале сентября немецко-фашистские войска, расколов боевые порядки 62-й и 64-й армий на южной окраине города в районе Кулоросной и на северной — в районе поселков Рынок и Спартановка, вышли к Волге на флангах обороны Сталинграда, образовав охватывающую подкову. Авиация противника господствовала в воздухе. Город горел.

Танковые части противника уже ворвались в город. В центре нашей обороны им оставалось 5—10 километров, чтобы выйти к Волге на всем фронте. За спиной оборонявшихся войск текла широкая Волга без постоянных переправ.

Казалось, что 6-й армии генерала Паулюса и 4-й танковой армии генерала Гота достаточно совсем незначительных усилий, чтобы окончательно смять и утопить в Волге немногочисленные наши части, защищавшие Сталинград.

Перед 62-й и 64-й армиями была поставлена необычайно ответственная задача — принять на себя в пригородах и городе всю силу концентрированных ударов гитлеровских войск, навязать противнику изматывающие бои, сковать его и отстоять Сталинград. 64-й армией командовал генерал М. С. Шумилов, я принял командование 62-й армией 12 сентября 1942 года.

Вряд ли можно себе представить более тяжелую обстановку, чем та, которая сложилась в середине сентября. Обескровленные в двухмесячных боях части 62-й армии отошли в город. В ее дивизиях, которым по штату полагалось иметь свыше 10 тысяч человек, с трудом насчитывались сотни активных штыков, а на вооружении лишь десятки пулеметов и считанные орудия. Танковые бригады имели по 6—10 танков. Даже 2-й танковый корпус генерала А. Ф. Попова имел лишь 30—40 танков. Многие из них были подбиты и могли действовать только в качестве неподвижных огневых точек.

Маневр войск по улицам среди горящих и рушившихся зданий был крайне затруднен.

Обнажение наших войск вооружением, боеприпасами, горючим, необходимым снаряжением по мере их отхода все более затруднялось, так как противник с

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА



А взять штурмовые группы. Как самостоятельная боевая единица они родились тоже в Сталинграде, в разгар ожесточенных боев за каждый перекресток, дом, этаж, подвал. Штурмовые группы внезапно появлялись в самых неожиданных для гитлеровцев местах, изматывали врага, обескровливали, держали его в постоянном напряжении. Рядовые, сержанты, старшины в своей боевой тактике поднимались до высот стратегической задачи, которую ставила перед сталинградцами Ставка Верховного Главнокомандования: сковать как можно больше сил противника в городских развалинах, заставить увязнуть в уличных боях его полки, дивизии, корпуса.

Порой штурмовые группы, численность которых редко превышала тридцать человек, превращали отдельные дома города в неприступные бастионы, взять которые гитлеровцам не удавалось, несмотря на порой десятикратное превосходство в силах. Одним из таких бастионов, подлинным символом мужества сталинградцев, стал дом сержанта Павлова. Я бывал в доме у Якова Павлова неоднократно в разгар самых трудных боев и не мог не восхищаться им и его товарищами. Они сражались с таким упорством, с таким умением, будто там, возле их Дома, решался исход всей битвы, а то и войны.

Пишу сейчас эти строки и думаю: почему «будто»? Так и было на самом деле, ведь для тысяч солдат, офицеров, генералов Сталинград в те месяцы стал главным рубежом, который они поклялись отстоять. Или умереть. И каждый бой сталинградцы вели так, словно он был решающим.

Читаю воспоминания наших военачальников. И нахожу подтверждение той же мысли — битву на Волге решили массовый героизм советских солдат, их величайшая стойкость. Полководческий талант советских военачальников в полной мере опирался на мужество и волю тысяч защитников города. Мемуары командарма Чуйкова, вышедшие в нескольких книгах, откуда взяты публикуемые «Сменой» страницы, — рассказ искренний, страстный, таким и был Василий Иванович, рассказ о пережитом всеми ста-

линеградцами, о том, какой ценой добывалась Победа на Волге.

Воспоминания Паулюса, офицеров его армии, опубликованные у нас в стране, пестрят оборотами германских штабистов, они по-своему откровенны, но нет у немецких военачальников живого родства с теми, кого они посылали в горнило сражения. Зато есть попытки оправдать себя, отделить от творимых Гитлером безумств. В итоге Паулюс понял бессмысленность войны, осудил вероломство и бесчеловечность ее, немало сделал как антифашист. Но это все в итоге. Когда очевидным стал крах гитлеровской Германии, когда миллионы немцев задали себе тот же вопрос: «Во имя чего они гибнут в России?!»

...Сорок лет минуло с тех пор. Самые страшные раны зарубцевались, да не все отболели. Сталинград осенью 1942 года был именно той, самой страшной раной земли русской, ее болью. И остался навечно ее великой славой.

Никогда не избудется в нас, сталинградцах, память о днях и ночах битвы за волжскую твердыню. Особенно явственно возникают в сознании те, далекие теперь уже события, когда вновь ступаю на сталинградскую землю, иду вдоль старых, затянутых желтой осенней травой окопов, мимо иссеченных военным железом домов. Мамаев курган, Гумрак, высота Садовая, Тракторный завод, Красная Слобода, Метизный завод — эти названия и поныне отзываются в памяти неумолкаемым артиллерийским грохотом, свистом осколков, пороховой гарью, пламенем пожаров, черным от дыма волжским небом.

В нынешнем Волгограде надо увидеть не только героическое прошлое города. Надо увидеть его настоящее и прекрасное, наполненное новой молодой жизнью. Только тогда в полной мере приходит понимание подвига, свершенного здесь сорок лет назад. Ради этой вот радостной жизни, продолжения ее стояли насмерть у волжской твердыни сыны нашей многонациональной Родины. Так будем же вечно хранить эту жизнь, мир, добытый кровью солдат Великой Отечественной!

Фридрих ПАУЛЮС,
фельдмаршал,
командующий 6-й немецкой армией

Сталинградская битва была поворотным пунктом в истории германского народа. В самой Сталинградской битве и в событиях, которые сопровождали ее, мы видим отражение, как в капле воды, всех проблем гитлеровской захватнической войны, противоречия между военными требованиями, с одной стороны, и политическими, экономическими — с другой.

Еще с момента окружения, но особенно после провала попытки деблокады, предпринятой 4-й танковой армией в конце декабря, передо мной, как командующим, стояла трудная дилемма. С одной стороны, я получал постоянно категорические приказы удерживать позиции, неоднократные обещания помощи и сообщения об общей тяжелой обстановке. С другой стороны, видя невероятно бедственное и все ухудшающееся положение моих солдат, я, движимый человеческими чувствами, задумывался над вопросом о том, не следует ли прекратить борьбу. Несмотря на полное понимание тяжелого положения подчиненных мне войск, я полагал, что надо отдавать предпочтение точке зрения командования.

Всякий мой самовольный выход из общих рядов или сознательные действия против отданных приказов означали бы принятие с самого начала ответственности за судьбу соседних войск, а в дальнейшем — за судьбу южного участка и тем самым всего Восточного фронта, то есть означали бы, что на меня, по меньшей мере внешне, ляжет основная часть вины за проигрыш войны. Тогда вооруженные силы и народ не поняли бы такие действия с моей стороны. По своим последствиям они представляли бы собой исключительно революционный, политический акт против Гитлера. Такая мысль не входила тогда в мои личные соображения. Она была чужда моей личной природе. Я был солдатом и считал тогда, что именно послушанием буду служить своему народу.

Что касается ответственности подчиненных мне командиров, то они с тактической точки зрения вынуждены были следовать моим приказам точно так же, как я в оперативном звене выполнял данные мне приказы.

Вообще следует сказать, что все представители верховного командования, в том числе и я, находи-

ПРИЗНАНИЕ ПОБЕЖДЕННЫХ



каждым днем усиливал обстрел переправ и судов на реке.

Каждый сталинградец понимал, что на город гитлеровцы нацелили главный удар и что каждый боец отвечает перед Родиной и народом за его оборону. Никто не хотел умирать. Но мы знали, что на нас идут отборные гитлеровские головорезы, от которых нечего ждать пощады, и, только беспощадно уничтожая врага, можно отстоять город, жизнь близких и свою жизнь. Если придется умереть, то «на миру и смерть красна».

Призывы партии, приказы командования становились реальной силой, потому что они овладели массами. Войсками овладели такие лозунги, как «Ни шагу назад!», «За Волгой для нас земли нет!».

Они отражались в документах тех дней. Вот выписка из протокола собрания, проведенного в самые тяжелые дни обороны Сталинграда:

«Слушали: о поведении комсомольцев в бою. Постановили: лучше умереть в окопе, но не уходить с позором с занимаемой позиции. И не только самому не уйти, но и сделать так, чтобы не ушел и сосед».

Вопрос к докладчику: существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть».

Это было не пустое обещание, а клятва, которую бойцы выполняли ценой своих жизней.

Историки утверждают, что в великих сражениях выдающихся полководцев нередко не хватало только одного батальона, чтобы добиться решающей победы. Я думаю, что у Паулюса в эти дни было много батальонов, чтобы разрезать 62-ю армию пополам и выйти к Волге. Но мужество наших бойцов, имевших перед собой беспощадного врага, а позади матушку Волгу, способную поглотить десятки тысяч людей, было такое, что они, не отступая, дрались, как львы, истребляя сотни и сотни фашистов.

Сейчас, когда нас отделяет от тех событий почти треть столетия, воспоминания пережитого, надо сказать, что именно советский человек, воодушевленный своей родной Коммунистической партией, своим народом, на Волге понимал, что дальше отступать некуда, и стоял у ее берегов насмерть. Результаты первых же уличных боев, в которых наметились и первые победы, укрепили его дух, его волю. Это было тогда главным в сражении, вошедшем в историю.

Командиры, штабы и политорганы заслуживают самой высокой оценки. Они стояли насмерть рядом с бойцами и руководили ими непосредственно в близких боях, понимая, что в этом сражении решают не широкие оперативные маневры крупных войсковых

масс, а моральный дух и организация каждого боя за квартал, улицу, дом

Это придавало силу обороне на Волге, обеспечило успехи советских войск и определило поражение 6-й армии Паулюса.

Сама специфика уличной борьбы потребовала новой организации подразделений, особой их тактики.

В огне сталинградских боев родилась новая боевая организация — штурмовая группа, а с ней и новая тактика действий. Ее породили опять-таки сами защитники Сталинграда. Штурмовая группа была небольшой по численности, гибкой в маневре, пробиной при штурме. Она искала противника повсюду, умышленно шла на сближение с ним до броска ручной гранаты, просачивалась, как вода, через подвалы и проломы в стенах и среди развалин зданий. Она наносила внезапные удары с фронта, с флангов, с тыла, не давала немцам отдыхать, изматывала морально и физически, не давая опомниться, навязывала невыгодный врагу стремительный бой.

Против таких штурмовых групп при такой их тактике противник не мог применить ни свою авиацию, ни массированный огонь своей артиллерии. Это лишало его важнейших своих преимуществ.

Должен сказать, что во всех частях 62-й армии существовала и крепла спайка и взаимодействие войск. Когда артиллерист плечом к плечу сражается с пехотинцем, а оба они чувствуют поддержку действующих рядом танков, и в небе, пусть даже изредка, появляются наши самолеты, и все это увязывается соответствующим командованием или штабом в единый боевой кулак, четко нацеленный на самые уязвимые пункты врага, тогда каждый ощущает паразитальную мощь объединенного оружия. Так мы боролись с противником, наносили огромные, порой не поддающиеся учету потери. Взаимодействие всегда было и будет «богом победы» в любом бою. Оно было победоносным, решающим особенно потому, что существовало политическое единство воинов всех национальностей, которые сражались в Сталинграде. В 62-й армии героически обороняли город на Волге русские и украинцы, белорусы и узбеки, татары и таджики... Трудно сказать, какой национальности бойцы не было в 62-й армии. Известный «дом Павлова» обороняли под командованием русского сержанта украинцы, грузины, казахи, литовцы и воины других республик. Всех их объединяла и цементировала единая воля Коммунистической партии.

Но враг не отказывался от своих коварных планов и, несмотря на потери, рвался вперед, к Волге.

Вот что я узнал о борьбе с фашистскими танками в районе площади имени Дзержинского.

В батарее лейтенанта Очкина, на которого возлагалась задача оборонять площадь и быть готовым к борьбе в любых условиях, даже в окружении, было три противотанковых орудия и девять противотанковых ружей. В одном орудийном расчете, что стоял на

южной окраине площади, был юный друг лейтенанта — подносчик снарядов шестнадцатилетний Ваня Федоров, курносый, подвижный и, как рассказывает Алексей Очкин, драчливый юнец. Он познакомился с ним по пути на фронт, на станции Поворино. Лейтенант заметил отдыхающего на буфере «зайца», подошел к нему, попытался стащить, а тот, обороняясь, двинул его ботинком в лоб.

— Что ты пристал? Хочу на фронт.

Вскоре они нашли общий язык. И теперь здесь, на площади Дзержинского, когда после очередной бомбежки и непрерывной борьбы с танками в расчетах осталось по два-три человека, Ваня Федоров стал наводчиком орудия. Наступил критический момент. Танки немцев ворвались на площадь. Вслед за ними к орудью Вани ринулись автоматчики. Алексей Очкин кинулся выручать друга, но его остановил замполит дивизиона Борис Филимонов.

— Танки справа... Убит наводчик, Ваню уже не спасешь.

Они считали, что при атаке немецких автоматчиков Ваня погиб. Но мальчик каким-то чудом уцелел. Из ровика, выкопанного возле орудия, он отогнал автоматчиков гранатами. Но танки так не отгонишь.

— Плетью повисла правая рука юноши, — рассказывает очевидец подвига юного богатыря Борис Филимонов. — Осколком снаряда оторвало кисть другой. А к орудью ползли еще два танка. И тогда из ровика поднялся окровавленный герой. Руки перебиты, но есть зубы. В них противотанковая граната. Он упал под гусеницы. Раздался взрыв...

Ваня Федорову было шестнадцать. Всего один день носил он на груди комсомольский билет.

На защитников Сталинграда, в том числе и на 62-ю армию, выпала задача в общем плане обороны Сталинграда отстоять город от прямых ударов, принять на себя всю тяжесть этих ударов, выстоять, перемолоть живую силу противника, его технику и тем самым дать возможность Верховному Главнокомандованию подготовить резервы для контрнаступления.

Однако в современной войне одного убеждения, одной решимости не отступать мало. Нужны к этому и военное мастерство, и хладнокровие, и выдержка, и организация материального обеспечения, которым заниматься было отнюдь не легко, учитывая, что боеприпасы, технику и продовольствие надо было доставлять через Волгу под прицельным огнем вражеской артиллерии, под непрестанными бомбежками.

Штаб 62-й армии, наша разведка всех видов, всех родов войск внимательно следили за перегруппировкой немецких войск днем и ночью. Мы знали о всех маневрах противника, где он сосредоточивался и с какой целью. Зная, что немцы ночью не наступают, а только в светлое время, мы перед рассветом производили контрподготовку. Ночные удары нашей авиации, артиллерии, минометов и «катюш» накрывали изголодавшиеся к наступлению войска. Противник перед наступлением нес потери и, зная, что его замыслы

Аллаяр ЧУРИЕВ Сообщает Совинформбюро...

«От Советского информбюро»...
И всего-то два слова — два!
Прозвучало: «Война началась».
А страшнее есть ли слова?

Началась... Началась... Началась...
Как набатом — во все края,
Загорелось вдали от нас,
Только всюду земля своя.

В самом дальнем ее уголке
Лишь осколки от тишины.
Уходили мужья на фронт,
Уходили на фронт сыны.

Вот деревня моя. Не счастье,
Сколько тысяч таких в стране.
Черный диск на кривом столбе,
Он вещал о самой войне.

Ах, как слушали мы его —
Вести в несколько горьких строк...
Сообщенья Информбюро
Мы выучивали наизубок.

И сердцами слившись в одно
И в один превратившись слух,
Извлекали из вести суть
В дни страданий, слез и разлук.

«От Советского информбюро»...
Словно каждому в дом — гонец,
О войне говорил Левитан,
Предвещая ее конец.

Воин

Сон возвращал не раз его назад
В год сорок первый —
Памятный и страшный.
В горящий, но не павший Сталинград,
В свой первый бой,
В тот самый — рукопашный.

Под Курск, на Днепр...
Сколько сотен верст
Истоптано, исползано, изрыто.
Шаг до победы —
Не ближе звезд,
Враг, всюду враг,
Покуда не добытый.

Уже привыкнув к новой тишине,
Он не хотел,
Чтоб вновь ее вспугнули:
«Конец фашизму —
Значит, и войне!» —
Победные —
Уже не злые —
Пули.

И путь домой,
Чтоб смерти вопреки
Все повторить любимой слово в слово,
И взглядом провожали земляки
Израненного,
Седого,
Но живого.

...Последний кадр —
Победное «ура»...
Он встал, привычно опершись на палку.
Восторженно смеялась детвора.
Слепой от слез, он, не скрываясь,
Плакал...

Через двадцать лет

Сотни солдатских писем, которые не успели отправить из Сталинграда, были найдены спустя 20 лет. Все письма были разосланы. Большинство из них достигло своих адресатов.

Солдатские письма легли на стол.
Тысяча, десять? Не счесть.
Уже не помнят, кто их нашел,
Но вспомнили, что они есть.

И вот отправлены по адресам —
Живуч карандашный след!
Писал человек и читает сам
О себе через двадцать лет.

Как ненавидел врагов своих,
О том, как друзей спасал,
О том, как дрался один за двоим,
Он с фронта домой писал.

На многих написаны языках —
Летели во все концы.
Читали их русский, туркмен, казах,
Внуки, деды, отцы.

Вот парень свое письмо развернул —
В нем десять коротких строк,
И словно ветер в лицо пахнул:
«Любимая, как сынок?»

В те дни во многих домах страны
Долго не гас свет —
Читали письма отцов сыны,
Став старше на двадцать лет.

Перевел с туркменского
Юрий ПОРОЙКОВ.

нам известны, шел в наступление уже морально подавленным.

Не имея превосходства в силах, мы не могли применять мощных контратак, но мы должны были действовать активно. Было принято решение контратаковать противника мелкими группами, но при сильной огневой поддержке. Так родилась сталинградская штурмовая группа, малая по численности, гибкая в боях и управлении, грозная своей неожиданностью. Действия этой штурмовой группы не терпели шаблона, они требовали грамотных и решительных командиров, грамотных и решительных солдат.

Для штурмовых действий со многим разнообразием объектов атаки нужен был сознательный, волевой, обученный и натренированный солдат, который часто один, без команды решал бы сложные вопросы в лабиринте улиц, домов, коридоров и комнат, на ступеньках лестничной клетки. Это были воспитанники партии и комсомола, наша молодежь сороковых годов, воспитанная и обученная Коммунистической партией.

Несмотря на все трудности, становилось очевидным, что враг города не возьмет. Наступательные операции немцев успеха не имеют. Теперь уже не только очертания линии фронта на картах генерального штаба подсказывали, как строить наше контрнаступление. Решение об окружении и уничтожении немецкой армии, уязвимой в Сталинграде, рождалось самими обстоятельствами. Верховное Главнокомандование начало готовить наступление советских войск с задачей на окружение немецких войск в районе Сталинграда. Защитники Сталинграда дали советскому командованию выиграть время, чтобы сосредоточить необходимые резервы.

18 ноября закончился оборонительный период Сталинградского сражения.

19 ноября войска Юго-Западного и Донского фронтов начали контрнаступление.

20 ноября начали контрнаступление и войска Сталинградского фронта. Фланги советских войск пошли на сближение в районах Калач, Советский.

Когда же события предопределили гибель армии Паулюса?

Гитлеровцы, конечно, что-то знали о сосредоточении сил Красной Армии в районе Сталинграда, но не имели ясного представления о мощи готовящегося нашего контрнаступления. Внезапной для них явилась организованность этого удара, его эффективность, мастерство советского командования.

В ходе наступательных боев выявилось превосходство советского военного искусства над гитлеровским военным искусством.

Удар был нанесен в тот момент, когда свершился психологический надлом у противника, на излете наступления врага, когда он еще не успел перейти к обороне.

Были разрешены проблемы прорыва укрепленного фронта и непрерывного нарастающего развития наступательных операций на большую глубину. Огромное значение имел правильный выбор места для нанесения ударов.

Советское Верховное Главнокомандование сумело обеспечить взаимодействие фронтов и всех родов войск на огромном оперативном просторе. Важным фактором в развитии оперативного искусства стало умелое и широкое использование крупных подвижных танковых и механизированных соединений.

В ходе контрнаступления под Сталинградом теория глубокой наступательной операции получила блестящее практическое воплощение. Советские Вооруженные Силы осуществили огромное по масштабам окружение, перехватив стратегическую инициативу противника на ходу.

Результаты Сталинградского сражения сравнить не с чем. В то время как главная ударная сила врага — более двадцати немецких дивизий — была втянута в бой в городе и на перешейке между Доном и Волгой, только три пехотные и одна танковая дивизии немцев находились восточнее реки Дон от станицы Вешенская до Верхне-Гниловского, из них только одна 22-я танковая дивизия была в резерве, все остальные дивизии были растянуты в одну линию.

Чем закончилась великая Сталинградская битва — это известно всему миру. Она явилась поворотным сражением второй мировой войны. Всего за время Сталинградской битвы, продолжавшейся в общей сложности около шести с половиной месяцев, армии фашистского блока потеряли более четверти всех сил, действовавших в это время на советско-германском фронте... Около полутора миллионов вражеских солдат и офицеров было убито, ранено и пленено. Только за период с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года уничтожено и взято в качестве трофеев огромное количество боевой техники и военного имущества врага. В том числе до двух тысяч танков и штурмовых орудий, свыше десяти тысяч орудий и минометов, до трех тысяч боевых и транспортных самолетов.

Такое итог авантюристического похода гитлеровских войск в район большой излучины Дона и среднего течения Волги.



КАЖДЫЙ ДОМ БЫЛ ПРЕВРАЩЕН В КРЕПОСТЬ.



БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ ЗАХВАТЧИКОВ.



1942 ГОД. ВРУЧЕНИЕ ПАРТИЙНЫХ БИЛЕТОВ ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНГРАДА.



ДЛЯ НИХ ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ В ФЕВРАЛЕ 1943 ГОДА.

ПРИЗНАНИЕ ПОБЕЖДЕННЫХ

Начало на 13-й стр.

лись под парализующим влиянием приказа Гитлера, вышедшего в октябре, примерно следующего содержания: «...Ни один командующий группой армии, не говоря уже о командующем армией, не имеет права без моего разрешения сдать населенный пункт или же окоп...»

С началом русского ноябрьского наступления и окружения 6-й армии, а также частей 4-й танковой армии, в целом 220—240 тыс. человек, становилось все более ясно, вопреки всем ложным обещаниям и иллюзиям ОКВ (верховное главнокомандование вермахта), что вместо «победного завершения войны против России» возник вопрос: как избежать на Востоке полного поражения и, следовательно, проигрыша всей войны?

Этими мыслями были целиком поглощены командование и войска 6-й армии, в то время как вышестоящие командные инстанции (группа армии, начальник генерального штаба сухопутных войск и ОКВ) еще верили в шансы на победу или по крайней мере утверждали это.

...После провала попыток деблокады и отсутствия обещанной помощи необходимо было выиграть время, чтобы позволить восстановить южную часть Восточного фронта и спасти крупные немецкие силы, находящиеся на Кавказе.

Можно было полагать, что в случае неудачи вся война будет проиграна только в результате громадного по масштабам поражения на Восточном фронте.

Вильгельм АДАМ, полковник немецкой армии

Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттергсгейма, командира 14-го танкового корпуса... Генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество. Это выражается не только в строительстве оборонительных укреплений и не только в том, что заводы и большие здания превращены в крепости. Население взялось за оружие. На поле битвы лежат рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в оконечностях руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рычагами разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели.

Луитпольд ШТЕЙДЛЕ, командир полка 6-й немецкой армии

Середины декабря активность противника чрезвычайно возросла. Однажды незадолго до рассвета прямо перед нашим командным пунктом из тумана внезапно появился советский танк с десантом пехоты. Солдаты в снежных окопах были раздавлены. Советская штурмовая группа попыталась ворваться в дома и руины южной части Дмитриевки. Ее внезапное появление вызвало у нас невероятный переполох.

Почти всегда такие атаки предваряются сильным огненным налетом батареи многоствольных реактивных установок, так называемых «катюш», что вынуждает всех прижиматься к земле. По опыту мы знаем, что эта огневая поддержка будет длиться до последнего мгновения, то есть до тех пор, пока советские солдаты не бросятся в еще дымящиеся воронки и на покрываемые осколками участки, чтобы захватить наши позиции или участки обороны.

В таких операциях в зависимости от погоды и направления ветра используется искусственный туман. Для маскировки дымовые снаряды выстреливают и туда, где в действительности наступление не планируется. Этим противник достигает исключительно сильного распыления наших сил и находит достаточно слабых мест, чтобы наносить нам тяжелые потери в людях и в материальной части.

Тостиница «Чегет», современная, надежно сработанная из бетона, металла и стекла, считается лучшей в Приэльбрусье. Поэтому и публика тут собирается соответственная — «лучшая». Впрочем, для кого как. Много людей в дубленках, в модных современных комбинезонах, в дорожных куртках «адидас». И если уж эти люди катаются на лыжах, то, как правило, на «белых» либо «красных звездах», пренебрегая «полспортами», «эланами», прочими «непородными» лыжами. Хотя есть тут и истинные любители горного катания — и плевать им, честно говоря, на «белые звезды». Лишь бы справные лыжи были, с хорошими маркерами и прочной обувью, лишь бы гора была, погода и снег.

Тех, кто приезжает в Чегет покататься, приобщиться к слепящей, вышибающей слезы скорости — а скользкий по склону лыжник, случается, набирает скоростенку до ста восьмидесяти — ста девяноста километров в час, — называют здесь горнолыжниками, тех, кому на лыжи чихать — побоку их, кому подавай чегетский воздух, слепящую белизну снега да солнышко, чтобы загореть покрепче, и больше ничего, — величают горнопляжниками.

Ташлыков был горнопляжником, но никто здесь не звал его так — слишком обособленно он держался, ни с кем не вступал в разговоры, не знакомился. А в горах, на замкнутой площадке, люди знакомятся быстро, быстро привыкают друг к другу, сближаются, так же быстро расходятся. Ташлыков же — нет, он все время был один. Вечером один ходил по здешним дорожкам, пристально вглядываясь в прозрачную черноту сосновых зарослей, в низкое светлое небо, обсыпанное звездной крупой, в злой, пронзительно яркий пятаяк луны. Где-то он слышал, что такая яркая луна — примета мороза.

Но здесь, в горах, простые земные приметы, похоже, не действовали — следующий день обязательно выдавался теплым и солнечным. Немудрено — ведь вошел уже в силу март, весна в горах была. Весна. В самом разгаре.

Каждое утро Ташлыков появлялся у будки канатной дороги, схожей с пивным ларьком, становился в «привилегированную» очередь, в которой стояли только спортсмены, иностранные туристы да местные «аристократы», имеющие специальные пропуска, — рядом переминалась с ноги на ногу другая очередь, обычный брат-турист, веселый и горластый, прохаживающийся острым словом насчет дубленых шуб, норковых воротников и лисьих шапок, — поднимался к круглому горному кафе «Ай», загорал. Иногда заходил в само кафе, заказывал горячий напиток, именуемый глинтвейном, но на глинтвейн похожий не больше, чем перловый суп на божественное абхазское вино «Апсны», садился на стул у окна и, устало щурясь, мелкими, неторопливыми глотками пил, поглядывая на лыжню толкотню у подъемника, на загорающих девушек, которых здесь в хорошую погоду не меньше, чем на пляжах Мисхора или Пицунды, на шашлычников.

Ташлыкову было безразлично, как его здесь станут величать (хотя пока никак не величали) — горнопляжником, чайником, кофейником, или какие там еще существуют клички для неспортивного, некатающегося народа? — он знал, что все это от лукавого. Так, как катаются многие из здешних лыжников, он умел кататься сам. Даже в соревнованиях когда-то участвовал. Хотя все это — прошлое, далекая безвозвратная пора. Лыжи требуют много времени, не прощают измены, перерывов, и хотя говорят, что мастерство, приобретенное один раз, остается потом на всю жизнь, это — неверное суждение. Год-два пропустишь, не постоишь на лыжах — и уже держишься на ногах непрочной, склон уползает в сторону, снег схож с камнем, все норовит уложить на лопатки. А «лежащего состояния» Ташлыков не любил, как не любил слабости, жалости, проявлений слез и душевной квелости.

— Вилен Васильевич! — неожиданно услышал Ташлыков свое имя-отчество, с недоуменным видом обернулся: он здесь не знал никого и его никто не знал.

Звала его девушка, одетая в ромашково-белый костюм, сшитый из плотной,



В ПОРАЖ

какой-то светящейся ткани, и, увы, совершенно незнакомая. Он видел ее впервые. На спокойном лице его отразилось недоумение.

— Вилен Васильевич, вы меня не помните? — звонким, каким-то ликующим голосом спросила девушка. В глазах ее, как и в голосе, тоже было сокрыто ликование, будто она всю жизнь искала его и вот только сейчас нашла.

— Нет, — едва приметно качнул он головой.

— Да Игнатова я, Игнатова! Вы у нас в университете курс истории вели, я вам экзамен сдавала.

— А-а... — Лицо его снова сделалось спокойным, сосредоточенным: он опять вернулся на круги своя. — Здравствуйте! — сказал он.

— Здравствуйте! — прежним ликующим голосом произнесла Игнатова.

— Хотите? — Он поднял свой стакан. — Говорят, что это глинтвейн, но... — Ташлыков повел рукою в сторону, — что угодно это, только не глинтвейн.

— Хочу! — Игнатова радостно тряхнула головой.

— Одно только достоинство у этого напитка — горячий, все остальное — недостатки, — предупредил он. — Ни вкуса, ни крепости.

— Все равно хочу.

Ташлыков поднялся, принес от стойки стакан с горячей коричневой жидкостью.

— Где устроились работать после университета? — спросил он.

— Ай! — Она сделала небрежный жест рукой. — В НИИЧего. Знаете, есть такой научно-исследовательский институт?

— Не знаю.

— Чего изволите, чего хотите, чего желаете, чего вам принести? НИИЧего называется.

— Интересная работа? — Взгляд его сделался испытующим.

— Нет, — призналась она. — А вас, Вилен Васильевич, что, тоже не миновала мода? Горные лыжи сюда привели?

— Нет. Я горнопляжник. Так, кажется, величают тут некатающихся людей. — Поймав недоуменный взгляд Игнатовой, пояснил: — Кататься так, как катаются многие, я умею. Чтобы кататься лучше, нужно время. А его у меня нет.

— А я, увы, — она сделала легкий жест рукой, будто бы из пальцев цветов

выронила, — обычная жертва модного увлечения. Катаюсь давно и время для катания нахожу. Хотя и трудно. — Он молча слушал. — Народ сюда разными путями попадает. Не только правдами, неправдами тоже. Вы видели лыжников с марлей на лицах?

Действительно, несколько раз Ташлыкову попадались странные ездоки, прекрасно экипированные, ловкие, уверенные в себе, не боящиеся ни горы, ни скорости, ни выбоин в снегу, ни самого снега, который катающиеся утаптывают до железной твердости, а вот горного солнца боящиеся. Лица их были прикрыты марлевыми хирургическими повязками.

— Вы думаете, они от солнца защищаются? Обгореть бояться? — Игнатова улыбнулась, на щеках у нее появились две ямочки, продолговатые и нежные. — Не-ет. Они рады бы обгореть, да нельзя. Это бюллетенщики. — Уловив вопрос в ташлыковском взгляде, пояснила: — Взяли бюллетени у знакомых врачей и удрали сюда покататься, отдохнуть, горным воздухом подышать. На работе потом неудобно будет появиться черными от загара, вот они и маскируются.

Он в ответ тоже улыбнулся. Что-то печальное крылось в его улыбке. Игнатова улыбнулась шире, ямочки, схожие с чечевичными отметинами, стали еще нежнее и глубже. Она прикусила зубами нижнюю губу — откровенно детский жест, доверчивый и искренний, — в глазах появилась дождевая синь.

— А вы знаете, Вилен Васильевич... Все девчонки нашего курса были влюблены в вас.

— Да? — несколько рассеянно спросил он, вздернул голову — жест удивления, как показалось Игнатовой. Либо недоверия. А удивляться тут, собственно, нечему было. Как и не верить тоже нечему. Ученики всегда бывают влюблены в своих учителей, это закон. — Странно, я даже не замечал.

— Напрасно, — в лице Игнатовой появилось что-то печальное. — Мы даже дискуссии на тему, какой вы человек, устраивали.

— Ну и какой же я человек? К чему пришли?

— Хороший человек.

— Вы давно катаетесь на горных лыжах? — нарочито меняя тему разговора, спросил он.

— Давно. Еще со школы. У меня родители здорово катались. Это было их главное увлечение. В ту пору, когда еще никто толком не знал, что это такое. А сейчас — мода, массовый спорт. Тысячи людей катаются.

— Здесь все разбиты на два клана...

— Точно, — подхватила она, — на горнолыжников и горнолыжников. Мне даже странным показалось, что вы себя к горнолыжникам причислили. Вы не горнолыжник.

— И психологические взаимоотношения довольно сложные. Как в Древнем Риме. Патриции не дружат с плебеями, презирают их, в ответ плебеи не любят патриции. Горнолыжники, например, никогда не влюбится в горнолыжника...

— А наоборот часто бывает, — снова подхватила Игнатова. И вдруг, словно бы споткнувшись, погрузилась, уводя лицом. — Впрочем, ненаоборот — тоже.

Нина Игнатова с откровенной завистью подумала сейчас о той неведомой женщине — наверняка красивой, умной (так ей казалось), которую любит этот рослый спокойный человек со скульптурным восточным лицом. Ничего не дано прочитать на этом лице: ни волнения, ни тревоги, ни радости. Одно только спокойствие. Ташлыков все делал спокойно, даже несколько отрешенно — было в нем что-то обособленное от мира, от быстрого движения жизни, нечто вечное, мудрое. Ташлыков, как казалось Нине Игнатовой, будто бы прошедшее время в себя вобрал, он знал, он ведал нечто такое, чего не ведала бывшая студентка, прошедшая у него курс истории.

— Жизнь у нас веселая, — доверительно сообщила она Ташлыкову, и тот внимательно посмотрел на нее, произнес в тон:

— Бьет ключом...

— И все по голове, — рассмеялась она, — так, кажется, говорят доморощенные остроловы?

Ей показалось, что Ташлыков сейчас обязательно встрянет в разговор, резко высмеет ее высказывание, но Ташлыков, молчаливый, задумчивый, спокойно потягивал из стакана остывший глинтвейн.

Наступило молчание — то самое, что бывает порою красноречивее любого разговора, а простой жест, легкое движение руки, наклон головы значительнее острого, к месту произнесенного слова.

Ташлыков поднялся, отнес пустые стаканы к стойке, чего в кафе, кстати, никто не делал, а вот Ташлыков сделал, и это в глазах Нины Игнатовой добавило к портрету Ташлыкова новый штрих, вернулся к столу.

— Ну что, будем трогаться?

Игнатова согласно кивнула: будем.

Выйдя из кафе, оба дружно посмотрели на Донгуз-Орун, на ледовую нахлобучку, что на манер среднеазиатской тубетейки лежала на макушке горы. — Тяжелая, пронзительно голубая, плотная. Снеговые хвосты срывались с нахлобучки и медленно уносились в сторону.

— Не хотел бы я сейчас оказаться там, — проговорил Ташлыков.

— Метет.

Он прошел к канатной дорожке, взгромоздился в железное, перевитое железной цепью кресло — чтобы задумчивые пассажиры не вываливались по пути, а то ведь бывает и такое, — поехал вниз, прислушиваясь к движению горного ветра, к звуку тишины и шороху снега под ногами лыжников, крест-накрест бороздящих здешние склоны. Медленно проплывала внизу земля, временами кресло опускалось совсем низко, и Ташлыкову казалось, что он вот-вот воткнется ботинками в снег, и тогда он невольно поджимал ноги, затем кресло снова уносилось в высоту, уносило с собой и Ташлыкова, крутобокая заснеженная земля оказывалась далеко внизу, высота была опасной, в груди невольно возникала холодная пустота, и ему начинало чудиться, что металлическая рогулька, крепящая кресло к канатом, вот-вот обломится и он рухнет, врежется в склон, переломает себе кости, хрящи, посечет мышцы и жилы. Но и этого тоже не случилось.

Неожиданно откуда-то сбоку, с крутого склона, из торца которого словно клыки выростали два островерха камня, выметнулась ловкая, одетая в белый, сливающийся со снегом костюм фигурка, на слепящей скорости пронеслась под Ташлыковым, врезалась в груды снега, прикрывающего закраину глубокой впадины — снег высоким, радужно посверкивающим на солнце султаном поднялся вверх, на нем ясно отпечаталась белая тень — под цвет костюма, затем фигурка стремительно, почти неуловимо развернулась, и Ташлыков увидел: это Нина. Нина Игнатова, девушка из НИИЧего. Он улыбнулся: чего желаете, чего изволите, чего хотите, чего будете заказывать?

Скользнул глазами по проплывающей внизу тверди снега, спрессованной лыжами донельзя — будто и не снег это был уже, а чугун или некая прочная химическая масса, из которой делают... ну, например, посуду, штепсели, розетки, подставки под сковороды, пепельницы, прочие бытовые мелочи, — поймал взглядом ловкую Нинину фигурку.

Игнатова каталась на лыжах хорошо — много лучше, чем основная часть здешних отдыхающих, уверенных в себе покорителей гор, снега и скорости.

«Отлично идет, — отметил Ташлыков, — чтобы так ходить, надо много свободного времени иметь, целиком тратить его на катание».

Нина Игнатова стремительно проскользнула под канаткой, подняла руку призывно, резко затормозила, и Ташлыков увидел, какое у нее счастливое, упоенное лицо. Но в следующий миг ему почувствовалось, что на лице не только счастливое упоение, а и какая-то неясная тоска. Он не успел ничего сообразить, как Нина снова резко сорвалась с места, пошла вниз. «Поломается же, — мелькнула в мозгу обеспокоенная мысль. — Слишком безудержно ездит».

Ломаются в горах, как правило, лыжники опытные, знающие, что такое сладкий хмель скорости, уверенные в себе и на этой уверенности порою проигрывающие свою жизнь. В какой-то миг не срабатывают психологические замки, притупляется ощущение опасности: а ой как опасно стремление лыжника ездить быстро, все быстрее и быстрее — и вот уже человек, подстреленный на лету, превращается в изломанную, скомканную птицу, сверзшуюся с небес на землю, и не поправить уже ничего, не помочь ничем.

Нина Игнатова была опытной лыжницей.

Что-то щемящее, несогласное возникло в Ташлыкове: боль не боль, маета не маета, непонятно что, и Ташлыков решительно погасил в себе это ощущение. Может быть, он действительно боялся за Игнатову? Да, боялся. Как, собственно, и за любого другого человека.

Игнатова снова проскользнула под ним, быстрая, ловкая, гибкая, как ласка — длиннотельный, увертливый зверек, костюм позволял Нине слиться со снегом воедино, она будто бы была сотворена из той же плоти, что и снег, была своей среди здешних гор, солнца, сырых глубоких ущелий с их тревожной гулкой тишиной, с осьпями и лавинами.

Канатка втянулась в длинный крутобокий лог — Нина еще некоторое время беззвучно скользила по закраине лога, провозжая Ташлыкова, потом исчезла — трасса уходила вправо, а ездить не по трассам, самовольно, где хочешь, здесь запрещено — можно угодить в лавину, нырнуть под снег вместе с лыжами и

уже никогда не вынырнуть. В горах, как и в армии, дисциплина блюдет строго.

Слева и справа поплыли сосны — мрачные, старые, с изъязвленной кожей и почерневшей хвоей, с редкими, лишь кое-где удерживающимися на ветках шишками, по-ежиному оцетинившимися, пустыми. Сосны на первый взгляд были мертвыми — и стволы, и ветки, и даже хвоя морозом убита, но тонкие синеи все же подтверждало, что эти старые деревья живы: синеи всегда облетают стороной сухой, не садятся на умершие деревья, не выносят кладбищенской стылости и тиши. Впрочем, не только синеи — многие другие птицы тоже.

Всплыло кресло из сосновой ложбины, а точнее, длинного каменного рва, покрытого снегом, и Ташлыков снова увидел Нину Игнатову. Она, кажется, поджидала его. Засмеялась звонко, будто синеца, чей голос Ташлыков только что слышал, легко соскользнула со снегового нароста вниз, стремительно пронеслась под ним — до Ташлыкова донесся дробный стук: это колотились задки лыж о твердый, хорошо укатанный снег, — затем лихо, чуть не вылетев за пределы ездового поля, развернулась, взбав радужную сыпь, взглянула на Ташлыкова — далеко ли он? — снова ринулась вниз.

Кресло провисло на тяжелом толстом канате, земля приблизилась. Неподалеку от себя Ташлыков увидел двух простенько экипированных парней, с восторгом и одновременно с недоумением глядящих вслед Игнатовой.

— Рискованно катается девочка, — сказал один.

Ташлыков, услышав эти слова, повернулся в кресле, чтобы лучше рассмотреть говорившего, определить, кто он, начинающий ездок, у которого при спуске лыжа на лыже сидит, или еще хуже — ноги переплетаются так, что без вмешательства врача их ни за что не расплести, либо же наоборот — опытный спортсмен, знающий, что можно делать на склоне, а чего нельзя.

— Да, рискованно, — проговорил второй, — разбиться может. Жалко. — Надвинул на глаза очки и почти по отвесной, прямо, не срезая углов, пошел вниз. Его товарищ — почти вприценку следом, держась на равном расстоянии, будто на этих людях распространились законы воздушного звена: ведомый самолет держится чуть поодаль от ведущего и старается эту дистанцию постоянно сохранять. Это были ездоки высокого класса, которым не было никакого дела ни до пресловутых расфуфыренных горнолыжников с их инфантильными заботами: у кого костюм и крепления с ботинками фирменнее, лыжи ярче расписаны, очки лучше; ни до горнолыжников с их постоянной боязнью молодых, занимающихся катанием: а вдруг оскорбят либо им что-то не понравится; ни до курортных флиртующих, которые здесь завязываются на каждом шагу, — эти ребята находились выше всего.

Но тогда почему же восторг был написан на их лицах?

Наверное, потому, что они не могли позволить себе того, что позволяла Нина Игнатова, знали то, чего не знала Нина, — знали предел, за который нельзя заходить.

— Как настроение, Вилен Васильевич?

Он улыбнулся про себя: ну зачем же так подставляться? Риторический вопрос. Когда не о чем говорить, обязательно речь ведут о погоде либо спрашивают о самочувствии, настроении и тому подобном. Все сразу становится ясным: собеседник либо неинтересен, либо исчерпал себя до дна — ничего нового от него уже не услышишь.

— С небес на землю спустился — поуверенней себя почувствовал.

— Спасибо за глинтвейн в небесах.

— А вам спасибо за сеанс показательного катания. Вы лихо ездите.

— Да? — Игнатова даже расщелала, будто горный цветок, неожиданно попавший на солнце и обманувшийся теплом, засияла ярко от немудреной похвалы — девочка, совсем еще девочка. — Вам нравится, как я катаюсь?

— Только не надо очень быстро, разобьетесь.

— Постараюсь не разбиться. Что вы делаете после обеда?

— Пока не знаю.

— Я вас приглашаю выпить чашку кофе в баре.

— Кофе здешний слишком жидковат для меня, Нина. Варят его по прищипу «коричневый, и ладно». А я люблю крепкий кофе. Чтобы после него человеком себя чувствовать.

— Для меня сделают крепкий кофе, я здешних ребят знаю. Обещаю хороший крепкий кофе.

— Давайте договоримся, Нина, так... Если я смогу прийти — значит, приду, не смогу — то... В общем, не обесцудьте. Только без обиды, ладно?

— Хорошо, без обиды, — от давешнего Нинино цветения мало что осталось: она вяло улыбнулась. — Я буду ждать вас.

Лицо ее медленно погасло, будто внутри где-то выключили некий таинственный светильник, лампу-ночник, глаза остыли, исчез из них блеск, в подскулях проступили печальные тени.

Он не пришел пить кофе, хотя и время у него было и желание, — не знал даже, почему так поступил. Впрочем, подспудно, внутренне чувствовал: если придет и проведет с Игнатовой еще какой-нибудь час, полтора часа — он уже, стало быть, никогда не сможет покинуть ее, вот ведь как. И это было для него чем-то сродни открытию, ошеломляющему, неожиданному открытию, от которого горло перехватывает, голос делается тихим, неслышным, мир приобретает иную суть и смысл, наполняется новыми красками. Но кому из холостяков охота терять свою свободу, да еще в таком зрелом возрасте, как у Ташлыкова? Что-то мучительное, жесткое, несогласное возникало в нем, несколько раз он поднимался с кресла, чтобы пойти, но потом брал себя в руки, буквально за горло хватал и возвращался на место.

В конце концов он повалился на кровать в своем тесном, на двоих, номере, в котором жил один, запрокинул руки за голову, начал вспоминать университет, разные времена его, ту пору, когда в нем училась Нина Игнатова. И вот какая вещь — пропадала Нина в хороводе нарядных, похожих друг на друга, как школьницы, девочек, растворялась, и ничего нельзя было угадать, увидеть, узнать: где, что, отчего, когда? Сегодняшняя Игнатова будто бы всплыла из ничего, из некоей нематериальной глубины.

Обиженное, простудное сипение возникло в груди: почему он такой недобрый, отчего?

Добром в жизни можно взять больше, чем злом, — к добру все относится с симпатией, к злу наоборот. Редко когда эти два лагеря — доброты и недоброты — перемежаются, смешиваются, сходятся, а если и перемежаются, то ненадолго. Пока не раскусит друг друга...

Он не заметил, как уснул, а когда проснулся, за окном уже была ночь. Прямо в стекла била луна, донельзя огромная и яркая, какая-то неживая, слепяще-зеленого люминесцентного цвета, будто снятая с броской торговой рекламы. Лучи ее были сатанинскими, колдующими, все предметы в комнате приобрели зловещий вид и смысл, волосы на голове начали невольно шевелиться, руки, стояли их только вытянуть, казались лягушачьими, зелеными, шестипальными — вот наваждение!

Вокруг идеально ровной, громоздкой, страшной луны был светящейся мшистой линией нарисован нимб, занимающий добрую половину неба, диковинный, вызывающий оторопь и удивление, неизвестно как зависший в пронзительно-глубоком небесном проране, не виданный ранее ни Ташлыковым, ни горнолыжниками, прильнувшими в этот миг к окнам, ни третьими-перетертыми, всзнающими горнолыжниками, ни невозмутимыми и спокойными, как здешние ездовые снега, терскольскими жителями.

Сама гостиница «Чегет» напоминала в этот миг огромный музыкальный корабль, плывущий в неведомые манящие-зеленые дали, в каждой комнате кто-нибудь что-нибудь да пел — то Адриано Челентано, то покойный Джо Дассен, ирравящийся Ташлыкову, то Людмила Зыкина с ансамблем «Россия», то Бобби Дилон, то новомодный Хулио Иглесиа, бывший, говорят, когда-то футболистом, а теперь решивший зарабатывать себе хлеб иным способом. Было слышно еще, как визгу кто-то бухает из «винчестера» в игровом автомате, стараясь подстрелить дикого быка-буффало и легкого, стремительно пересекающего зеленую лесную поляну африканского оленя, но у «винчестера» была сбита набок мушка, и стрелку никак не удавалось потешить себя меткой работой из кривого ружья.

Ташлыков стоял один-одинешенек в темной, неуютной комнате и, прижавшись лбом к стеклу, смотрел на луну. Наверное, так смотрят на это таинственное ночное светило звери — зачарованно, преданно, со страхом, до тех пор, пока не вымерзнут глаза, а луна не скроется за плотным, похожим на гигантский ступок дыма облаком.

Он мог бы спуститься вниз и посмотреть кино — сегодня давали старый, но очень добротный французский боевик с Жаном Габеном в главной роли, мог бы усесться в ресторане и заказать что-нибудь вкусное, козий шашлык, нисколько не уступающий бараньему, давленной паюсной икры, фруктов и шампанского со льдом, мог бы в конце концов разыскать Нину Игнатову и побродить с нею по здешним тропкам, вместе подивиться луной, подышать морозным чистым воздухом, забраться на пригорок и съехать оттуда на ботинках — все мог бы сделать Ташлыков, да не стал.

Повалился на кровать, не раздеваясь, и снова уснул. Утро было секуще-ярким, каким-то обвараивающим. Хотя на улице было еще морозно, в каждой неровности, ложбине, снеговой выбоине лежали густые стлтые тени, солнце прижаривало через стекло балкона так, что невозможно было стоять: ожог можно получить либо тепловой удар. Ревела музыка — будто и не было перерыва между вечерним и утренним «сеансами», — пел свои песни Бобби Дилон, но столпившиеся у подъемника лыжники на бедного Бобби не обращали никакого внимания: слишком привычен был, разные певцы, и выше классом, чем Дилон, орут тут каждое утро, занимают публику, — ко всем к ним выработалось одинаковое отношение. Правда, одна девочка с острейшим лицом молоденькой лисички все же переступала с ноги на ногу в такт мелодии, притоптывала негнущимися скользкими ботинками «альпина», словно ее допекал озноб.

Ташлыков немо смотрел на эту нарядную, уверенную в себе толпу, и ему было грустно — он словно бы лишился сейчас чего-то, навсегда отсекал, буквально одним махом отрубая от себя некий лоскут, в котором было скрыто прошлое. Он старался отыскать в этой толпе Нину Игнатову и не мог найти ее. Белых костюмов было много, самых разных, с этикетками на груди, напоминающими распластанные флажки, и без них, с цветастыми полосами, похожими на лент, пришитыми к внутренней части брюк, к рукавам и спине, и без этих полос, с яркими надписями поперек курток, с какими-то непонятными значками — то ли иероглифами, то ли ацтекскими изречениями, то ли еще чем-то, но ни один из них не принадлежал «белой тени», как он окрестил Нину Игнатову.

Невольно подумалось: «Может, заболела?» Ташлыков тут же отогнал от себя эту мысль — не могла она заболеть, никак не могла. Для этого она вчера должна была быть совсем иной, квелой, вареной. Хотя здесь, в горах, сквозняки жесткие, накрывают залпом — в два-три часа люди из цветущих, краснощеких здоровяков, довольных всем и вся, превращаются в хилых, стонущих старцев, у которых и сил-то хватает лишь на то, чтобы сдать анализы в местный фельдшерский пункт. Но это явление не массовое — единичное, случайное.

Заработало, закрипело, делая холостой проворот, огромное колесо канатки, что-то взревело в редукторе, будто в железную давилню попал свинцовый горох, колесо завертелось быстрее, и вот в гору весело, одно за другим, побежали широкие кресла, которые были, честно говоря, больше похожи на садовые скамейки, чем на кресла, и очередь у подъемника начала уменьшаться. А Нины все не было. Не пришла, видать. А может, она все-таки находилась в очереди, но Ташлыков никак не мог ее увидеть — вот и грустно ему было, сожалел он о чем-то, хотя печаль эта была легкой, из тех, что рассеиваются скоро, как дым весенний, когда сжигают сохлые палье листья.

Неожиданно Ташлыков выругал сам себя: вместо того, чтобы поволочиться за красивой женщиной, он кукуется, делает кислое лицо, залез в свой футляр и никак не хочет выбираться из него.

Но вот Ташлыков все же увидел Нину. Как, когда и откуда она появилась, он так и не понял — будто прорезалась сквозь землю. Она стояла с лыжами и кого-то ждала. Взгляд ее был ищущим, нервным. Кого же она ищет? Что-то похожее на ревность возникло в Ташлыкове, он усмехнулся, окорачивая самого себя: если дело так дальше пойдет, то все, поднимай руки вверх. Надо же, Нина Игнатова, оказывается, совсем не безразлична ему. В следующий миг он понял: она ищет его — и успокоился. В нем возникло чувство некоего удовлетворения.

Очередь у подъемника уже совсем поредела, Бобби Дилон уступил место менее шумной и более мелодичной испанской паре — девушкам с чистыми, нежными голосами, те взялись за дело рьяно, и песни, которые они пели, были грустными, прощальными. Нина Игнатова никуда с небольшого взгорка, хлебной ковригой подпирającego подъемник, не уходила, она продолжала искать Ташлыкова.

Несколько раз Ташлыкову казалось, что она нащупала взглядом его балкон, дверь, смотрит и видит его, возникало желание выбежать наружу, позвать Нину, но он давил в себе это желание: ни к чему лишние нежности, сантименты, телачьи, романтические жесты, свойственные лишь юнцам — институтским приговишкам. Он уже не в том возрасте, чтобы вести себя так.

Потом, опустив голову, Нина Игнатова прошла за железный барьерчик, села на скамейку канатной дороги и двинулась вверх. Ташлыков провожал ее глазами до тех пор, пока скамейка не скрылась за темными угрюмыми соснами, растущими по обеим сторонам знакомого каменного лога. Этих каменных ложбин тут полно, в них поставлены опоры канатной дороги.

Еще некоторое время он стоял у балконной двери, шурясь, поглядывая на соседнюю, затененную синим горю, на слепяще-яркий снег, на шашлычников, расставивших свои мангалы и бодро взявшихся за дело: пришел новый день, и людям нужна была пища.

Затем достал спрятанный за деревянной спинкой койки чемодан, начал укладывать в него вещи. Хотя у Ташлыкова и было время, он мог еще несколько

дней провести в «Чегете», понежиться на солнце, позагорать, поесть шашлыков и попить глинтвейна — или как там можно назвать это пойло? — в стеклянном пятаке, расположенном на вершуре, он решил уехать.

С машиной у него не было проблем — на здешней университетской станции (физики там решают свои проблемы) стоит новенький «москвиченок», пригнанный сюда недавно из столицы. На нем даже номер столичный сохранился. Водитель всегда наготове — стоит только свистнуть, и колеса будут поданы под самый балкон. В Минводах Ташлыков съедет на аэробус ИЛ-88 — уютную громоздкую машину, нисколько не уступающую хваленым иностранным «боингам», «дугласам», «локидам» — самолетам такого же типа, многоместным, и через полтора часа лета будет в Москве. Все останется позади — маета и неожиданно возникшая в нем неуверенность, Нина Игнатова, все туманное, тоскливое, на смену придут спокойствие и ясность — состояние, привычное для Ташлыкова. Что-то дрогнуло в его непроницаемом восточном лице, проступило минутное сожаление, но потом все вернулось на круги своя — Ташлыков оставался Ташлыковым.

Пока он ходил на станцию, искал водителя, растолковывал ему, что к чему, потом, вернувшись к себе, перекусывал и пил водку на дорогу — в одиночку, никого не приглашая, чего за Ташлыковым никогда не водилось, — прошло время. Водитель подъехал к самым ступеням гостиницы, чтобы Ташлыкову не тащить с чемоданом к шлагбауму, отделяющему гостиничную территорию, Ташлыков погрузил в багажник вещи, потом, выпрямившись во весь рост, глянул вверх, на крутой, обваренный солнцем склон Чегета, на «выкат», где был расположен «лягушатник» — там, скрещивая лыжи, выхляя из стороны в сторону, прикладываясь то боком, то задом к снежной тверди, старательно разучивали «повороты из упора» начинающие ездоки, ходили «пляжники», делали замечания новичкам — тут они были на высоте, — мол, вместо того, чтобы пахать носом землю, будто плутом, могли бы придумать для себя занятие поприличнее, поинтеллигентнее, что ли, позагорать, например, воздухом подышать... Все это, стало быть, остается здесь, вместе со стеклитой звонкой ночной тишиной, шаманским светом луны, беломеловым снегом и солнцем, а он уезжает.

Вздохнул Ташлыков, затягиваясь в последний раз чистым горным воздухом — больше ведь не будет, и, шурясь от солнца, забрался в машину.

В это время два проворных, ловких парня свезли с горы длинную алюминиевую лодку-акью: кого-то, видно, поломало, в акях поломавшихся горнолыжников спускают вниз, такое тут бывает каждый день, ребра, ноги, ключицы здесь рубят, будто они не свои, а производятся где-нибудь на фабрике, как запасные детали и поменять их ничего не стоит, — полно садин и ушибов. Но это еще полбеды. Беда — когда ездки попадают на лавинный склон, либо, не удержавшись, свертывается в пропасть...

Подле будки канатной дороги уже стоял наготове санитарный «рафик», новенький, безмятежно белый, с аккуратным красным крестом, нарисованным на боку, — рождественский автомобиль, развозящий подарки, божье видение, отрада детисшек, такой кощунственно легкомысленный вид был у «Скорой помощи». Поломавшегося человека быстро определили в «рафик» — мешкать нельзя, звонок хлопнула дверь, и «божье видение», скоро развернувшись, опалило окружающих сизым дымком бензинового взвара, а когда те прочистили глаза, автомобиля уже не было.

— Поехали и мы, — вздохнув, скомандовал Ташлыков шоферу.

Но не повезло — в десяти метрах от «Чегета», на развороте, «москвиченок» сунулся правой стороной в снег, завизжал, захрипел мотором, заскрежетал внутренностями, а выбраться не смог — сел задним мостом по самую ось. Ташлыков проворно выметнулся наружу — ковать железо, пока горячо, не то машина не только по ось зарежется, а и по самый мотор, либо вообще с головой в отсыревший снег уйдет. Напрягся, подсобляя легковушке, но куда там! Водитель высунулся из окна, откашлялся, что-то громко, горланно, будто недовольный орел, прокричал по-балкарски ребятам, стоявшим у домика канатной дороги — здешним рабочим, те неспешно подошли, скопом навалились на «москвиченок» — дюжие, тренированные, на свежем воздухе выросшие, приподняли машину вместе с достойным седоком, прочно державшимся за руль, и перенесли на твердое место.

Пока Ташлыков отряхивался, забирался в машину, горбясь и переламываясь в поясе, шофер поговорил о чем-то с ребятами, голос его был озабоченным, и Ташлыкову показалось, что в чреде незнакомых слов, в орлиной речи он услышал несколько слов знакомых — то ли фамилию какую, то ли имя, вскинул голову, напрягся, но потом понял, что это ему показалось. Да и попадание языковые, честно говоря, могут быть, человеческая речь, что живой ручей, всегда забирает из другого языка наиболее звонкие слова, так что немудрено... Бросил последний взгляд на Чегет, на безмятежных ездоков, веселых ребят, кувыркающихся в «лягушатнике», посмотрел туда, где несколько минут назад стояла «Скорая помощь», что-то тревожное кольнуло его — кольнуло и тут же исчезло.

Все это остается здесь — в том числе и женщина, в которую он чуть было не влюбился. Ташлыков отрицательно качнул головой: «чуть» — не в счет.

Вниз по дороге бежала звонкая чистая вода, собиралась в озерца, в лужи, сваливалась в шумливую беспокойную речку, кругом таил снег, темные пятна наледей покрывались колючими блестками льда — весна была в разгаре.

— Куда тут покалеченных лыжников обычно увозят? — спросил Ташлыков минут через двадцать, когда позади уже осталось и ущелье Адыл-Су со знаменитым альпинистским лагерем, и какие-то крохотные, по-пчелиному прилепившиеся к боковой лесистой горы турбазы, и даже снег уже кончился, и ручьев не стало — Терскол ушел в тень, под колеса ровно стелилась, будто скатерть, сухая, пыльная, совсем невесенняя дорога.

— В Тырныауз, там больница классная, — шофер вздернул пеньком большой палец правой руки, закашлялся: — Гха, гха, гха! Вот такая больница!

— А в Терсколе разве нет ничего?

— Больницы нет, только медпункт, фельдшеры там хмичат, на свет горло смотрят, живот шупают, анализы сьмают и все, гха, гха! Тех, кто домаеся, — в Тырныауз направляют. Первое место в Советском Союзе по потреблению гипса занимает тырныаузская больница, гха, гха.

— Зачем столько гипса? — не понял Ташлыков.

— Как зачем? Конечности, гха, гха, сращивать, — сделав великодушный жест рукой, пояснил водитель, — чтоб человек ходить мог, бегать, кататься, гха, гха.

Ну, это не обязательно. Так в незатейливом разговоре — «вопрос-ответ, вопрос-ответ» — они мновали Тырныауз, чья больница занимала «первое место в Советском Союзе по потреблению гипса», — длинный, зажатый горами, немного дымный город, тесный — но в тесноте, говорят, не в обиде, — небольшой и, похоже, дружный, потом вымахнули на равнину и вскоре достигли широкой оживленной трассы.

Разговор больше не получался, шофер вхолостую кашлял «гха, гха, гха», Ташлыков, погруженный в себя, думал о Нине Игнатовой. Он понимал и

Письма о солдатах

Солдат в двенадцать лет

Случилось это поздней осенью 1941 года, в ноябре. Враг стоял у порога Москвы. Наши войска занимали оборону по рубежу реки Нары под Наро-Фоминском. Ближе всех к городу была выдвинута разведротта лейтенанта Коваленко. Однажды ночью в передовой окоп к разведчикам скатился невысокий мальчуган в порванной телогрейке. Переведя дух, он попросил отвести его к командиру.

— Кусакин я, Витка,— представился паренек.— Живу в Наро-Фоминске с матерью. Отца нет, убили. Меня в городе все знают. А что ростом мал, так вы не думайте, мне уже четырнадцать.

На четырнадцать он явно не тянул. Как выяснилось позже, мальчику не было еще тринадцать.

Паренек придвинулся к копилке и попросил листок бумаги. Быстро и аккуратно начертил план города и объяснил лейтенанту, где и сколько он насчитал гитлеровских танков, пушек, другой техники. Многие совпадало с тем, что уже знали разведчики. Сведения, принесенные паренком, оказались наиважнейшими.

Так и стал Виктор Кусакин бойцом разведроты и прошел с ней путь до самой Курской дуги. Отважный мальчуган много раз бывал в разведке, приносил важные данные о расположении вражеских войск, участвовал в боях, был награжден медалью «За отвагу». В 1943 году Кусакин погиб героической смертью, спасая раненых товарищей.

Но многое из боевой судьбы юного разведчика еще неясно. В «Смену» обратились школьники города Наро-Фоминска с просьбой помочь в поиске людей, чьи-либо знавших о Викторе Кусакине, воевавших рядом с ним. Пионерская дружина одной из школ намерена воссоздать страницы короткой, но пламенной жизни юного героя. Редакция просит оказать содействие следопытам в их благородном поиске.

Владислав ЯНЕЛИС

Тополиная аллея

...Кто бы ни ехал через наше село, обязательно остановится полюбоваться этими стройными деревьями. Пятьдесят красавцев тополей колышут ветвями вдоль главной дороги Домашлин—Полесье.

Их посадили, вернувшись с войны, два бывших солдата—Григорий Наумчик и мой отец Степан Орешко. Сколько лет прошло с тех пор, но помнится отцу тот теплый день. Как утром вместе с Григорием Николаевичем они привезли на телеге тоненькие саженцы, как закладывали аллею у самой дороги, вблизи околицы. А затем каждую свободную минуту приходили, смотрели, как растут, хорошеют тополя, наливаются жизнью. Ну и оберегали, конечно, деревца бывшие солдаты, окапывали, поливали.

Односельчане спрашивали у фронтовиков: почему растут они не два, не три, а целое тополиное семейство—пятьдесят деревьев? На это старые солдаты отвечали: «По одному мы посадили за себя, а остальные сорок восемь за тех наших однополчан, что не вернулись с войны. Пусть же стройные тополя напоминают о бессмертном солдатском подвиге...»

А повоювать моему отцу пришлось немало. Свое боевое крещение он прошел в 1940 году, участвуя в финской кампании. Затем с первых и до последних дней Великой Отечественной войны находился на самых передовых рубежах. Много раз смотрел смерти в глаза, был дважды ранен.

Всего на груди у отца в дни особых торжеств красуется 20 боевых наград. Но самая почетная из них—орден Красного Знамени, врученный ему за штурм гитлеровского рейхстага.

Недавно по центральному телевидению повторялся 18-й фильм киноэпопеи «Великая Отечественная»—«Битва за Берлин». И как только начали мелькать кадры взятия рейхстага, отец воскликнул: «Толя, скорей смотри!» По ступенькам главного входа в рейхстаг поднимались со знаменем разведчики 674-го стрелкового полка! Вторым за Булатовым бежал отец! Рядом парторг взвода Виктор Правоторов, Иван Лысенко, потом Никола Почкинский, Павел Брюховецкий, с планшеткой командир взвода лейтенант Семен Егорович Сорокин. Это была штурмовая группа, водрузившая над рейхстагом одно из знамен Победы.

...Шумят тополя. В торжественные дни под их кронами принимают ребят в пионеры и октябрята; приходят сюда ветераны войны, жители села, приходят отдать дань уважения тем, кто не вернулся с войны. Добрый пример фронтовиков подсказал местным пионерам мысль—посадить на территории колхоза имени В. И. Ленина сад Памяти.

Анатолий ОРЕШКО,
село Домашлин,
Черниговская обл.

одновременно не понимал, что с ним делается, при всем своем спокойствии пугался того, что могло произойти, был рад тому, что вовремя ушел, но в ту же пору у него, пугайся не пугайся, глубоко в потайном закоулке души теплился огонек: он знал, что встретит Нину Игнатову еще раз. В нем возникало невольное тепло, ощущение чего-то освобожденного, на губах появлялась неподконтрольная улыбка, которую он не замечал, она выглядела несколько чуждо, непривычно на скуластом спокойном лице. Один раз он все-таки почувствовал ее и сигналь прочь. Ни к чему душевная размягченность, изюм все это, рахат-лукум, сладкий шоколад. Человек обязан быть мужественным, и увлечения его должны быть мужественными и простыми.

Уже миновали по объездной дороге Пятигорск, высунувшийся было краем одним в расщелину между большими земляными горбами, но тут же испуганно нырнувший обратно в сизоватую весеннюю дымку, и приближались к Минеральным Водам, как Ташлыков вспомнил:

— Слушай, а кто разбился-то на Чегете сегодня? Спросил у ребят, нет? Утром, когда разговаривал.

— Почему же не спросил? Спросил, гха, гха. Обязательно спросил. Девушка.

— Какая девушка?—Ташлыков почувствовал, что на него наваливается некая удушьящая тяжесть. Будто к нему подобралась сзади и накинула на голову плотный мешок, он даже передернул плечами оттого, что края мешка жестко вдавлились в кожу. Одновременно возникла неясная боль.

— Хорошая девушка,—голос шофера сделался грустным,—на лыжах, как богиня, говорят, каталась, гха, гха.

— А фамилию не запомнил?—Ташлыков понял теперь, что за знакомые слова звучали в речи балкарцев.

— Не-а,—мотнул головой шофер, напрягся лицом, на скулах от натуги даже розовина выступила,—какая-то очень простая фамилия. То ли Петрова, то ли Иванова... Чрезвычайно простая фамилия,—шофер старательно, по буквам выговаривал трудное для себя слово «чрезвычайно». И где он его только откопал, да и зачем загал в свою речь?

— Может, Игнатова?

— Игнатова. Точно,—спокойно подтвердил шофер.—А вы откуда знаете?—В вопросе не прозвучало ни удивления, ни любопытства, так, что-то дежурное. Действительно, откуда большой человек Ташлыков может знать эту молоденькую девчонку, студенточку, так сказать? Величины несопоставимые: Ташлыков и студенточка.—А! Гха, гха...

Ташлыков не слышал вопроса шофера, он сидел прямо, как на приеме у университетского начальства, глядел немыми глазами перед собой, словно беда не на Нину Игнатову, а на него самого свалилась. С лица его стекло, слезло спокойствие, будто отгоревшая, старая шкурка, был лик горьким, ушибленным, с печатью беды.

— Что с вами?—поинтересовался шофер. Догадался:—Родственница?

Ташлыков и этого вопроса не слышал, лишь обреченно качнул головой, отзвываясь на звук, а не на вопрос, потом звучно хлопнул ладонью по колену—жест крайней досады, боли,—скомандовал шоферу:

— Поехали, друг, назад... Как можно быстрее поехали. Пожалуйста!

— Куда назад?—изумился шофер, недогадливый парень.—А самолет? Как же с самолетом быть?

— К черту самолет! В Тырныауз поехали. Скорее!

Он сидел быть быстрее этой машины, и это ему удавалось, вот ведь,—он находился далеко впереди, он уже видел Игнатову, был в больнице, в незамутненных, ослепительно-белых стенах после недавнего ремонта покоев, страдал вместе в нею, ибо понял наконец, что встреча, происшедшая с Ниной, не случайная, она была кем-то свыше задумана и осуществлена. И вообще, мы привыкли слишком плохо, неласково, а порой и вовсе дурно обходиться с людьми, которые хорошо относятся к нам, преданны, жизни своей без нас не мыслят...

Ташлыков раздвинул губы в печальной улыбке: «Белая тень, надо же... Белая-я те-ень». Вспомнил вчерашний разговор двух лыжников: ребята не только восхищались Ниной, они осуждали ее, беспокоились, они, словно две гадалки, предсказали ей то, что сегодня уже произошло. Как в воду мужики глядели.

Ее боль словно бы стала его болью, не уйти, не скрыться от костоломной рези и оранжевых кругов перед глазами,—допекает, проклятая, к земле пригибает, в пыль старается превратиться.

«Потерпи, потерпи, пожалуйста,—чуть не высказался вслух Ташлыков,—осталось немного». И непонятно было, то ли собственную боль он утишал, то ли Нину.

Вот и больница. Шофер резко тормознул, взбив едкую рыжую пыль, в двигателе машины забрякал металл.

Ташлыков, перешагивая через две ступеньки, добежал до регистратуры, сунул в капelloшное, гноевое какое-то окошце удостоверение доцента Московского государственного университета:

— К вам поступила Игнатова... Из Чегета. Где она сейчас?

Дежурная регистраторша, пуццовощекая невозмутимая дама с морщинками на щеках, мельком взглянула на книжичку, которую ей показывал Ташлыков, раскрыла толстый журнал.

— Счас посмотрим,—повела пальцем по разлинованной странице.—Да, верно, поступила сегодня. Игнатова Нина Алексеевна. Перелом ключицы и двух ребер,—уж очень обьденный голос был у регистраторши... Регистраторша взглянула вопросительно на Ташлыкова, хотела поинтересоваться, кем он доводится пострадавшей, но Ташлыков опередил:

— Каково ее состояние?—риторический вопрос, традиционный, как сам мир.

— Знаю, каково,—так же традиционно, риторически ответила пуццовощекая регистраторша, поправила пухлыми пальцами прическу,—неважно ей, раз переломы. Лежать пока будет.

— Повидать ее нельзя?—со смутной надеждой спросил Ташлыков.

— Вы что?—Регистраторша округлила глаза, брови поднялись крутыми подковами: непонимающий какой человек! А еще образованный, интеллигент. Ученый называется.—Никак нельзя.

— Когда можно?

— Не раньше чем через неделю.

— Хорошо, я буду ждать.—Ташлыков согласно кивнул, лицо его снова поспокойнело, обрело прежнюю восточную невозмутимость, словно в нем что-то отторело.—Я подожду.

Медленно, четко печатая шаг, будто солдат на плацу, он прошел к длинному ряду стульев, стоящему в коридоре, сиротливо как-то, по-чужому пристроился к краю. Было понятно—он действительно будет сидеть здесь целую неделю, пока его не пустят к Нине Игнатовой.

Он многое должен ей сказать. Ташлыков сейчас сидел и подбирал нужные слова—старался, чтобы потеплее они были, понежнее, породнее, что ли...

КАПИТКА В ПАРК
МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ
«АРХАНГЕЛЬСКОЕ»

разными ручками с «бусиной», которые использовались для стучания и назывались «стукала». Железные двери собирались из металлических листов — «досок» с металлическими розетками, гирляндами, а также гравировкой и насечками.

Металлические ограды из-за дороговизны железа появляются в Москве в основном в конце XVII — начале XVIII века, в период широкого развития металлургии в России. В особую и оригинальную группу оград выделяются специалистами ограды второй половины XVIII века, представление о которых можно получить, подойдя к церкви Петра и Павла на Ново-Басманной улице. Контраст мощных каменных столбов с легкостью и игривостью кованых узоров. Рисунок ограды декоративен и наряден, главное место занимают растительные побеги, спирали и фантастические листья, устремленные вверх — все это усиливает эффект воздушности решетки и сливает ее с окружающей природой. Сам рисунок несимметричен, но орнаментация его настолько уравновешена и доведена до такого высокого художественного мастерства, что ни один элемент нельзя изъять, не нарушив всю

КОВАНАЯ

Александр НАВРОЦКИЙ,
кандидат технических наук,
директор общественного музея
кузнечной науки и техники.
Фото автора

Москва! О ее красоте написано немало статей и книг, сложено стихов и песен. Мне, как кузнецу, хочется раскрыть еще одну страницу и показать красоту кованого металла Москвы.

Ни один город не может строиться без каменщиков, плотников и без кузнецов тоже.

Со всей Руси стекался в строящуюся Москву мастеровой люд. Кто пешком, неся в котомке свой нехитрый инструмент, кто на телеге с семьей и пожитками. Строится Пушечный двор на реке Неглинной — первый металлургический завод России, — и кузнецы тут как тут: перегораживают плотину реку и ставят на ней водоналивные колеса, чтобы приводили они в движение межи для подачи воздуха к плавильным печам и горнам, а также тяжелые рычажные молоты. Разнообразная продукция выходит из-под тяжелого молота кузнецов — здесь и «языки» для колоколов и проушины, длинные связи для скрепления стен, и различные балки, походные лушки и ядра, пицалы и самопалы, бердыши и рогатины. Кроме этого, выполнялись заказы и для нужд города — ковались тяжелые ворота для Кремля и Китай-города, различные оконные решетки, флюгера и ажурные навершия.

Разрастается город, и вытесняются кузнецы, люди огненной профессии, в Замоскворечье и в Заяузье, где возник

кают кузнечные слободы. А чтобы труд их был более удачным, строят они рядом со своими слободами церкви Косьмы и Доминана в честь святых — покровителей кузнечного ремесла.

Канули в вечность те времена, но остались как памятники Кузнецкий мост и Новокузнецкая улицы, церкви Косьмы и Доминана и многочисленные кованые ограды, ворота и козырьки, фонари и навершия.

В Москве сохранилось довольно много памятников кузнечного искусства и ремесла, которые рассказывают о мастерстве древних кузнецов начиная с XVI века. Оконные решетки монастырских построек и церквей той поры имели простой рисунок и несли в основном охранную функцию. Со временем проемы окон начинают увеличиваться, и кованые решетки становятся уже украшением зданий. Их рисунок усложняется, и появляются «лячистые», «косячатые» и «крещатые» решетки, а также решетки с замысловатыми извивами прутьев, перекрестья которых охватывались специальными «скрепами» и украшались различными розетками — «репьями». Такие решетки можно увидеть у церкви Троицы в Никитниках, которая считается образцом русского «узорожья» середины XVII века. Уникальное произведение кузнечного искусства представляет собой и кованая дверь церкви: просечные жиковины (особый вид петель), накладные полосы ее украшены тонкой гравировкой, а перекрестья — красивыми розетками.

Особое внимание в русской архитектуре уделялось всегда парадному входу: деревянные двери украшались изящными жиковинами и кольцеоб-

КОВКА ВОРОТ
ГОСТИНИЦЫ
«МЕТРОПОЛЬ»
СОЕДИНИЛА
В СЕБЕ СРАЗУ
НЕСКОЛЬКО
СТИЛЕЙ.

У КАЖДОГО
КУЗНЕЦА
БЫЛ СВОЙ
ПОЧЕРК,
СВОЯ
НЕПОВТО-
РИМАЯ
МАНЕРА.

УЗОР
ОКОННЫЙ,
СРАБОТАННЫЙ
ДОБРОТНО,
НАДЕЖНО,
НО И В НЕМ

композицию. Это говорит о высоком вкусе и большом мастерстве наших московских мастеров.

Используя растительные элементы, изготовили кузнецы и ограду двора бывших палат боярина Волкова (XVIII век), что в Большом Харитоньевском переулке, но здесь рисунок полностью симметричен и составлен из круговых извивов стеблей, оканчивающихся плоскими листочками. В узлах стебли перехвачены красивыми штампованными розетками. Столбы ограды также металлические и поддерживаются контрфорсами из кованого витого стержня квадратного сечения.

По мере развития промышленности ручная художественнаяковка заменяется машинной, и это сказывается на оформлении оград. Их рисунок становится в основном геометричным, а сами ограды—более простыми и строгими. К этому периоду относятся ограды в стиле «московского классицизма»—ограды Музея Революции, старого здания библиотеки имени Ленина («Пашков дом»), старого здания университета... Общий рисунок оград составлен из вертикальных или наклонных прутьев с элементами декора геометрической формы. Навершие ог-

**У ЭТОГО МАСТЕРА
БЫЛ ХОРОШИЙ ВКУС
И ТАЛАНТЛИВЫЕ РУКИ.**

**КОЗЫРЕК
ПЕРВОЙ АПТЕКИ
МОСКВЫ
ТОЖЕ
УКРАСИЛИ
КУЗНЕЦЫ.**

**ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ
XVIII ВЕКА
ПОСТАВИЛИ
МАСТЕРА
ЭТУ ОГРАДУ
НА НОВО-
БАСМАННОЙ
УЛИЦЕ.**

**АВТОР
ДАЛ
ВОЛЮ
СВОЕЙ
НЕУТОМИМОЙ
ФАНТАЗИИ.**

СКАЗКА

рад—шары или «пики» простой формы. Несмотря на свою кажущуюся простоту, ограды подчеркивали красоту архитектурного комплекса и придавали законченность всей композиции.

В конце XIX—начале XX века появляются решетки, выполненные в стиле «модерн». Асимметричные извивы кованых стеблей на них создают какой-то текучий орнамент из сливающихся, переплетающихся и перепутывающихся диковинных растений. Рисунок с решеток часто переходит на стену дома, продолжаясь уже в камне или гипсе, разливается по всему фасаду и заканчивается мощными волнами где-нибудь на карнизе дома или даже на рисунке парапета крыши. Такие решетки можно видеть на многих домах Москвы. В качестве примера приведу музей М. Горького (бывший дом Рябушинского), гостиницы «Метрополь» и «Националь», целый ряд домов по улице Горького и по бульварному кольцу.

И уж подлинной «кузнечной симфонией» можно назвать кованый зонт над входом в аптеку № 1, что на улице 25-го Октября (небезынтересно напомнить, что построенный архитектором А. Эрихсоном в 1899 году дом этот принадлежал братьям Третьяковым—основателям Третьяковской галереи). Вся конструкция зонта собрана из довольно сложных кузнечных изделий—сверху, словно свечи, возстроились витые пишечки с листочками и завитками, основу боковых и лицевой стенки зонта составляет ромбовидная сетка с перехватами в узлах и с гирляндой по нижнему краю. По углам зонтика свешиваются стилизованные бутончики, а по боковым кронштейнам затейливо извиваются акантовые листья.

А вот другой «зонтик», раскрывшийся неподалеку от первого, над входом в здание Историко-архивного института (бывшая Синодальная типография). Его кузнецы выполнили в псевдоготическом стиле. Рисунок кованых элементов как бы вычерчен при помощи циркуля и линейки: прорезные трилистники, четырехлопастные розетки, стрельчатые арки. Железное кружево зонта сливается с каменной резьбой пиллястров здания и, «захватывая» стрельчатые окна и арки, возносится к парапетам крыш и навершиям.

Многими коваными украшениями—произведениями кузнечного искусства—могла похвастаться старая Москва. К сожалению, целый ряд из них уже нельзя увидеть. Растет наша столица, расширяются ее улицы и площади, сносятся ветхие строения. Это, конечно, закономерный процесс, но жаль, когда он «уносит в небывтие» некоторые «изюминки» творений старых архитекторов и кузнецов художественнойковки.

Чтобы этого не случилось, чтобы уникальные создания русских мастеров по металлу дошли до потомков, энтузиасты-кузнецы открыли в Подмосковье первый в стране Музей Кузнечной науки и техники. Члены музея взяли под свой контроль памятники кузнечного ремесла, занимаются их реставрацией, создали фотокаталог этих памятников. Каждый пришедший в музей может увидеть разнообразные кузнечные изделия и инструменты, а увидев, отдать дань глубокого уважения русскому национальному кузнечному искусству и ремеслу, которые, как читатель может судить сам по запечатленным на этих снимках работам, достойны этого.



рыщут по городу, да только без толку — венерических болезней и без них хватает. А читали неделю назад в «Коррео» о том, как несколько их парней изнасиловали четырнадцатилетнюю девочку? Это племянница моего соседа по дому... Девочка чуть не умерла. Семья ее в Сан-Луисе живет, неподалеку от парка Тупак Амару. Сам я тоже из того района. Любил там раньше гулять. А теперь парк им отдали. Куда там — погулять! После восьми вечера из-за них нос на улицу высунуть боишься...

В Лиме их не любят и презрительно называют «гусанос» (червяки) и «павос» (индюки). Для перуанцев они как лишний рот для бедняцкой семьи, вынужденной к тому же терпеть наглое, мягко говоря, поведение незваного гостя.

Они попали в Перу два с лишним года тому назад. О том, в результате чего это произошло и как затем развивались события, приведшие к трагедии 10 тысяч человек, я позволю себе коротко напомнить читателям.

...В апреле 1980 года группа лиц ворвалась в здание посольства Перу в Гаване, требуя предоставить возможность покинуть Кубу и выехать в США.

Несмотря на то, что ворвавшиеся в посольское здание заявили о том, что власти Кубы их не преследуют, в Вашингтоне, почуяв очередную возможность использовать происходящие события для очередной антикубинской провокации, подняли пропагандистскую шумиху вокруг «нарушения прав человека на Кубе», взяв под свою защиту тех, кто в ней не нуждался, и требуя освобождения тех, кто был свободен.

Продолжая злобно травить тегеранских студентов, захвативших американское посольство в Иране, США в то же время приветствовали кубинцев, нарушивших неприкосновенность дипломатического представительства Перу. «Что-то странное творится в мире дипломатии» — так прокомментировал лицемерную позицию США тогдашний посол Перу в Гаване Абим.

Тем временем кубинское правительство сняло охрану посольства Перу, предоставив всем желающим возможность покинуть страну.

Нетрудно догадаться, кто в первую очередь воспользовался этим. Разношерстная публика численностью почти в десять тысяч человек собралась тогда на территории перуанского посольства и возле него. Большинство составили отбывшие ранее срок наказания преступники, в основном, обычные жулики. Много было людей, затаивших на революцию черную, неподвластную времени злобу. Были там и мелкие собственники, и бывшие проститутки, и сутенеры с солидным «дореволюционным» стажем. Словом, много бывших, так никем и не ставших или не захотевших стать.

Такой поворот хода событий явно застал сердобольных «борцов за гражданские права» из США врасплох. Кому захочется импортировать дополнительную партию преступников из-за рубежа, если и

ПЛАТА ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО

**Мир капитала:
бесчеловечность**

Артем БОРОВИК

Парнишка-индеец лет пятнадцати стоял посреди дороги лицом к потоку машин. В руках у него были букеты красных роз с каплями воды на лепестках и листьях. Разгоряченные машины, пыхтя, как взмыленные быки, пронеслись мимо, а паренек, пропуская автомобили в нескольких сантиметрах от бедра с ловкостью и грацией искусного тореро, взмахивал букетами, как мулетой, предлагая их пассажирам. Время от времени он отбегал к тротуару, чтобы смочить цветы в ведре холодной воды, и спешил со всех ног обратно, на проезжую часть.

Я сидел в маленьком кафе на авениде Абанкай и наблюдал за работой уличного тореро через пыльное окно. Зрелище было столь же захватывающим, как и настоящая коррида. Здесь и там было много ловкости и риска. И то и это было трагедией: там, на арене, — трагедией обреченного на гибель быка, здесь, за окном, — трагедией обреченного на нищету ребенка.

По мостовой, усыпанной розовыми лепестками, пронеслись машины. Лишь немногие из них притормаживали, и тогда из кабины высовывалась рука с мелочью и тут же исчезала с букетом...

Кто-то дотронулся до моего плеча:

— Мальчик, угости девочку пивом.

Я обернулся: «девочке» было лет сорок. Пыльный

парик неопределенного цвета сдвинут набок. Из-под него торчит рыжий клок волос. Жирно напомаженные красные губы. Серое, одутловатое лицо.

Она села за мой столик и, щелкнув тонкими смуглыми пальцами, подозвала официанта:

— Давай, мосо (официант), суетись — молоденький гринго хочет угостить меня вашим паршивым перуанским пивом.

Заметив новую посетительницу, официант вмиг оказался у моего столика и, крепко взяв ее за предплечье, молча и деловито вывел на улицу.

Никто из посетителей не придавал этому значения: обычная вечерняя сценка в обычном кафе Лимы. Такие «девочки», как эта, задешево предлагают свои услуги посетителям баров и прохожим. Необычным было лишь то, что нежеланная посетительница не походила внешне на перуанку, да и произношение ее было не местным.

Официант вернулся к моему столику:

— Извините, сеньор, эта кубинская шлюха вертится у нашего ресторана с утра до вечера вот уже третий месяц. Пора этих «гусанос» вышвырнуть вон из Лимы.

— Не совсем понял, о каких кубинцах вы говорите?

— А вы не знаете? Да это те, что из парка Тупак Амару. Вы, как я посмотрю, недавно у нас? Иначе бы знали. — Он деловито смахнул со стола крошки, поправил скатерть. — Газеты о них одно время каждый день писали. Сколько можно их терпеть! Вы читали о нескольких случаях тифа и холеры в Лиме, нет? Так это все от них. А воровство и преступность? Это тоже они. Работать не хотят — вот и занялись тем, что полгче. А, к примеру, та, что к вам подседа, — думаете, она одна? Куда там! Их женщины десятками

без того в Соединенных Штатах убийство происходит каждые 23 минуты, кража — каждые 3 секунды, изнасилование — каждые 6 минут? Кому придет в голову бредовая идея приглашать к себе, изображая гостеприимных хозяев, проститутток-иностранок, если в своей стране проституция катастрофически распространяется — даже среди детей? Как обеспечить работой почти 10 тысяч иностранцев, имеющих квалификацию лишь по части воровства, если безработица в стране и без того давно перевалила за 8 миллионов?

Словом, американцы тянули время.

А кубинцы, ожидавшие, что их примут с распростертыми объятиями, начинали недоумевать. К тому же нашлись дельцы, решившие подзаработать на происходящих событиях. Так, некоторые дипломатические сотрудники другого иностранного представительства в Гаване, в которое также проникла группа кубинцев, занялись подпольной продажей въездных виз. В результате за несколько дней их было продано на сумму в полтора миллиона долларов!

Тем временем в США продолжали искать выход из создавшегося положения. И он был вскоре найден. Очень простой, да к тому же позволяющий большую часть ответственности переложить на плечи других. Десять с лишним тысяч бывших кубинцев разбили на группы и разбросали по различным странам. Это, в свою очередь, привело к распаду многих семей: отец с детьми, к примеру, оказывался в Испании, а мать попадала в Канаду, не зная при этом ни слова по-английски... Определенное число этих людей американские власти все-таки были вынуждены принять, пообещав всем остальным выдать в ближайшем будущем въездные американские визы. 750 человек с

легкой руки Вашингтона оказались в Лиме, где им предоставили двадцать территории парка Тупак Амару.

— Без разрешения сеньора Рамиреса я вас не пропущу, — отрезал полицейский, стоявший у входа в парк, загораживая мне дубинкой проход.

Рамирес — член «комиссии кубинских беженцев», размещенных в парке Тупак Амару. Несколько раз встречал его фамилию в газетах. Комиссия пытается осуществлять представительские функции от имени обитателей парка.

Устав от несговорчивости полицейского и изнурительной жары, я присел на прогретую солнцем землю неподалеку от входа и еще раз окинул взглядом длинный каменный забор, на километры протянувшийся вокруг двадцати парковых гектаров. Мысленно я перебирал способы проникнуть внутрь. В голове уже начал было оформляться план действия, как вдруг совершенно неожиданно, взвизгнув тормозами, у охранявшегося въезда остановился черный «шевроле» с черным водителем. Тот вышел из машины и посмотрел на меня поверх противосолнечных очков. Солнце отражалось на его лоснящемся лбу и в затемненных линзах.

— Из какой газеты? — Он бросил взгляд на портативный магнитофон, болтавшийся у меня на боку.

— Я из журнала.

— А страна какая?

— Вообще-то я издалека, из Европы. Хочу написать о беженцах.

Он не стал спрашивать, из какой именно страны я приехал. А я, понятно, не спешил уточнять.

— К нам тут сюда часто заходят репортеры — высматривают что-то, — сказал он, доставая из глубокого кармана штанов ключи с прилипшим к ним сором. — Я всех просил присылать, что напишут. Ведь черт вас знает, что вы там про нас строчите... А прислать — никто не пришлет...

Он раздвинул железные ворота, сунул ключи обратно в карман и, открыв дверцу машины, указал пальцем на замызганное сиденье, приглашая меня сесть.

— Я отвезу тебя в рабочую палатку комиссии беженцев. Там выяснишь все, что тебя интересует. Когда материал будет опубликован, пришли его к нам. Пиши на мое имя. Фамилия моя, кстати, Рамирес. Адрес узнаешь в палатке.

Машина, мягко покачиваясь на разработанных ресурсах, ехала по узкой дороге, петлявшей меж многочисленных палаток и шалашей.

— Я бы хотел предварительно походить по парку, посмотреть, как живут люди... Это возможно?

Он приостановил машину и, высадив меня у обочины пыльной дороги, указал пальцем на большую зеленую палатку, разбитую неподалеку.

— Приходи туда через полчаса — комиссия будет в сборе...

Он резко нажал на акселератор, и машина рванула с места, волоча за собой хвост клубившейся пыли.

Парк Тупак Амару находится в одном из небогатых районов Лимы — в Сан-Луисе. Раньше он был главным резервуаром свежего воздуха для города. На туристических картах парк обозначен большой зеленой заплаткой квадратной формы. Я тщетно искал хоть один зеленый кустик на выжженной солнцем каменной земле. Все деревья вырублены, из них еще полтора года назад были сооружены бесчисленные шалаша, в которых сейчас живут кубинцы. Раньше, как мне говорили жители Лимы, тут в изобилии росли кокосовые пальмы. Теперь от них остались одни лишь трухлявые пенки. Орехи пошли на еду, широкие сочные листья — на утепление ветхих лачуг: зимой, приходящейся здесь на май, июнь, июль, над пустырем вовсю свистят холодные, промозглые ветры с океана.

Я обратил внимание на то, что часть палаток, на вид более прочных и опрятных, выкрашена в голубой цвет, а большинство остальных, уродливых построек с зияющими дырами — в коричневый. Мимо меня какой-то парень волок по земле корзину с пестрым тряпьем. Я спросил у него, кто живет в голубых палатках.

— Голубые баррьядас (палатки. — А. Б.) — это наш маленький Мирафлорес. В них живут члены комиссии и их семьи, — ответил парень.

Мирафлорес — фешенебельный район Лимы. Если ты забрел туда и в кармане у тебя меньше тысячи солей, проходи побыстрей мимо симпатичных кафе и не заглядывайся на витрины — этих денег тебе не хватит даже на чашку горячего «эспрессо». Так... Значит, и на этих двадцати гектарах начался вечный процесс деления людей на тех, кто живет лучше, и тех, кто живет хуже, здесь — на «голубых» и «коричневых»...

— Вы, видать, из газеты? — Он указал глазами на мой магнитофон. Я кивнул. — О нашем житье задумали писать, значит? Слушай, давай я составлю тебе компанию, — перешел он на «ты», — пойдем вместе. Может, пригожусь. Как-никак, девятнадцатый месяц я тут. Меня зовут Энрике...

В душном воздухе стоял тяжелый смрад — пахло жареным мясом, дымом костров, гнилью... Баррьядас лепились одна к другой. На земле валялись обрывки газет и проржавевшие консервные банки.

Посреди скопления ветхих построек вырисовывался почти идеальный круг диаметром метров в четыреста. В его центре — покосившийся шалаш. Слабый порыв ветра — и он рухнет, как карточный домик.

Я зашагал в сторону одинокой лачужки.

— Туда не стоит ходить. Это карантинная зона. В палатке лежит Хуанита. У нее холера. — Энрике удержал меня за плечо.

— Почему ее не кладут в больницу?

— Хочешь дать нам денег? Давай! Мы положим ее. Только очень много денег надо. — В его голосе впервые мелькнула нотка злости.

Перед отъездом в Перу в московском прививочном центре на Неглинной мне сделали прививки, помимо, от всех болезней в мире, даже от тех, о которых раньше никогда не слышал. Холеры можно было не бояться.

Палатка, где находилась Хуанита, гудела от мух. На подстилке лежала то ли девочка, то ли старуха. Огромные глаза в пол-лица, смотревшие в никуда. Ввалившиеся щеки. В углу сидела женщина. Наверное, мать. Она терла мякоть кокосового ореха о ржавую пластинку с множеством корявых дыр.

— Вы показывали девочку врачу? — спросил я у женщины.

— Я повезу ее в Юнгай. Там ее вылечат... Там все болезни лечат. Холеру тоже лечат...

В ее уверенности было что-то маниакальное, граничащее с помешательством. Между Лимой и Юнгаем больше четырехсот километров. К тому же, чтобы туда попасть, необходимо преодолеть перевал высотой в три тысячи восемьсот метров. Не всякий здоровый человек легко переносит условия перуанского высокогорья. А тут больная холерой девочка...

— Но в Юнгае нет больницы, — сказал я.

— Там есть индейцы. Они умеют лечить...

— Она действительно думает везти девочку в Юнгай? — спросил я у Энрике, выйдя из карантинной зоны.

— Раньше она все ждала, что ее с девочкой пошлют в Майами — часть наших уже там — и вылетят. Она долго ждала. Потом с малышкой стало совсем плохо. В городе она прослышала о каком-то индейском племени, перекочевавшем в район Юнгай из амазонской сельвы. Говорят, женщины этого племени умеют заговаривать болезни — в том числе и холеру. Вот на дорогу туда она и копит деньги.

— Она устроилась работать?

— Как же — жди! Она со своей работой здесь так же нужна, как ее девочка с холерой нужна им там, в Майами. — Он усмехнулся. Как-то страдальчески, вымученно усмехнулся. — Она делает кокосовые лепешки и продает их на Сан-Мартин... Ты бывал на Сан-Мартин?

— Конечно, а что?

— Да нет, ничего. Просто странно, что ты еще не заболел холерой... Чуть, конечно: она и на полдороги не успеет скопить — девочка умрет. Сегодня там уже начали рыть могилу. — Он махнул рукой, указывая куда-то в дальний конец парка.

Энрике очень просто, почти равнодушно говорил о трагедии этой женщины и ее девочки. Видимо, к трагедиям тоже привыкаешь, и тогда кажется, что бесконечная цепочка несчастий и есть нормальное течение жизни.

— Многих уже похоронили, — продолжал он, — недавно умерла старуха Акилина Альварес. На 78-м году умерла. Говорят, от рака. Ее возили в онкологический центр. Приехали и сразу уехали — на то, чтобы лечиться там, продажей кокосовых лепешек не зарабатываешь. Вернулись в парк и вскоре похоронили старуху. Так она и не увидела Майами, а ведь тоже на старости лет туда собралась! В общем, у каждого тут своя беда... Так что все мы либо умираем, либо с ума сходим. Только вот если Барбара помешалась на индейцах, лечащих холеру, то другие — на Майами... Паршиво, конечно, помереть в парке Тупак Амару. Даже если и помираешь на 78-м году...

Мы подошли к большой брезентовой палатке, которую указал мне Рамирес. Я попрощался с Энрике, и тот зашагал прочь.

В палатке — шесть человек. Рамирес представил меня им как журналиста из Европы. В центре — круглый фанерный стол, прогибающийся под тяжестью примуса и сковороды с жареными бананами и кокосовыми лепешками. На маленьком табурете в углу — большой таз с горой тертого кокоса. На одной из двух коек спит, свернувшись калачиком, мальчик лет двенадцати.

Проговорили мы почти час — меру длины магнитофонной ленты. Вот выдержки из записанной беседы:

— Меня интересует прежде всего такой вопрос: выезжаете из Кубы, в какую страну вы хотели попасть? Давайте, если не возражаете, начнем с вас.

Крепко сбитый седой кубинец лет шестидесяти:

— В США.

— Простите, ваша фамилия?

— Сантьяго Грахалес Луна... Точнее говоря, хотели в Майами. Мы и сейчас туда хотим.

— А вам официально было заявлено американской стороной, что США примут вас?

— Конечно, еще тогда, когда мы находились в перуанском посольстве в Гаване. Правда, сказали, что сначала нас временно направят сюда, в Лиму. А потом — сразу в США.

— Понятно. Скажите, чем вы занимались до революции на Кубе?

— У меня была прачечная под Гаваной.

Я обращаюсь к молодому человеку с изытым оспой лицом:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Меня зовут Давид... Давид Падрон.

— Ваши занятия до революции?

— Я водил такси.

— Ваше собственное?

— Машина отцу принадлежала. У нас три машины было — три «форда». Одну водил старший брат, другую, значит, я, а третью — отец.

— Сколько вы примерно зарабатывали в неделю на своем автомобиле?

— По-разному получалось. Больше всего мы имели в туристический сезон, когда приезжало особенно много американцев. Но основной-то доход был от бензоколонки — отец купил ее, когда я еще мальчишкой бегал...

— Скажите, вы пробовали устроиться здесь, в Лиме, на работу?

— В Перу своих безработных хватает — по-моему, 20 процентов. И процентов 40 — временно обеспеченных работой. Куда же нам соваться?

Микрофон вновь переходит в руки Сантьяго Грахалеса:

— Я прошу, чтобы в твоей статье четко прозвучал этот момент: условия у нас здесь катастрофические. Еще одну зиму мы просто не переживем. Среди нас много больных детей...

— Вы уверены, что в Майами удастся устроиться лучше? Там ведь своих проблем достаточно.

— Мы исходим из того, что хуже нам там не будет. Потому, что хуже быть просто не может. Хуже некуда...

Приезд нескольких тысяч кубинцев в Майами был воспринят американцами — особенно низкообеспеченными слоями — в штыки. Газеты в США часто писали о непрекращающихся стычках между кубинцами и местным населением. Власти города изолировали кубинских эмигрантов от местного населения, поселив их в отдельный городской район, который называют «кубинским гетто». Вот что писал по этому поводу журнал «Тайм»: «Ничто не беспокоит жителей Южной Флориды так, как присутствие преступников и психически больных, прибывших с Кубы. По официальным данным, примерно 5 тысяч кубинцев являются преступниками. 53 из них были арестованы в Майами за совершенные убийства, значительно больше посажено в тюрьму за грабежи. 50 кубинцев было убито другими кубинцами... Примерно 25 процентов — без работы, что повысило уровень безработицы в Дэйт Каунти (округ в штате Флорида. — А. Б.) с 5,7 процента до 13 процентов... При этом ожидается, что сокращение бюджетных ассигнований, запланированное Рейганом, уменьшит помощь, оказываемую беженцам во Флориде в новом финансовом году...»

Грахалес тем временем продолжал:

— Хочу сразу уточнить: я — убежденный антикоммунист, но я не знаю, как назвать то, что с нами делают США. Они нас использовали в определенный момент, а потом повернулись к нам спиной. Просто напросто забыли о нас... Плюнули на нас.

Он глубоко затаивается, и глаза его начинают слезиться от едкого, прогорклого дыма...

Нет смысла комментировать эту магнитофонную запись. Она говорит сама за себя и служит обвинением против тех, кто с неприкрытым лицемерием использовал этих людей, выжав из них все, что только можно было выжать, а затем выбросил на свалку, как отработанный, никому не нужный шлак.

Я не собираюсь оправдывать кубинцев, что живут сейчас в нечеловеческих условиях в парке Тупак Амару в Лиме. Они получили свое: жизнь предьявила счет, превратившись для этих людей в хаотичное нагромождение несчастий, болезней, смертей, голода. При этом не перестаешь поражаться тому, с каким откровенным цинизмом они были обмануты и затем брошены, забыты.

...Я шел обратно к выходу из парка и видел, как в кучах мусора, ржавых консервных банок и гнилого тряпья играли маленькие кубинцы. Они вынуждены расплачиваться за ошибки родителей, лишивших их того, о чем могут лишь мечтать дети других латиноамериканских стран. Их ждала жизнь, их ждало будущее. Теперь их ничто не ждет. Ждут они. Со страхом ждут того, что принесет им завтра.

модный тогда химико-технологический и понуро брела мимо сверкавших огнями московских витрин... Тогда же и медалисту одной из астраханских школ Владимиру Меньшову вопреки уверенности родителей, да и приятелей, что уж ему-то открыт путь в любой институт, не удалась дерзкая попытка стать студентом актерского факультета ВГИКа. В первый год он вернулся домой. И до следующего

приезда в Москву работал токарем на судоремонтном заводе. После очередной неудачи устроился актером вспомогательного состава в астраханском облдрамтеатре... Потом, решив, что узнавать жизнь следует не под родительской опекой, махнул в Воркуту, работал в шахте... Работал водолазом в Баку... Работал помощником режиссера на телеви-
дении...

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ УДАЧ

Геннадий СУХИН

Штрихи к портрету
кинорежиссера Владимира МЕНЬШОВА



Он лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской. Его фильм — обладатель одной из известных в мире кинематографических наград — премии Американской академии киноискусства «Оскар». За свою первую роль на экране он отмечен дипломом Всесоюзного кинофестиваля. На его счету двенадцать сыгранных ролей и два поставленных фильма, побивших в последнем пятилетии все мыслимые рекорды прокатного успеха. Кроме того, еще десяток внутрисоюзных и международных наград; он соавтор сценариев фильмов, поставленных другими режиссерами; на сценах страны идут написанные им пьесы. Кроме того... Но, если бы даже он сыграл на экране только роль Семена Боброва, «самозванного» председателя колхоза в фильме «Человек на своем месте» и остался бы режиссером только первого своего фильма «Розыгрыш», уже тогда советское кино 70-х годов невозможно было бы представить без Владимира Меньшова.

Используя испытанный им же прием в знаменитом его фильме «Москва слезам не верит», вернемся на двадцать пять лет назад.

Итак, год 1957-й. Помните, примерно в тот год Катерина Тихомирова, героиня «Москвы...», успешно завалила свою первую попытку поступить в

Кадры из фильмов
Владимира МЕНЬШОВА



Подобные перемещения понять можно: набирался «жизненного опыта» в перерывах между «попытками», но ведь и после окончания Школы-студии МХАТ, уже став дипломированным актером, всего год проработал в Ставропольском театре, куда направлен был по распределению, и опять в Москву... В Москву!.. В Москву!.. И — до сорока почти — странное положение ни актера, ни режиссера. То есть его приглашали, снимали, работа у него была, и много, но не было определенности, конкретности какой-то. Он числился «актером на договорах» — есть такая категория, но это означает, что сегодня ты нужен, сегодня тебе звонят и тобой интересуются, а завтра или послезавтра... Это «послезавтра» для Меньшова отодвигалось и отодвигалось. До 1977 года. Когда он официально был зачислен режиссером на киностудию «Мосфильм» и приступил к работе над сценарием Валентина Черных «Москва слезам не верит». Об успехе фильма рассказывать не стоит — долговременные аншлаги у нас в памяти.

— Я не жалею, что так долго шел к цели, — говорит Меньшов. — Во всем есть свой смысл, судьба или звезда — назовите это как угодно! В школе я был расторопным таким мальчиком. Активным и послушным, как и положено активисту. Собирали откритки киноактеров. Меня включили в художественную самодеятельность — общественное поручение. Театр я не любил. Может, потому, что в Астрахани тогда театр был ненажный. А других я не видел. Любил кино. Четыре раза поступал во ВГИК. Между «попытками» сознательно менял профессии — хотелось понять себя, нащупать пружину, которая заставляет человека метаться, чего-то искать... Поступил в Школу-студию МХАТ — по недоразумению, наверное. По способностям был почти последним, но все равно первое время был счастлив! Через год-полтора душевная гармония нарушилась.

Меньшов рассказывает, как он был потрясен, посмотрев «Девять дней одного года». И подавлен: казалось, на такое он никогда не будет способен. Думал даже бросить кино и пробавиться в физики... И что же — именно наука свела поклонника «Девяти дней...» с режиссером фильма. Меньшов написал реферат «Рабочий профиль современного кинорежиссера», и его приняли в аспирантуру ВГИКа по кафедре режиссуры художественного фильма. Научным руководителем его стал профессор М. И. Ромм, но практически в лице Меньшова в его мастерскую добавился еще один студент. К сожалению, курс этот стал последним, доведенным Роммом до дипломных работ: это Никита Михалков, Самвел Гаспаров, Михаил Ильенко, Василий Брескану...

— Наверное, Ромм пошутил, сказав мне: «Я беру вас, чтобы повысить интеллектуальный уровень курса...» Конечно, у меня были хорошие педагоги: и в школе, и в студии МХАТ — я благодарен им за культуру, за образование. Но Михаил Ильич Ромм занимает в моей жизни особое место. Он для меня образец человеческих и профессиональных качеств. Все, что я сейчас делаю, определено вниманием и одобрительным пониманием Ромма. Я благодарен судьбе, что он читал мои сценарии и успел увидеть мою первую роль в кино.

Нет, нет, речь пока идет не о председателе колхоза Семене Боброве в фильме «Человек на своем месте», оказавшемся одним из эпицентров дискуссии (и не только искусствоведческой) о современном «деловом» герое сцены, экрана, литературы. Речь о дипломном фильме однокурсника Меньшова по ВГИКу Александра Павловского. Называлась эта короткометражка «Счастливы Кукушкин», была несколько модифицированной экранизацией рассказа Валентина Катаева «Ножи» и стала первой экранной работой (счастливой, как потом оказалось!) и режиссера А. Павловского, и автора сценария В. Меньшова, и исполнителей главных ролей — Владимира Меньшова и Ларисы Удовиченко... «Счастливы» Кукушкин оказался не только потому, что на одном из кинофестивалей «Молодость», проводимых на Украине, отмечен был премией, но прежде всего потому, что открыл своим создателям дорогу на большой экран.

— Был я недавно в Киеве, там на десятилетия фестивалей «Молодость» показывали некоторые из ранее премированных картин. Ко мне кинулись, не пойму, в чем дело. «Ну как же, — говорят, — мы тут «Кукушкина» смотрели!» Я прямо-таки героем фестиваля стал, так он всем понравился. А ведь рождался он — сейчас вспоминать смешно и грустно. Шурик Павловский уже должен был записаться с дипломным фильмом, а актера на главную роль не было. Я на все его уговоры отнекивался да и вообще со дня поступления во ВГИК всячески избегал самой возможности что-либо играть. До сих пор я для себя на экране — какое-то жуткое зрелище. Ну, так вот, сроки «давили», и тут Павловский заявил, что знает меня не жалеет, если я не сыграю ему этого слесаря-атеиста. Посоветовались с Ром-

мом, он сказал: «А что — попробуй!» Так вот и оказалось, что Ромм успел благословить мой актерский дебют. И слова сказал, которые мне до сих пор не удается оправдать: «Тебе надо играть интеллигентов!» Вот потому и считаю началом актерской биографии все-таки не Боброва, а Кукушкина. Хотя, конечно, не будь потом Боброва, мой «счастливый» передовик производства и служащий так и остался бы эпизодом биографии несбывшегося актера Меньшова.

По легенде, «сосватал» Меньшова в фильм «Человек на своем месте» прежний заведующий фильмотеккой ВГИКа Леонид Семенович Ципурский. Дескать, жаловались как-то измотанные мосфильмовские ассистенты, что «прочесали» актерские картотеки, а героя будущего фильма нет как нет. А Леонид Семенович, «на глазок» знавший все дипломные и курсовые вживочеве, хитро им подмигнул и позвал в просмотровый зал. Правда, Паша Кукушкин был классическим положительным героем 30-х годов, а режиссер А. Сахаров собирался снимать современный фильм с героем жестким и слегка даже авантюрным, с героем четким и категоричным, но не педантично четким, а реально убежденным в собственной правоте.

Характер Семена Боброва не нес в себе специфически «председательских» или каких-либо «сельских» черт. Автор интересовался не конкретная индивидуальность, а типичное и закономерное в том самом «деловом» сегодняшнем человеке, что определил собственное место в жизни, уверен в своем призвании, хозяйственно сметлив, «элегантен и не лишен чувства юмора», как сказал о своем герое его создатель драматург Валентин Черных. Меньшов сыграл своего председателя не только уверенно и артистично, но столько оживил своеобразно намеченную схему принципиально нового для нашего кино героя, сколько показал человека вполне реального. В том, как открыто Бобров жил, как спорил — не злясь, как огорчался — без лишнего драматизма, чувствовалась внутренняя сила человека, дело свое знающего и потому не боящегося ни критики в свой адрес, ни собственного поведения «не по чину». Меньшов сыграл в Семене Боброве основное в людях такого типа — решительность. Не решительность тона или жеста — решительность мысли! И потому в «самовыдвижении» Боброва, предложившего себя на освободившееся место в председатели колхоза, выражалась отнюдь не самоуверенность, а высшая форма готовности взяться за дело масштабное, в духе времени. Роль оказалась не просто фактом биографии актера Меньшова, она получила резонанс и в жизни искусства и в социальной жизни последнего десятилетия.

— Я понимаю, что актерски моя работа в Боброве уязвима, но все же есть в нем черта, дорогая мне и объясняющая интерес к нему зрителя: он нашел свое место в жизни. А ведь это самое важное и самое трудное! С точки зрения актерского мастерства мне, думаю, больше удалась роль Клим Авилова в «Последней встрече». Его убежденность, принципиальность, верность призванию внутренне мне близки и понятны. Дорог мне Клима еще и тем, что я хорошо знаю людей такого типа — по отцу своему, теперь покойному. Это люди, на которых, как говорится, земля держится, те самые, с кем в разведку можно идти без раздумий. Они и составляют, так сказать, соль земли. Хотя в обыденной, мирной жизни с ними невероятно трудно.

Актерская судьба, к которой поначалу Меньшов так упорно стремился, а потом старательно избегал, началась громко и уверенно. За Боброва и была ему вручена на Всесоюзном кинофестивале в Алма-Ате премия за лучшее исполнение мужской роли. Один за другим последовали — Мартынов в фильме «Соленный пес», социолог Петров в «Собственном мнении», фильм «Ар-хи-ме-ды!», «Мои дорогие», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». «Цена жизни»... Оставляет он «автографы» и в собственных режиссерских работах — помните, есть в «Розыгрыше» такой эпизод в бассейне и там мелькает тренер по плаванию; в «Москве...», когда Гоша вывозит Катерину с дочкой на лоно природы, жарит им шашлыки не кто иной, как режиссер фильма...

Меньшову удивительно везет с прокатом: он покорило его с первого же фильма — «Розыгрыш» стал чемпионом сезона, на имя его создателя хлынул поток писем от сверстников его героев, от педагогов, от недавних и давних выпускников... Дебют оказался необходимым зрителю. Что, увы, пока происходит редко. И Меньшов очень ответственно, по самому высокому и строгому счету отнесся к своей первой режиссерской работе. Говорит: секрет успеха... А если нет его, секрета, если все объясняется желанием и умением хорошо делать свое дело?!

— Честно признаться, за «Розыгрыш» я брался с большим страхом, считая себя совершенно не готовым к разговору о сегодняшней молодежи. Однако жизнь шла к сорока, и ждать дольше было нельзя. Сценарий С. Лунгина ни в чем не противоречил моим убеждениям, был вполне честным, достойным сценарием, хотя и не совпадал с тем, о чем я бы хотел делать свой первый фильм. Было в нем несколько болевых точек, которые утвердили меня в решении снимать. Я вспомнил Михаила Ильича, который говорил, что идеальных сценариев не

существует и если есть две-три сцены, которые нравятся, значит, фильм надо делать. Во время работы я был полностью поглощен производственными сложностями первой картины и ни о каком «сверхуспехе» не помышлял. Просто мы стремились, чтоб «Розыгрыш» не был скучным и назидательным, а острым и проблемным, каким и полагается быть фильму для молодых. После потока писем я понял, что можно снимать картину о ком и о чем угодно, лишь бы в ней было исследование души. Думая о следующей своей работе, однако, я твердо знал только одно: ни в коем случае не повторяться!

Конечно, успех начинающих зависит и от тех, кому по праву старшинства и опыта доверено выверять их первые шаги. Главным же образом, конечно, это зависит от самого молодого художника. С каким взглядом на мир входит он в искусство, о чем хочет поведать людям, какой духовный багаж несет в себе, какую позицию отстаивает. Впрочем, еще в реферате, представленном во ВГИК, Меньшов сформулировал собственное понимание задачи, стоящей перед художником, кинорежиссером, в том числе: «Я вижу ее в умении найти свой путь в искусстве и суметь на нем удержаться».

Случайность ли или некий уже показатель, ждущий своего исследования, только фильмом Меньшова и герои его уже трижды становились не только объектом пристального внимания зрителей, но и заинтересованных обсуждений на «круглых столах» солидного кинематографического журнала «Искусство кино». Проходят обычно такие «круглые столы» с участием не только известных кинематографистов, искусствоведов, но непременно с приглашением специалистов той или иной отрасли народного хозяйства. Так было при выходе на экран «Человека на своем месте». Так было, когда на повестку дня выносились необозримая, в сущности, проблема: «Кто он, герой 70-х?!» Так случилось и после появления на экранах и ясно обозначившегося триумфа последнего фильма Меньшова «Москва слезам не верит».

Не просто успех — триумф. Но в послесловии к нему восторженные отклики и рецензии постепенно уступили место тревожным размышлениям, суть которых — не получился ли фильм продуктом на все вкусы, явлением некоей усредненности в искусстве? С другой стороны, мастера кино сразу отметили, что в основе феномена «Москвы...» — верно угаданные и профессионально отработанные зрительские запросы, точно найденная стилистика режиссерских и актерских решений, острота проблем, затронутых в сценарии. Зрительская аудитория, неоднородность которой подчеркивается всякий раз, когда «обреченный» на удачу фильм вдруг проваливается — так вот, эта аудитория оказалась единодушной в отношении к «Москве...». Наверное, дело в удивительной узнаваемости героев, их судеб; в той романтике людских отношений, которая вызрела в обстоятельствах нелегких, неоднозначных; даже в таком традиционном, но, как оказалось, таком нужном зрителю «хэппи энде»... И о многом еще можно говорить. А дискуссии, споры продолжают — и это хорошо, что появился такой «оселок», на котором оттачивается действительность произведения киноискусства. Что же касается самого Меньшова, то само по себе проведение подобных обсуждений — реальный факт истории взаимоотношений его фильмов со зрителем.

Отношений, которые вылились в одно такое письмо: «Спасибо, тысячу раз спасибо за фильм «Москва слезам не верит». Он принадлежит к категории фильмов душевных, которые хочется смотреть не один раз. Мне порой казалось, что не фильм я смотрю, а со стороны наблюдаю реальных людей, действительно события, а если сказать от лица сегодняшней молодежи, то картина эта помогает нам лучше понять юность наших матерей, их сегодняшнюю жизнь...»

Меньшов так сформулировал смысл своего обращения к сценарию Валентина Черных:

— В этой картине мне хотелось подвести некоторые итоги собственной сорокалетней жизни. Конечно, я не собирался делать личную киноведаграфию, но всего, что есть в нашей ленте, я набрался досыта в свое время; я и безжизнител, и недоступности для меня мира киноактеров, а потом и сиротского своего ощущения в Доме кино... И неудач и отчаяния... Конечно, двадцать лет — много для одной человеческой жизни. Но впереди еще не вечер. И многое, очень многое в твоих руках! — хотелось сказать зрителю. Хотелось и поразмышлять вместе с ним: что же это такое, два десятилетия в нашей судьбе. Ценность человеческой жизни, на мой взгляд, измеряется тем, насколько полно человек реализует свой талант. А талант, я уверен, есть у каждого. Трудно бывает только порвать с обыденностью, найти то единственное, к чему ты предназначен на земле...

В. Немирович-Данченко так определял компоненты, из которых должна складываться судьба настоящего художника: талант, труд и удача. Все три одновременно. Таланта и труда Владимиру Меньшову, как говорится, не занимать. Пусть же сопутствует ему удача. Ему, человеку, определившему собственное предназначение на земле.

Зачи́ст

Иван БОРОДАВЧЕНКО,
председатель
межведомственного комитета
по защите морской среды
Балтийского моря,
заместитель министра мелиорации
и водного хозяйства СССР

Балтика в представлении многих людей — это место летнего отдыха: сосновые рожи, янтарные пляжи, усеянные бронзовыми от загара телами. Однако с этим морем прежде всего связано благополучие и процветание большого экономического региона Европы, его воды омывают берега семи государств. Сотни предприятий производят, получают или отправляют по воде товары, перерабатывают дары царства Нептуна. Большой и малый флот — сейнеры, танкеры, яхты, сторожевики, теплоходы — бороздят волны во всех направлениях. Балтика, как убеждает практика, легко ранимое создание природы. Чтобы защитить ее от невосполнимых утрат, прибалтийские страны договариваются о согласованных мерах по предотвращению загрязнения и общими усилиями стараются воплотить их в жизнь.

В нашей стране образован межведомственный комитет по защите морской среды Балтийского моря, в который вошли представители всех министерств, пользующихся «услугами» этого водоема.

Для нас, отвечающих за чистоту вод, море представляется живым организмом, требующим постоянной заботы. Ведь что такое Балтика? Это мелководное море, оно глубоко вдается в материк, уходя от влияния Мирового океана. Поэтому полный водообмен в море происходит только один раз в полвека. Следовательно, качество содержащейся в этом бассейне воды определяется чистотой речного стока, основного источника пополнения моря.

Не беда, что море, по признанию купающихся, недостаточно соленое. В этом есть даже своя прелесть. Благодаря особым гидрографическим, гидрохимическим и физико-географическим условиям, а также геологической истории в Балтийском море сложились весьма своеобразные сообщество животного и растительного мира. Например, бок о бок сосуществуют морские и пресноводные организмы, широко известны реликты, жившие миллионы лет назад на громадных территориях и сохранившиеся ныне только здесь. В связи с дефицитом пресного стока в ряде стран ведутся исследования по использованию слабоминерализованной балтийской воды в сельском хозяйстве и в различных отраслях промышленности.

Отметим еще одну важную, на наш взгляд, особенность этого моря: из-за медленного обмена воды живые организмы здесь очень уязвимы, очень чувствительны к вредным веществам. Всякий оптимизм, опирающийся якобы на безбрежность возможностей моря, никак не оправдан. Мы знаем, что интенсивный рост экономики в балтийском бассейне в последние годы значительно ухудшил состояние морской среды. Знаем и то, что предотвратить ее загрязнение, сохранить и приумножить биологические ресурсы можно лишь совместными усилиями всех государств бассейна. Хороший пример сотрудничества подают страны социалистического содружества. Наряду с научными исследованиями, ставшими уже традиционными, специалисты Советского Союза, ПНР и ГДР совместно решают такие проблемы, как методы очистки воды, сооружения различных защитных конструкций и т. д. Например, прошли испытания системы раздельной очистки стоков, что выгодно с точки зрения и энергетических затрат и эффективности очистки.

С 1968 года началось и успешно развивается научно-техническое сотрудничество с Финляндией, предусматривающее системный подход к охране Финского залива от загрязнения. Эта инициатива получила поддержку ученых и специалистов других

стран, показала перспективность, необходимость и эффективность международного соглашения по защите морской среды. Надо сказать, что столь сложная проблема, какой является борьба с загрязнением моря и побережья в результате судоходства, не сходит с повестки дня в послевоенный период. В 1954 году заключена Международная конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью, она ратифицирована многими правительствами, в том числе и СССР.

Как известно, ее участники согласились объявить все морские районы в пределах 50 миль от ближайшего берега запретными зонами, где не допускается слив так называемых нефтеводных стоков с концентратом более ста миллиграммов на литр. По этой же конвенции танкерам с валовой вместительностью 150 регистровых тонн и прочим судам выше 500 тонн было запрещено спускать в воду остатки от промывки цистерн и баков в любой точке моря. Такое предельное ограничение — средний дедейт танкерного флота с 1966 года составляет 150 тысяч тонн — со служило хорошую службу Балтике. Последующими поправками эти требования еще ужесточены. Если иметь в виду, что тонна горючего способна покрыть сплошной пленкой акваторию до 12 квадратных километров, то здоровью моря непоправимый ущерб могут нанести всего десятки тонн топлива. А нынешние супертанкеры, вмещающие сразу миллион тонн сырой нефти, таят большую потенциальную угрозу. К счастью, подобные гиганты не заходят в балтийские порты: их ограничивает осадка судна на мелководных проливах. Это не означает, конечно, что обычные типы кораблей полностью безвредны. Напротив, чем меньше класс судна, тем хуже он приспособлен к соблюдению строгих правил экологии. Потому-то они в первую очередь и берутся под контроль...

Снизилась ли объемы загрязнения? Статистика последних лет более благоприятна в сравнении с предшествовавшим двадцатилетием. Однако способность Балтики к самоочищению (а это характерно для всех водоемов северных широт) не столь велика, чтобы противостоят химической активности ряда органических веществ, тем более что они накапливались годами. Например, в южной части моря на глубинах 30—50 метров уже давно наблюдается дефицит кислорода. На каком-то этапе обогащение питательной среды ведет к бурному росту биопроductивности моря (экологический взрыв), но затем неизбежно следует деградация экосистемы. Если в прошлом заморная зона в Балтике была предсказуема теоретически, то в последние двадцать лет она стала реальностью в ряде глубоководных впадин, занимая площадь около 15 тысяч квадратных километров. Короче, многие загрязнители опасны далеко идущими последствиями. Нефть, к примеру, разлагаясь в воде, обедняет ее элементами жизнеобеспечения, препятствует фотосинтезу, подавляет флору, в частности обитателей дна — бентос. Остановить этот процесс сейчас можно только искусственно. Для этого необходимо открыть к глубинам моря доступ кислорода. Исследователи давно работают над решением этих задач.

В организационном плане, очевидно, важно скоординировать действия стран — участниц конвенции таким образом, чтобы ни одна из сторон не предпринимала шагов, которые могли бы уничтожить или снизить эффективность мер другой стороны. Расширение масштабов нефтедобычи в Северном море, скажем, не должно повлечь дальнейшее ухудшение водообмена Балтийского моря через проливы. Когда добываются предотвращаются загрязнения моря с судов, заранее следует предвидеть, насколько подготовлены к приему и переработке балластных и других стоков сооружения на суше. Да и предприятия на побережье не должны считать море бездонной бочкой, куда могут войти все стоки.

Именно с таких позиций оценивают свою деятельность по охране вод Балтийского моря многие государства бассейна. Сотрудничество в этой области вступило в качественно новую фазу в 1974 году, когда семь стран — СССР, Польша, ГДР, ФРГ, Финляндия, Дания, Швеция — подписали в Хельсинки Кон-

венцию по защите морской среды Балтийского моря. Участники конвенции взяли на себя обязательства предпринимать индивидуальные и совместные меры по предотвращению и снижению загрязнения, а также по охране морской среды. В отличие от действующей Конвенции по предотвращению загрязнения моря нефтью Балтийская конвенция одинаково важное внимание уделяет борьбе против источников загрязнения как в море, так и на суше. Другими словами, она явилась первым международным соглашением на региональном уровне, который включает весь спектр вопросов охраны окружающей среды.

Для проведения неотложных мероприятий по Балтике и выполнения требований этой конвенции в Советском Союзе и создан межведомственный комитет по защите морской среды Балтийского моря. Намечен комплекс мероприятий, который позволит полностью ликвидировать сброс в море неочищенных сточных вод и загрязнение его судами. В комитете представлены все ведомства, связанные с эксплуатацией акватории, побережья, морского дна. К ряду первоочередных задач здесь отнесены очистка бытовых отходов, сведение до минимума в различных стоках содержания вредных, органических и других веществ, использование оборотного и повторного водоснабжения. Минводхозу как контролирующему органу поручено выявить источники загрязнения, а также потребности в расширении мощностей очистки и развития водного хозяйства. Сейчас уже составлена региональная схема комплексного использования и охраны Балтийского моря в перспективе до 2000 года. Возглавивший эту работу головной институт «Союзгипроводхоз» привлек к обоснованию проблемы более 30 институтов различного профиля. Схема систематизирует огромный объем данных и в полной мере учитывает далеко не схожие интересы рыбного хозяйства, судоходства, водоснабжения. Тщательно изучена специфика формирования экологического равновесия морской среды и ее отдельных звеньев. Должен добавиться, что рекомендации схемы лягут в основу народнохозяйственных планов.

Конвенция принята в 1974 году, а вступила в действие лишь в 1980 году. Почему? Даже на примере разработки схемы систематизации данных мы видим, что требовалась существенная подготовка к реализации ее положений. За это время Минводхоз СССР с участием заинтересованных ведомств утвердил, например, перечень регламентирующих документов по охране вод, определил юридический статус инспекционных органов. В дополнение к Водному законодательству СССР принят новый порядок возмещения ущерба, причиняемого государству загрязнением моря. Службам водоохраны, подчиненным главному государственному инспектору СССР, дано теперь право предъявлять предприятиям, учреждениям, колхозам и другим организациям и гражданам СССР, а также иностранным лицам иски о взыскании в доход государства средств в возмещение ущерба. Причем уточнено понятие ущерба, который последовал либо вследствие незаконного сброса во внутренние морские и территориальные воды СССР, либо непринятия мер к предотвращению сброса веществ, вредных для здоровья людей или живых ресурсов моря. Установлена методика подсчета подобного ущерба.

Органам водоохраны нередко приходится выступать арбитром в весьма сложных ситуациях, когда требуется и верность долгу, и известное чувство такта, и оперативное влияние на ход событий. Немаловажно, что защита морского побережья от загрязнения зачастую равнозначна защите государственных интересов. Многим из читателей «Смены», наверное, памятен случай с крушением танкера «Глобе асси», приписанного к порту Гибралтар. Как известно, мощные штормы на Балтике не редкость. А однажды осенью над морем пронеслись шквалы небывалой силы. Во время одного из таких ураганов в порту Клайпеда «застрлял» танкер с мазутом на борту. Обычно перед штормом прекращают погрузочно-разгрузочные операции и судно отводят на внешний рейд.

О Е М О Р Е

Кстати сказать, подобным образом поступили экипажи советских танкеров «Люберцы» и «Эйзенберг», которые без напоминаний вывели за пределы порта свои суда и благополучно переждали непогоду. Но на крайнем к морю причале, самом опасном в шторм, экипаж английского танкера, как говорят, не подавал признаков жизни, хотя по правилам безопасности, предусмотренным международными конвенциями, вахта не должна покидать пост. Здесь же на берег была отпущена чуть ли не вся команда. Вернувшийся перед штормом на борт капитан С. Троянос ждал, пока соберется экипаж, и на требования покинуть порт отвечал отказом. В данном случае роковую роль сыграла недисциплинированность. Танкер двинулся с места, лишь когда оборвались швартовы. Подоспевшие на помощь буксиры попытались «протаскать» «Глобе асами» через узкую горловину морских ворот, но преодолеть удары шторма танкер не смог, при выходе волной его отбросило на бетонный откос северного мола, разломило пополам.

Вот с этого момента для инспекции по защите морской среды в Риге и начались напряженные дни, слившиеся в череду непрерывных и решительных действий, мужественных поступков. Нельзя не сказать тут и об администрации порта, принявшей неотложные меры для спасения экипажа танкера. Однако самая большая сложность заключалась в том, чтобы не дать разлившемуся во время крушения мазуту — а его в танкере было около 16 тысяч тонн — проникнуть в глубь моря. В этой связи нашим инспекторам в первую очередь следовало организовать взаимодействие различных служб по ликвидации последствий крушения, обязать работников порта принять исчерпывающие меры по очистке побережья. В этом инспекцию активно поддержал Клайпедский горком партии, создавший штаб по ликвидации последствий этой аварии.

Почти три месяца продолжалась непрерывавшаяся ни днем, ни ночью ликвидация последствий кораблекрушения. На завершающем этапе к очистке акватории подключился флагман нефтеочистительного флота «Светломор», прибывший с Черного моря. Оказал нам некоторую помощь и специальный катармаран из ФРГ. На береговые очистные сооружения было отправлено около 8 миллионов кубометров нефте-водяной смеси. Каждый кубометр этой смеси «процеживали» десятки раз, пока с поверхности воды не исчезла губительная масляная пленка. За ущерб, нанесенный морской среде, с владельцев английского танкера взыскано 12 миллионов долларов.

Благодаря своевременным мерам очаг распространения мазута удалось локализовать, а затем и вовсе устранить. Ущерб, нанесенный морю, во многом сокращен до минимальных показателей. Это заслуга наших советских людей, которые, рискуя жизнью, откликнулись на сигнал бедствия и оказали помощь экипажу танкера, но никак не заслуга потерпевших крушение. Поэтому капитану танкера предстоит нести в соответствии с конвенцией по Балтике не только материальную ответственность за нарушение мер по предотвращению загрязнения, но, очевидно, и административную, вплоть до дисквалификации. Кстати, постоянно действующая в Хельсинки комиссия в настоящее время рассматривает юридические аспекты в применении санкций к нарушителям конвенции.

Прошлые осень и зима доставили немало хлопот странам — участникам конвенции. Небывалые штормы повредили ряд платформ по добыче нефти в Северном море. И важно было не допустить трансграничных загрязнений через проливы.

— Возрастает роль инспекционных органов нашей страны, отвечающих за чистоту морского побережья от Калининграда до Ленинграда. Как показал случай в Клайпедзе, нужна постоянная готовность технических средств портофлота к чрезвычайным обстоятельствам. Более того, даже в обычных, неэкстремальных условиях должны действовать береговые системы утилизации и переработки отходов. Особенно многое значит в ломке привычной психологии — исподтишка сбрасывать за борт неочищенные стоки — регулярная работа береговых станций по приему балластных вод, твердого мусора и различных отходов. Если, скажем, котельная приспособлена для

сжигания мусора, то не будет соблазна загрязнять им море и его побережье. Эту задачу повсюду понимают правильно, но к сожалению, не везде организована уборка и утилизация мусора. В Калининградской области такая работа проводится еще недостаточно.

По-видимому, больше внимания вопросам охраны морской среды обязаны уделить предприятия и организации рыбного хозяйства. Казалось, ведомству, наиболее заинтересованному в восполнении рыбных ресурсов, в данном случае Минрыбхозу, и надо показывать пример всяческой заботы о «здоровье» природы. Однако множество его мелких предприятий плохо приспособлено к «чистой» технологии, к утилизации отходов производства, получения на этой основе кормовых добавок для животноводства. Речь идет о комплексной переработке даров моря, что, по существу, не только исключает загрязнение среды, но одновременно увеличивает вклад отрасли в осуществление Продовольственной программы, намеченной решениями XXVI съезда партии, ноябрьского (1981 г.) Пленума ЦК КПСС.

И еще один вопрос, который не должен упускаться из виду местными партийными, советскими и комсомольскими организациями — это совершенствование работы коммунального хозяйства, ускоренное строительство очистных сооружений. Эти меры, как я уже говорил, предусмотрены региональной схемой, но важно добиться их скорейшей реализации.

Совместно с Минводхозом СССР Министерство морского флота и другие ведомства наметили последовательность переоснащения транспортных средств установками для очистки стока, выпуска плавучих нефтемусоросборщиков и судов нового класса, оборудованных сепараторами. Например, немало настойчивости понадобилось Минводхозу СССР для того, чтобы на всех судах ввели специальные журналы контроля. Теперь госинспектор в считанные минуты может выяснить, какие грузовые операции с нефтью и нефтепродуктами совершены, где и когда переданы на береговые сооружения балластные и сточные воды.

Минморфлот в Межведомственном комитете по Балтике заслужил высокую оценку за точное соблюдение сроков оснащения материальной базы прогрессивным оборудованием, оснасткой. Его конструкторами разработан танкер «Крым» — первый в мире, полностью отвечающий стандартам, установленным Международной конвенцией по борьбе с загрязнением моря. Благодаря двойному дну судно не разольет нефть, если даже сядет на мель. Проведены уже ходовые испытания танкера «Победа», лучше всего подходящего для условий Балтики. Двенадцатиметровая осадка позволяет ему заходить в устья рек, в шестнадцать его танках можно перевозить четыре вида нефтепродуктов. Для нас, водников, важно, что танкер не надо загружать балластом, а значит, и не надо промывать емкости. Намечено построить целую серию таких судов, которые придут на смену танкерам, срок эксплуатации которых истекает.

И тем не менее во всех крупных портах Советской Прибалтики создаются береговые и плавучие станции очистки нефтесодержащих вод с судов. Дело в том, что в отличие от действующей Международной конвенции Балтийская исключает даже частичный сброс за борт остатков от промывки и малотоннажных танкеров. В целях контроля уже два года ведется необычный эксперимент: перед заливкой в танки нефти в нее добавляют комбинации мельчайших частиц металла, особые для каждого судна. Репутация капитана теперь будет во многом зависеть от его добросовестности. Со временем подобные индикаторы получат все танкеры, курсирующие по Балтике.

Видимо, недалек тот день, когда сбрасывать в море топливо станут лишь в крайних случаях. И не потому, что можно легко обнаружить нарушителя. Переработка стоков, как показывает опыт сооружения и эксплуатации Вентспилской перевалочной нефтебазы, выгодное дело. В среднем за год на ее очистных сооружениях сепарируют около двух миллионов кубометров балластной воды и получают свыше 25 тысяч тонн нефти, которая как бы возвращается из небытия. В Клайпедзе таким образом регенерируют мазут, сбывая его потребителям по цене 20 рублей за

тонну. По крохам собирается немало топлива. При крупных сбросах, что возможно в аварийных ситуациях, большую роль играет оперативность наших служб. Для этого создано специальное мобильное формирование в Риге, оснащенное современной техникой. Локализовать распространение нефти позволяют и боновые заграждения, устанавливаемые повсеместно.

Борьба против загрязнения с судов ведется активно, широким фронтом. Куда сложнее остановить мутные потоки, выливающиеся в каналы, коллекторы, трубы. В ряде стран в ближайшие годы предполагается пропускать основную часть стока через станции очистки, хотя произойдет не полное прекращение сброса в море, а лишь снижение загрязняющей нагрузки в сравнении с нынешней. Актуальна проблема нейтрализации средств защиты растений, пестицидов, а также использования стоков животноводческих ферм для орошения сельскохозяйственных земель. Что касается Советского Союза, то у нас масштабы водоохранных работ значительно возросли. Только за период между подписанием и ратификацией конвенции, то есть в течение неполных шести лет, 178 промышленных предприятий и 43 города балтийского побережья, загрязнявшие прежде море, прекратили сброс неочищенных вод. А всего на водоохранные мероприятия затрачено около миллиарда рублей, причем уровень концентрации ряда загрязнителей значительно снижен в Финском, Таллинском, Рижском, Пярнуском, Вислинском заливах. Достаточно сказать, что в советских прибалтийских республиках и в Ленинградской области построено и сдано в эксплуатацию 1500 очистных сооружений, большинство из них в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море. Только в Эстонии введено в эксплуатацию более 900 очистных станций, что позволяет очищать 80 процентов сточных вод сельских районов республики. В тех случаях, где это необходимо, предусмотрена химическая доочистка стоков.

В крупнейшем городе Балтики — Ленинграде, например, создаются канализационные биологические очистные сооружения, расчетная мощность которых — 5,5 миллиона кубометров в сутки. На многих предприятиях возводятся локальные установки. Улучшается санитарное состояние городских каналов за счет азирации потоков, удаления донных отложений, разделения стоков. В 1985 году в Ленинграде, городах и поселках области будет полностью прекращен сброс неочищенных вод. Завершается сооружение комплекса канализации и в Таллине. По огромным коллекторам-туннелям сточные воды поступят на главную насосную станцию. Пройдя химико-биологическую очистку, они практически чистыми будут поданы через глубоководный выпуск в открытый залив. Уникальные полиэтиленовые трубы для этих коллекторов, кстати, изготовлены по заказу СССР в Финляндии. В свою очередь, методика расчета морских водовыпусков, предложенная учеными Таллинского политехнического и Ленинградского инженерно-строительного институтов, используется нашими финскими коллегами.

Примеров технического сотрудничества, делового обсуждения проблем между странами — участниками конвенции немало. Советский Союз в рамках постоянно действующей комиссии и ее научно-технической и морской рабочей групп с местонахождением в Хельсинки вносит заметный вклад в осуществление договоренностей по Балтике. В частности, учеными нашей страны рассматриваются практические пути создания мониторинга физико-химических и биологических показателей морской воды, изучаются возможности интеркалибрации методов и средств контроля, разрабатываются единые требования к водоохранному оборудованию судов и портов.

Балтика — очень чуткое к загрязнениям море, и тут многое зависит от хода выполнения национальных программ защиты ее акватории. Ратификация Верховным Советом СССР Конвенции по защите морской среды Балтийского моря накладывает на министерства и ведомства еще большую ответственность за своевременное выполнение водоохранных работ.

Балтика должна стать чистым мирным морем. И будет.

Владислав ШОШИН

Солнце

Все ли песни—колыбельные?
Все ли сосны—корабельные?
Все ли очи у Болгарии—
Как живое солнце, карие?

Споря с ветром, сосны клонятся,
Вслед за модой песни гонятся,
Но сверкает—неизменное—
Солнце глаз благословенное.

Им и песни вдохновляются,
Им и сосны выпрямляются—
Лаской девичьей ли зыбкою,
Материнской ли улыбкою...



Пляшет бабочка расписная
На чугунной литой резьбе.
Я тебя ведь совсем не знаю,
Что ж я думаю о тебе?

Голос твой прозвенел негромко,
Но струной для меня поет.
Верно сказано: Незнакомка
О себе забыть не дает.

Где ты ходишь? Какой дорогой—
От моих далеко путей?
Не моей ты живешь тревогой,
Что ж тревогой живу твоей?
Облака, словно песни, тают.
Я тебя, словно пуду, жду.
Чайки белые залетают
С моря в город в этом году.



Таврического сада нет,
Он далеко от нас, далеко,
И только льется лунный свет
На клен, что дремлет одиноко.
Таврического сада нет,
На клен, как тень, легла усталость,
И лишь горит вечерний свет
На том, что истиной казалось.

Дождя томительный брезент
Не даст гвоздикой вспыхнуть лугу...
Но мы вернемся в край легенд
Затем, что мы верны друг другу.

Затем, что юности верны,
Верны задору молодому.
И в час пронзительной весны
Так далека дорога к дому!



Сирень здесь необыкновенна,
Возвышенна наверняка.
Встает над ней телеантенна
Под облака—за облака.

Сквозь облака любого сорта,
Сквозь тучи радиовралей
Являет город миру гордо
Простор проспектов и аллей.

Не причину я зла Парижу,
Стокгольма я не зачеркну,
Сказав, что лучшей в мире вижу
Я ленинградскую весну.

Чтоб город необыкновенный
Узнать Земле наверняка,
Встает игла телеантенны
Под облака—за облака...

Мария ПРИЛЕЖАЕВА
НЕВЫДУМАННЫЙ РАССКАЗ

СЮЖЕТ ИЗ ДЕТСТВА

«Детство веселое, детские грезы,
Только вас вспомнишь—

улыбка и слезы».

Так Анна Тимофеевна начала свой рассказ, затянувшийся почти до полуночи.

— Пенсионерке пенсионерка привет подает,—поздоровалась она, входя в наше купе на двоих. Пристроила вещи, села, уронив на колени тяжелые руки с набухшими жилами. И ни вопроса. Поезд тронулся, заговорила о себе. Видно было, на душе у нее неспокойно.

— К дочке еду. Дом у них в деревне, муж счетоводом в колхозе. Огород при доме, дачников на лето пускают. Ребяенок родился, вот и зовут. Да срочно, деньги на билет выслали. Известно: нужна, когда нужна. Внуково детство еду нянчить. Свое вспомнила...

На второй год гражданской матери похоронку прислали. Муж пал смертью храбрых. Кашель и раньше ее донимал, а тут и вовсе в могилу увел. За гробом с работы двое представителей шли (мать уборщицей в учреждении служила), да соседка по квартире Дарья Фокеевна, еще сосед Илья Афанасьич, инвалид, на гражданской левую руку оставил. А жена его Клавдия хоронить не пошла, у нее нервы, ей доктора переживать не велели.

Я над могилой стою и не плачу, лихорадка меня бьет, вся тряусь. Когда с похорон возвращались, Дарья Фокеевна план моей жизни рисует.

— Можно перед государством похлопотать, чтобы на обеспечение взяли в приют или детский дом, как нынче зовется, да тогда комнату заберут, после-то не получишь, нет, ты за комнату держись, свою единственную собственность. Материню барахлишко несем на толкучку, а там поглядим...

Она планирует, а я не слышу. О маме думаю, как она перед смертью наказывала:

— Доченька, ты себя не теряй. Мой материнский завет...

Досказать не успела, кровь горлом хлынула. Ну, приходим с кладбища. Дарья Фокеевна сразу в шкаф, мамину собирать, а в шкафу пусто, ни одеяла ватного на постели—обобрано все.

Дарья Фокеевна охает:

— Кто ж это на сиротское позарился, не иначе «нервная» наша, я давно за ней примечаю, нынче с узлом, завтра с узлом, и все крадучись. Муж-инвалид срамит ее, да без пользы.

Началась моя сиротская жизнь. В тот день соседка накормила. А завтра? У нее своих двое.

В нашем городке в царское время были мужская гимназия да женская прогимназия, еще торговое училище. После революции образовали Единую трудовую, девчонки с мальчишками стали вместе учиться. В моем классе больше мальчишек, девчонок только две: я да Танька. Беленькая, как булка, а глаза голубые: шнырь-шнырь, словно прямо-то боются глядеть. А мне худо. Голодная я. И учение на ум не идет. В школу из-за обеда ходила. Каждый день нам давали суп или щи из селедки и хлеба кусок. Хлеб клеклый, по нынешним временам собака нос отвортит, а мы сжует в миг. По детской карточке норму выдавали на месяц, я за день уплету. И думы все о еде. Один раз Танька выбежала на перемену из класса, а я в ее школьной сумке (мы за одной партой сидели) тайком подглядела полбуханки пшеничного хлеба. Танькина мать в пекарне работала. Ворованный хлеб, а мне все равно. Что со мной стало! Ум помутился. Схватила каравай, залезла под парту, ем, давлюсь. Танька вернулась, хватя, хлеба нету.

— Ты сожрала! Погубила, гадючка, меня. Что мне теперь будет?!

Не пойму я, что-то чудно она причитает.

После школы вместе вышли.

— Идем.

— Куда?

— Не кудыкай, иди.

Привела в глухой тулпичок, сараюшко. Там пусто, темно. Из темноты появляется парень-верзила, длинный, худой, наружностью вроде неплох, только ухмылка какая-то страшная. На меня кивком:

— Завербовала? Ручаешься?

Танька в рев:

— Князюшка, миленький, она весь твой хлеб сожрала.

После я узнала: «Князь» его кличка. Как он меня бил! Насилу от его побоев домой добрела. Танька до крыльца проводила.

— Слышь, никому ни словечка. До смерти забудь. Ты теперь в рабстве.

На другой день в школу идти—обязалась платком, будто зубы болят.

Учительница у нас по русскому была такая прекрасная, светлая, вся будто в сиянии, Зоей Васильевной звали. Она нас немного учила, больше читала. И нам интересно и ей. В тот день рассказ про собаку прочла. Жили дачники летом, приручили собаку, она к ним всей душой, а дачники на зиму уехали, бросили собаку. Она не верит, тоскует. В небе осенние тучи нависли, ветер деревья шатает, листья оборваны.

И вдруг и на меня такая черная тоска навалилась, как во весь голос завою! О матери не выла, а тут о собаке... Зоя Васильевна меня утешать и увидела во всю щеку синяк под платком.

— Кто тебя изуродовал? Где? За что?

Танька в сторонке, глазами голубыми уставилась, грозит. Я как закричу:

— Убирайтесь вы прочь от меня, окаянные!

Зоя Васильевна аж побледнела. К заведующей меня потащили.

— Кто тебя? За что?

Я им в издевку:

— Сорока-белобока летела, хвостом задела, след оставила.

Бились со мной, бились, ничего не добились. Когда уходила, за дверью услышала:

— Трудный ребенок.

Ладно, я «трудная», меня Князь закабалил, а ты, Танька? Тебя что сломало? Один раз они меня взяли в «дело». Задумали кассу в лавчонке очистить, меня на стражу поставили: «Завидишь кого опасного, кричи тетеньку Лизавету». Такой они знак придумали, а что девчонка на страже, кто догадается?

Обошлось без знака. Выделили они мне из своего «дела» денег немного. Картошки на рынке купила, наелась.

Так бы и шло, и прямая меня вела дорожка в тюрьму, если бы не случай да добрые люди.

— Нынче нам твоя каморка на вечер нужна,—велит Князь.—Окошко у тебя глядит на зады. Оставь незапертым, сама выдь подышать свежим воздухом. Освободим помещение, свистнем.

На улице стужа, ветер шквальный, с ног валит, фонари не горят, за каждым фонарным столбом или деревом чудится разбойник, пальтишко на мне худенькое, топчусь мимо дома взад-вперед, как та покинутая собака из рассказа Зои Васильевны. Вдруг кто-то хватя за рукав. Сосед, инвалид гражданской, однорукий Илья Афанасьевич. Под хмельком, а невесел.

— Причина есть. «Нервная»-то моя с неизвестным дружком смылась по неизвестному адресу. Аннушка, сиротка, виноват я перед тобой, догадывался, что она тебя обчистила, а защитить не сумел. На гражданке без страха воевал, а в домашней ситуации скандальной бабы побоялся. Вот какие сюжеты бывают. Аннушка, а ты что в непогоду по улице шастаешь?

Тут моей исповеди и конец. Илья Афанасьевич на ноги милицию поднял. Обложили в моей комнатенке бандитов. А меня по скорости Зоя Васильевна в детский дом отвезла...

И что я вам, хорошие люди, скажу: старая я, вроде жизнь позади, ан новая мечта наворачнулась. Нельзя без мечты. Хочу внучонка растить. У дочки с мужем для внучонка: «Детство веселое, детские грезы». Да чтоб грезы-то ясные, светлые были. И чтоб труда не боялся, а «трудным» не рос.

Анна Тимофеевна помолчала. На лицо легла тишина, даже улыбка чуть тронула губы.

— Ночь. Спать пора. Вылила душу. Чужому-то исповедаться легче... Покойной вам ночи.

Она улеглась, сомкнула глаза, заснула или думала о своей мечте? Поезд шел ровным ходом, погромыхивая на стыках рельсов. Утром я не спыхала, как Анна Тимофеевна сошла на своей остановке.



ПУБЛИЦИСТИКА



Молодость революции

Только что вышла новая книга журналиста Ивана Щедрова, называется она «Афганистан. Молодость революции» (издательство «Молодая гвардия», 1982 г.). И не случайно книга открывается предисловием первого секретаря Центрального комитета Демократической организации молодежи Афганистана Бурхана Гиляси. Он пишет: «Эта книга ярко отражает жизнь и революционную деятельность молодежи нашей страны». Высокая оценка!

Иван Щедров — человек неспокойной судьбы; многие годы жизни он провел в дороге, вдали от Родины. Мне довелось встретиться с ним на репортерских перекрестках под палящим зноем тех краев, где он работал в качестве корреспондента «Правды». Я видел его в работе, видел, как самозабвенно предан он своему делу.

И вот — новая книга. В Афганистане Щедров провел не месяц и не два, собирая материалы для этой книги. В ней он пишет о народе, о его молодом поколении и о защите завоеваний Апрельской революции на новом этапе ее развития, о строительстве завтрашнего Афганистана. Его живые очерки и репортажи позволяют читателю познакомиться с разными сторонами жизни и работы афганской революционной молодежи. В этой книге мы встречаемся с юношами и девушками, которые с оружием в руках борются с внутренней и внешней контрреволюцией, опирающейся на силы международного империализма. «Один день в райкоме», «За партами и в аудиториях», «На Н-ском аэродроме», «Пехота на бронетранспортерах», «Мирные победы изумрудной долины» — вот названия нескольких очерков и репортажей, вошедших в эту книгу. Они говорят о широте ее тематики, ее актуальности.

Читая книгу, мы узнаем о той огромной созидательной работе, которая ведется сегодня в свободном Афганистане, несмотря на происки его врагов. Одним из первых декретов ДРА явился указ Революционного совета республики об освобождении крестьян от задолженности помещикам и ростовщикам. В результате этого мероприятия была облегчена участь почти одиннадцати миллионов граждан. В конце 1978 года была провозглашена аграрная реформа. Конфискованные излишки земли были бесплатно распределены среди 296 тысяч безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств. Была начата работа по созданию сельскохозяйственных кооперативов и крестьянских касс взаимопомощи. Можно представить, каким невиданным благом было все это для народа одного из преж-

де самых отсталых государств в мире!

В стране с населением более 15 миллионов человек имелось всего 200 предприятий фабрично-заводского типа, на которых было занято лишь несколько десятков тысяч промышленных рабочих. У 1,5 миллиона крестьянских семей вообще не было своей земли, а то время как сорок тысяч крупных помещиков владели двумя третями всех обрабатываемых угодий. В стране на исходе нашего XX века большинство населения оставалось неграмотным. На весь Афганистан насчитывалось около 800 врачей.

Революция предоставила женщине равные права с мужчиной... В стране развернулась кампания по ликвидации массовой неграмотности...

Обо всем этом пишет Иван Щедров. Пишет он и о том, что после Апрельской революции против Афганистана фактически началась необъявленная война, спланированная и подготовленная Вашингтоном, Пекином, некоторыми их западными союзниками и реакционными силами Ближнего и Среднего Востока. И сегодня в Афганистан регулярно забрасываются десятки тысяч наемников, бандитов и агентов, снабжаемых иностранным оружием, в основном американского производства, обученных иностранными инструкторами на секретных базах в Пакистане и других странах. Но нет сомнения в том, что народ, узнавший вкус свободы, победит.

Остается добавить, что книгу убедительно иллюстрируют фотографии, сделанные В. Будановым, Г. Надеждиным, М. Харлампиевым и автором. Хочется думать, что эта яркая и информативная книга найдет широкий круг читателей.

Владимир НИКОЛАЕВ

ПРОЗА



Давних портретов ясные черты

В новой книге Николая Самвеляна «Крымская повесть» («Детская литература», 1981 г.) на фоне реальных, исторически значимых событий действуют и реальные герои. Что ж, жанр исторической прозы приемлет это, но как трудно бывает писателю удержаться от перегрузки читателя документалистикой в ущерб художественности и увлекательности. Обратившись к легендарному Севастопольскому восстанию, к его кульминации — бою крейсера «Очаков» с царскими карателями, автор создал остросюжетное и интересное художественное произведение, в котором также видны точность исторического подхода и кропотливая работа по подбору фактов. Многие из них будут познавательны и неожиданны даже для читателя искушенного.

Удачен выбор героев — не центральных по отношению к восстанию, но живых его свидетелей и участников: их судьбы оказались предопределены революционными событиями в Севастополе, а писателю позволи-

ли предельно конкретизировать, локализовать взгляд на эти события, четче и острее воссоздать атмосферу того сложного, предгрозового времени. Александр и Владимир дожили до нашего времени, много сделали за свою жизнь, первый — в сфере общественной деятельности, второй — в живописном искусстве.

Пути Владимира в искусстве начались с картины «Очаков» в огне», история создания которой положена в основу сюжета. Такая сюжетная линия, как оказалось, — тоже удачный авторский выбор. Ибо, обратившись к проблемам искусства под гром орудий (вопреки известному высказыванию о пушках и музах), Н. Самвелян глубоко проанализировал состояние умов передовой русской интеллигенции в момент народно-революционных выступлений. Он показал не только людей активного состояния духа, к которым принадлежат главные герои «Крымской повести», но душевно опустошенных нытиков, растерявшихся при необходимости действий, выбора. В этом отношении интересен образ Надежды — дамы «света» с либеральным уклоном и неважным чувством общественной ориентации, — образ, объясняющий истоки декаданса. И тут уместно, думается, отметить общую философскую направленность повести, которая органично сплетена с событийностью, остротой сюжетности.

Н. Самвеляна интересуют тончайшие психологические нюансы в поведении людей, самые, казалось бы, незначительные оттенки в подоплеке тех или иных событий — в каждой частности, каждым отдельным штрихом автор старается не только запечатлеть для читателя картину времени, но и дополнить ее. Портреты лучших людей тех лет никогда не потускнеют, если все новые краски и штрихи будут добавлять в их образы литераторы, ученые, те, кому дорога история страны.

«Крымская повесть» Н. Самвеляна — свежая краска на полотне исторической прозы.

Андрей КОМАРОВ

ПОЭЗИЯ



Открытие России

Мы говорим: поэзия — всегда открытие, хотя вечные истины открываются, конечно же, не каждый день. И тут нет противоречия. Обретения поэзии могут быть и не столь глобальными по масштабам. В своей повседневности она приближает к людям уже открытые нравственные ценности, находит новые аргументы в защиту идеалов добра, любви, справедливости. И это не так уж мало.

Именно открытиями такого рода богата поэзия куйбышевского поэта Бориса Соколова, чей новый сборник «Вечернее шоссе» недавно вышел в свет. Читая его стихи, то и дело хочется остановиться и подумать, может быть, не о самих стихах даже — о чем-то своем, что вспомнилось, оживило в памяти по ассоциации.

Поэт умеет затронуть сокровенные струны человеческой души, чтобы в ней зазвучало

ответное чувство. И достигается это вроде бы простыми средствами, за которыми, однако, стоит большая жизненный и профессиональный опыт поэта. Его стихи обращены не к многолюдному залу, а, кажется, лично к тебе, единственному читателю. Потому-то и голос его скорее приглушен, стихи интонационно спокойны, разве что в концовке несколько акцентируется главная мысль. И в этой задушевности поэтической речи, в ее доверительном тоне есть своя привлекательность. Ведь в поэзии, как и в любом житейском разговоре, на крик обычно срываются те, у кого не хватает веских аргументов. Тот же, кому есть что сказать, и не повышая голоса заставит к себе прислушаться.

Стихи Б. Соколова чаще всего сюжетны.

Кофе выпила. Потом с балкона поглядела... День еще велик. Голубой поскутик небосклона к плоским крышам накрепко приник.

Ничего не чувствовало сердце. Ни тоски. Ни радости. Ждала, чтоб экран голубая дверца чьей-то дальней жизнью обожгла...

Всего несколько строк — и вся человеческая судьба.

Раздумья о судьбе отдельного человека в поэзии Б. Соколова сливаются с раздумьями о судьбе Родины, об исторических корнях народного самосознания, истоках его стойкости во всех испытаниях. Поэт с добрым чувством относится и к опыту прежних поколений, достойно прошедших свой путь, и к делам рядовых тружеников наших дней. Ему важно понять, чем жив его современник, и близкий и далекий. Он видит несовершенство нашего бурного века, но видит и силы, способные их преодолеть. Он противится раздвоенности человеческих душ, скорбит о людях, не сумевших найти себя, свое жизненное призвание, не клеймит их гневным словом, а со вздохом сожаления пытается их понять. Поэт ощущает кровную связь с природой, без гармонического единения с ней он не мыслит всеобщего счастья. Особенно ему милы сибирские и волжские края. Но пейзаж в его лирических зарисовках не самоцель — через отношение к природе для него высветляется главная суть человека.

Вот из такого тематического разнообразия, из поисков и находок на широком плацдарме и складывается у поэта его собственное открытие Родины, России — ее в себе и себя в ней.

Россия не просто пространство. Россия — характер души.

Поэт не скрывает своих литературных пристрастий. Ему близки Блок, Твардовский, Рубцов. Но он не похож ни на одного из названных кумиров, как не схожи эти поэты между собой. Если что и поэтизировал Б. Соколов у своих учителей, так это строгую сдержанность в выборе поэтических средств, бережное отношение к слову, понимание силы и одновременно уязвимости поэзии.

Остается добавить: поэт недавно отметил свое 50-летие. Он вступил в пору творческого расцвета, когда жизненный опыт и профессиональное мастерство, слившись воедино, способны дать сплав поэзии самой высокой пробы.

Не об этом ли мечтает сам поэт:

Еще сказать я не берусь, Что ждет меня. Хочу удачи.

И хочется пожелать ему новых творческих свершений.

Алексей МАЛЬЦЕВ

ПРОЗА



Зримость письма

Проза Андрея Скалона в сборнике рассказов «Рыжая лисица счастья», изданная в 1982 году «Современником», как бы воссоздает саму плоть жизни. Герою рассказа «Стрела летящая» представляется городская парикмахерская «с ее запахами и никелевым блеском»; когда паром идет на Усть-Баргузин, «на мостике картинно блестел козырьком и биноклем свободный от вахты штурман». В рассказе «Красный бык» «куры заметались по сенам, хлопая крыльями и цокая коготями по половикам». Девяткин из рассказа «К старшему брату» записывает название городка «на папирусной палке головкой сожженной спички». А в «Письме из деревни в город» на луже замелькали капельки, «как иголка в швейной машине». Таковы вес и цена детали и подробности у прозаика А. Скалона.

Но не они, конечно, самоцель. Они неотвратимо, с единственно необходимой точностью лепят образы, картины, наконец, идею произведения. Читатель четко понимает, что любимо автором и что ему ненавистно. Понимает во многом благодаря зримости, предметности авторского письма.

Скалон как прозаик бесконечно дорожит той работающей, полнокровной традицией, которая досталась сегодняшней прозе от ее великой предшественницы — русской классики, воссоздающей жизненные реалии густотой и прозрачностью письма, добываясь объемного показа мира внешнего в теснейшей связи с внутренней жизнью персонажей.

Вот почему проза А. Скалона истинна, чиста — в ней нет случайного, все подчинено художественной логике.

Как сказано в краткой аннотации к сборнику, в него вошли рассказы, в которых поднимаются вопросы сегодняшней действительности города и деревни, охраны и сохранения природы. Героями произведений А. Скалона являются высоко нравственные люди из интеллигенции и колхозников, моряков, работников лесничества, егерей.

Книга плотно населена живыми людьми, неповторимыми характерами. Под каждым из рассказов — дата написания. Если первый из них создан в 1964 году, то последний — в 1981-м. Почти двадцатилетняя работа в прозе А. Скалона, достаточно полно представленная в сборнике, свидетельствует о постоянстве его привязанностей, о серьезной мысли, владеющей прозаиком все эти годы, — мысли об истинных нравственных ценностях жизни. Она свидетельствует о надежности его таланта. О беспокойстве душевном.

Борис ВОЛКОВ



Витаутас КОНТРИМАВИЧУС,
член-корреспондент
Академии наук СССР,
доктор биологических наук

Беседа с Витаутасом Контримавичусом протекала неспешно. И, видимо, эта неторопливость и позволила как-то особенно ясно почувствовать значение проблем, о которых шла речь. А говорили мы о месте ученого во всенародной работе над выполнением Продовольственной программы и о том, почему так, а не иначе складывается жизнь человека. О гражданской позиции молодого ученого и о том что все-таки главное в жизни человека — его принципы... Случайно мой взгляд упал на руки ученого. Большие, смуглые, с раздавшимися узловатыми пальцами. Руки крестьянина. И руки ученого с мировым именем. Автора более чем семидесяти научных работ, шести монографий. По инициативе этого человека в 1968 году был создан отдел

моих стараний — судьба сложилась так, что рядом с этим человеком я жил и работал целых шестнадцать лет, считая себя его учеником.

Вот таким образом в те молодые годы я отошел от ветеринарии и стал учиться в лаборатории гельминтологии АН СССР. Говоря о Скрябине, просто считаю своим долгом хоть немного рассказать о моем учителе, об удивительном ученом, о добром друге и наставнике молодых.

Не преувеличивая, можно сказать, Скрябин — основоположник школы. Оцените сами — я сам был сто шестым по счету его учеником, ставшим доктором наук. А каков был авторитет Константина Ивановича, думаю, ярче всего покажет хотя бы такой эпизод моей собственной биографии.

Это случилось шестнадцать лет тому назад в Москве. С материальной точки зрения жизнь моей семьи вошла в определенную колею, уже заканчивал докторскую диссертацию, когда получил предложение уехать на постоянное жительство на Север, исследовать биологические проблемы этого сурового и красивого края. Долго думал, сомневался: все же с двумя малышами сниматься с привычного, обжитого места... Но с научной точки зрения предложение было уж очень заманчивым. И тут я пошел к Скрябину за советом. Он подумал, помолчал, а потом сказал, что он бы на моем месте поехал. Больше я уже не колебался. Вот каков был его авторитет

мысли: «А как бы тут поступил Скрябин?...» И, поверите ли, с таким критерием живу как-то спокойнее, светлее...

— **Но хорошо ли, если ученый живет «спокойно и светло»? Не стопорит ли это его научной работы?**

— Думаю, что для продуктивной работы ученый должен сохранять душевное равновесие, не ощущать конфликта с самим собой — и в плане научном и в личном. Возьмем мои научные занятия. Дело, которым мы сейчас занимаемся в Институте зоологии-паразитологии АН Литовской ССР, безусловно, связано с Продовольственной программой. Хотя не стоит понимать это слишком прямолинейно. Думаю, что сегодня фундаментальной наукой создана надежная основа для практической работы, которую предусматривает программа как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Но такова уж сама природа науки, что она не удовлетворяется достигнутым, тем, что сегодня уже ясно. Мы пытаемся теперь отвечать на вопросы, которые со всей остротой встанут только завтра. Ведь очень скоро придет время, когда нужно будет искать качественно новые методы повышения плодородия, значит, от нас будут ждать новых решений. Как человек, гражданин, коммунист, работая над этими научными проблемами, я ощущаю подлинное удовлетворение. Вот что я имел в виду, говоря об удовлетворении работой.

они оба уступают действию паразитов. И уступают значительно.

По отношению к человеку большинство паразитов долгое время субъективно были вредными, потому что вредили посевам, животноводству, здоровью человека, а меньшинство — полезными, потому что помогали отделяться от вредителей, уничтожали «плохих» паразитов. Но ведь все развивалось по самой природой созданным законам. А эти законы на земле создавались и шлифовались миллионы лет.

Сейчас же на относительно небольших площадях мы сконцентрировали огромное количество только домашних животных (опять же это количество огромно, сравнивая с природными масштабами), а на больших площадях культивируем сравнительно скромное количество культур. Мало того — мы стараемся активно воздействовать на паразитов: либо с помощью всевозможных химических веществ их уничтожая, либо, наоборот, искусственным путем их размножая. Тем самым человек как бы берет на себя роль арбитра в жизненной схватке между разными популяциями. Мы по-своему налаживаем некоторые процессы живой природы. Но чаще просто нарушаем их. Конечно, на определенном этапе это неизбежно. Но совершенно понятно, что сегодня экологи, зоологи, биологи должны особенно усиленно работать над тем, чтобы все то, что мы делаем с природой вообще и конкретно в области сельского хозяйства, было бы обосновано наукой.

И вот тут вылезли некоторые неприятнейшие вещи. Некоторые средства, которые считались кардинальными и очень удачными, оказались не столь уж безвредными. Вспоминается такой эпизод.

В двух разных районах Литвы недавно на сады напали вредители. В одном дереве опрыскивали ядохимикатами, в другом — нет. И вот что выяснилось через год. Там, где деревья опрыскивали, в то лето урожая все равно не получили, потому что паразиты свое дело сделали. Там, где это делать не стали, произошло то же самое. Спустя же сезон и тут и там урожаем удался на славу. Но вот беда: там, где опрыскивали, в яблоках оказалось значительно больше ядовитых химических веществ, чем обычно. А там, где от этого воздержались, яблоки уродились значительно чище. Сработал отлаженный механизм природы. На одних паразитов напали другие, обе популяции вернулись в нормальные пределы. Но то, что человек припорошил сад ядохимикатами, не прошло бесследно. Современные популяционные средства борьбы с вредителями-паразитами зачастую используются без учета механизма природы как такового. Может быть, еще и потому, что об этом вслух стали говорить совсем недавно.

Так вот, в самых общих чертах одна из проблем, над которой я работаю, и состоит в том, чтобы разобраться, как лучше использовать первоначальный механизм природы в интересах человека, как «включиться» в мир паразитов не с дубинкой ядохимикатов, а с точным знанием всех моментов их «жизни и деятельности». Это сегодняшний день науки, в практику сельского хозяйства плоды подобных работ придут завтра.

Добиться, чтобы одна популяция вредителей была объектом контроля другой популяции паразитов... **Обязательно местных!** Согласитесь, весьма заманчивая перспектива. Образно говоря, может быть, лет через двадцать — двадцать пять мы не будем, спрятав головы в противогазы, распылять в яблоневых садах какую-нибудь терпкую химию. А просто капнем на ствол один-два грамма специального бульона... А результат будет таким, какой нужен для тучного урожая.

Еще одна цифра, по-моему, неплохо раскрывающая практическое значение работы паразитологов. Сегодня только в странах тропической полосы 400 миллионов людей постоянно страдают не-

Вечные шестины

биологических проблем Севера при Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском институте Сибирского отделения АН СССР. Потом отдел перерос в самостоятельное научно-исследовательское учреждение, снижавшее широкую известность своими работами. Витаутас Контримавичус — действительный член Литовской Академии наук.

— Почти тридцать лет тому назад вы начали изучать ветеринарию в Литовской ветеринарной академии. А потом довольно резко повернули от нее к другим наукам, имеющим к ветеринарии косвенное отношение. Такие изменения не происходят в жизни сами по себе...

— В этом больше всего повинна, видимо, моя чересчур впечатлительная натура. Случилось так, что, начав студенческую жизнь в Каунасе, я продолжил учебу в Ленинграде. И там судьба свела меня с удивительным человеком. Я тогда учился на четвертом курсе. Однажды нам прочитал лекцию академик Константин Иванович Скрябин. Вот с этой лекции все и началось. С лекции о значении паразитологии в работе ветеринара. Мы, студенты, тогда уже знали, что сам Скрябин, один из общепризнанных авторитетов в паразитологии, по образованию тоже ветеринарный врач. Его личное обаяние, незаурядный ораторский талант, страстная убежденность в важности своей работы, ее огромных перспективах не могли не увлечь. Мне очень захотелось поработать под его руководством. Сразу появилась цель — попасть в аспирантуру, которой он руководит. А позже — не без

и для меня и для моих коллег.

Совет Скрябина был верен. Я продолжил активную научную работу, защитил докторскую диссертацию, вскоре был избран членом-корреспондентом АН СССР, получил очень нелегкую и ответственную должность — стал директором Института биологических проблем Севера Дальневосточного научного центра АН СССР.

— **И все же почему именно Скрябин посоветовал вам уехать из Москвы?**

— Сегодня, когда немало воды утекло с тех пор, я думаю об этом так. Константин Иванович пристально следил за делами своих учеников (но никогда не приписывал себя в соавторы к их трудам, в этом отношении он был кристально чист). Скорее всего, он почувствовал, что мне надо, как бы это сказать, основательно встряхнуться, окупиться в несколько другие проблемы, изменить обстановку, чтобы научная работа, научное мышление стали активнее, острее.

Скрябин, академик, ученый с мировой известностью, невероятно загруженный разными делами человек, всегда старался сам иметь аспирантов. Почему? Мне кажется, что контакт с молодыми был для него своеобразным допингом молодости, который катализировал научную, творческую активность.

Собственным примером Константин Иванович прививал нам свои нормы поведения, учил понимать людей. Годы работы со Скрябиным сформировали во мне те научные принципы, навыки, мировоззрение, если хотите, которые емко называются школой... И часто в сложной жизненной ситуации ловлю себя на

— **Хотелось бы, чтобы вы подробнее, детальнее рассказали, над чем именно сейчас работаете.**

— Начнем с того, что уверенность человечества в том, что все паразиты вредны и их надо поголовно уничтожать, сегодня уже весьма основательно поколеблена. Не все вредны, не все нужно уничтожать — это нам необходимо прочно усвоить, если мы хотим мирно сосуществовать с природой, хотим увеличить плодородность полей, садов и огородов, продуктивность скота. Если хотим, чтобы здоровье человека становилось крепче.

Да, глядя поверху, мы видим, что паразиты способствуют возникновению болезней у животных, у людей, растений. Предполагается, что от 25 до 50 процентов всего живого — паразиты, возбудители болезней. Как биологическая группа они процветают, их безбрежно много. Но тут-то и начинаются сложности. Все ли знают, что именно паразиты — один из самых мощных факторов формирования экологической системы? Что именно паразиты стабилизируют ее? Между всеми без исключения популяциями животных существует определенная связь — более близкая или более отдаленная. Ее можно обнаружить даже между пингвинами и белыми медведями, хотя они и «прописаны» на противоположных полюсах планеты.

Так вот, именно паразиты регулируют отношения между разными популяциями. Они «следят» и за некоторыми процессами, происходящими внутри популяции — к примеру, за численностью. Есть еще два фактора, регулирующие эту величину, — влияние среды и влияние хищников. Но по эффективности

дугами, за которые они должны быть «благодарны» паразитам-вредителям. И здесь же из-за этих же болезней ежегодно умирает по одному миллиону детей! Вот вам еще один аспект нашей деятельности — научиться бороться с этими вредителями.

— Вернемся к сельскому хозяйству. Вы считаете, что, пытаясь увеличить плодородие сельскохозяйственных угодий, применяя «крупнотоннажную химию», наука обязана всесторонне изучить, как же все это будет влиять на живую природу, что в ней изменит?

— Разумеется, ведь ресурсы и возможности природы отнюдь не безбрежны. Иногда стоит и попридержать воспитанную мысль, размахнувшуюся руку.

— Наверное, внутренний мир современного ученого достаточно сложен...

— Что поделаешь! Чем больше мы познаем, чем дальше живем, — тем многограннее, сложнее конфликты. И внешние и внутренние. Ими полна вся история науки со времен Фауста. Вот, скажем, я говорил о том, что значил в моей жизни академик Скрабин. Но ведь всей своей работой, по сути дела, я пытаюсь опровергнуть истину, в которую мой учитель безгранично верил. Он утверждал: «Мы уничтожили паразитизм социальный, давайте уничтожим и биологический». Эта истина сегодня абсолютно устарела. Умом я, конечно, хорошо понимаю, что в науке резкие качественные скачки происходят каждые 25—30 лет, потому что сосредоточивается масса новой информации, а потом формулируются и новые научные воззрения. Понимаю, что, возможно, лет через тридцать то, над чем сегодня я так увлеченно работаю, тоже станет лишь «исторической ценностью»...

— Можно ли считать, что это в основном личная проблема ученого?

— Эта конкретно — личная. Но сколько еще других! Пожалуй, большинство научных достижений (наверно, исключая филологию) имеют «двойное дно». Проще говоря, все в новом образе проявляется проблема соотношения атомной бомбы и атомной электростанции. Сначала, к сожалению, была создана бомба — у американцев. А потом в Подмоскowie, в Обнинске, — атомная электростанция. Чем дальше, тем соблазнительнее, проще использовать результаты труда ученых для военного дела. Все предопределяет гражданская позиция ученого, коммуниста, патриота своей Родины. Именно она помогает правильно оценить то, чем занимаешься в лаборатории, у письменного стола.

Совершенно случайно несколько лет тому назад во время научной экспедиции на Аляску судьба свела меня с Сэмюэлем Козмом. Намного позже я узнал, что именно он главный создатель страшного нейтронного оружия. А тогда он произвел впечатление простого, искреннего ученого. Потом, судя по впечатлениям, которые создались из газетных сообщений, у меня как-то сформулировалось мнение, что он, видимо, не до конца осознал, что же именно ему удалось создать. А вот самые последние сообщения наталкивают на мысль, что и в случае с Козмом проявился, если позволительно так сказать, «синдром Робертгеймера». Помните, что сначала Оппенгеймер был главным научным руководителем создания атомной бомбы? А потом стал активным борцом за мир, за что подвергся гонениям на собственной родине? Мне кажется, что это случилось потому, что он был настоящим ученым, а значит, любил людей. Такое случилось не с одним видным ученым. Очень хочется верить, что подобную драму переживет и Козн...

Есть, конечно, и сугубо внутренние проблемы. С молодых лет меня волно-

вало слишком большое «социальное ожирение» некоторых ученых. Крепко начинаю сомневаться в возможности пусть маститого, титулованного ученого, если появляется много работ, подписанных несколькими фамилиями — в том числе и его. Назойливо лезет мысль, что таким образом маститые просто обкрадывают молодых своих сотрудников, используя служебное положение. Для меня это верный признак научной худосочности. Я свято верю в то, что молодой человек — основной творец прогресса в науке. В более зрелом возрасте разрозненные научные факты систематизируются, обобщаются, но, по сути дела, используется уже накопленный багаж.

Но понятие молодости вместе с тем не только возрастное. Важно, как сам себя оцениваешь. Я сам всегда хочу быть рядом с молодостью. Это просто помогает жить. Опыт доказывает, что если, скажем, в лаборатории нет ни одного научного сотрудника младше тридцати, значит, перспективы будущего этой лаборатории под серьезнейшим вопросом. Она не будет вырабатывать новые идеи. В институте, директором которого мне пришлось работать, в честь десятилетия со дня его рождения была организована научная конференция. Девять десятых выступивших были моложе тридцати.

Вот мы занимаемся Продовольственной программой. Невиданной по своему социальному значению, по масштабам развития агропромышленного комплекса. Значит, нужны принципиально новые научные решения некоторых проблем. **Качественно новые!** И здесь слова, что их должны разработать молодые, — не обиходный штамп, а научная реалья.

— Что бы вы сказали о молодых ребятах, в лабораториях которых работаете сейчас?

— Пока в Вильнюсе я проработал немного. И может, то, что сейчас скажу, будет первым и поэтому не совсем точным впечатлением. А оно таково. Разумеется, в обычных измерениях Крайний Север значительно больше провинция, чем моя родная Литва, Вильнюс. Но почему-то именно в молодых ученых Литвы, в частности биологов, как мне кажется, есть налет провинциализма. В чем он, по-моему, заключается? Если молодой человек в профессиональном отношении хорошо подготовлен — а таких абсолютное большинство среди моих молодых сотрудников, — если он прошел настоящую школу, значит, он просто обязан мыслить смело, очень смело. Должен не бояться ставить под сомнение ту или иную устоявшуюся доктрину, если она мешает двигаться вперед. А вот такой смелости, несмотря на качественные и объемные знания, не хватает некоторым моим коллегам из молодых. Вот это и есть, по-моему, одно из наиболее болезненных проявлений провинциализма, который очень обедняет науку. И, кстати, в общем-то несоместим с молодостью, которая должна быть дерзкой.

— А как, на ваш взгляд, сегодняшний молодой ученый должен оценивать актуальность своей научной работы?

— Сейчас как никогда громко и обоснованно говорится о связи нашей науки с Продовольственной программой. И молодежь, именно в силу крепкой профессиональной подготовленности, очень быстро отделяет те научные направления, которые диктует мода, другие субъективные обстоятельства, от настоящих, злободневных проблем. Вообще за модой гоняются в научном отношении искаженные люди, стремящиеся хоть таким образом обратить на себя внимание. Подольше попутаться в лучах славы. Ученый, что бы он ни делал, работает не на один день. И это налагает на него немалую ответственность. Все мы ведем важность и огромный вес Про-

вольственной программы. Это, как мы говорили, не только настоящий день науки, но и день грядущий. Молодые способные наши ребята увлеченно работают в области генной инженерии, пробуют синтезировать некоторые перспективные вещества. Но одновременно идет работа и над проблемами, непосредственно связанными с сегодняшними заботами сельскохозяйственного производства.

Возьмем, к примеру, такой важнейший продукт, как картофель. Сегодня селекционеры стремятся не только к тому, чтобы он был питателен, плодороден, неприхотлив и т. д., но и чтобы не боялся болезней, был невосприимчив к паразитам-вредителям. Требований, как видите, много, они разнообразны, но самое сложное и важное сейчас — создать именно болезнеустойчивые сорта картофеля. Даже достижения генной инженерии не гарантируют тут пока полного успеха. Ведь достаточно нескольких поколений нового сорта, чтобы болезни «приспособились» к нему. И все начинается сначала. Тут обязаны вмешаться паразитологи. Нужно общими усилиями, используя все, что мы знаем о паразитах и болезнях, создать устойчивые к болезням генетические типы.

С такими вредителями, как колорадский жук, мы научились бороться с помощью других паразитов и химии — правда, не совсем безвредной. Но с такими возбудителями болезней, как вирусы или бактерии, можно успешно воевать лишь с помощью других средств. А именно — заранее, задолго до поля, создавая с помощью паразитологов сорта, твердо запрограммированные на болезнеустойчивость.

Это только один момент сегодняшнего взаимодействия нашей науки и сельскохозяйственного производства. Рассказать же обо всех попросту невозможно.

— Какой вклад вносят и должны вносить в интенсификацию сельского хозяйства ваши коллеги экологи?

— В европейской части территории страны очень силен фактор антропологического воздействия — говоря иначе, здесь очень осязательна рука человека. Здесь много городов, развита промышленность, коммуникации — у живой природы отнята немалая территория. Она заасфальтирована, забетонирована, застроена. Все это влияет не только на сельское хозяйство, но и на природу в целом. Сегодня мы строим дальше, развиваем агропромышленный комплекс, в основном имея в виду экономические соображения, а экологические порой остаются как бы на втором плане. Но только с этим на практике уже пора покончить. Далее, возьмите КАТЭК. То, что здешний уголь будет сжигаться на месте, а получаемая с его помощью электроэнергия будет передаваться в другие районы, было предусмотрено сразу. Но ведь сначала рассчитывали сжигать уголь только на повержности. Экологи сумели убедительно доказать, что это засорило бы весь район. И сейчас ведутся серьезные поиски возможностей сжигать уголь и под землей. Не ставя окружающую среду под угрозу.

Словом, грамотно двигать вперед наше хозяйство сейчас можно, только учитывая требования экологии. Но только не надо думать, что экология — это всегда преграда, всегда сдерживающие развитие решения. Экология и отдаст щедро, она сохраняет для нас главное, невозможное — красоту и силу родной земли.

Собственно, такой должна быть цель и всякой другой науки, разумно и ответственно строящей свои отношения с матерью-природой. Потому что — что без этого жизнь человека?

Беседу вел Яковас ШАДЯВИЧУС.

Виктор ШИРОКОВ



Качай меня,

Каспий,

учаивай.

Я — твой приемный сын,
здесь ночью мне кряква

крячет

и детские снятся сны.
Шумят камышинные страны,
планирует косо мартын,
упругие волны-тараны,
как лбы,

вдохновенно круты.

Над Каспием —

млечная роздынь,

песчаная пыль берегов,
и звезд

рассыпаются гроздь
в морщинистой лапе его.
И в этом безмерном покое
над водами

чайка парит

светло,

огнево,

непокорно,
как первая нота

зари...

Владимир ЗАТУЛЫВИТЕР

Давняя азбука

Пускай без слов, но говорит вода:
челнами, рыбой, тростниками,
и волнами, и снегом, что отдал
себя воде весной, когда растаял.
Высказывает добрый нрав свой плуг,
когда выводит борозду с нажимом.
И борозда, что рождена не вдрог,
себя потом прочтет в строке озимой.
И озимь, лишь дождетса колоска,
все хлебом скажет людям и планете
Пчела, что в улей мед свой понесла,
собрал его среди цветов и света,
и та запечатлеет жизнь и труд
златым письмом
граненых сот медовых.
Спроси ж и ты: «А что прочтут
после меня?»
В делах ты будешь новых?
Ты о себе расскажешь чем?
Словами?
Так пригляди к задумчивой воде
и нраву плуга, к борозде с хлебами.
Они, поверь, достались в дар тебе.

Дядька Иван

Дядька Иван любит работать дома:
Сапожничать,
Слушая последние известия.
Но часто сердцем он возле Дона,
На передовой,
На самом страшном месте.

Дядька Иван шьет сапоги в охоту,
Такие, которым сносу не будет.
И ничего не просит за свою работу:
— Ходите, ходите, люди.

У него всегда много работы:
В сапогах его — полбригады.
Не выходят его сапоги из моды
Вот уж третье поколение кряду.

Дядька Иван любит работать дома:
Сапожничать,
Слушая последние известия.
Но часто сердцем он возле Дона,
На передовой,
На самом страшном месте.

Перевел с украинского
Виталий КРИКУНЕНКО.

ЗАПОВЕДНАЯ СТОРОНА

Игорь КОНСТАНТИНОВ

Вспоминя свою далекую родину Лапландию, северный олень из сказки Андерсена с восхищением говорил о ее льдах, снегах, холодах, полярном сиянии... и ни разу не обмолвился о летней поре.

А ведь это время самое лучшее на севере. Круглый день светит солнце, леса полны ягод и грибов, в озерах играет рыба.

Озер на этом полуострове сотни, небольших и огромных. Некоторые из них связаны между собой протоками. В иных озерах камни на дне разглядишь, в других же и солнце сквозь толщу воды пробиться не может. Казалось бы, север — а сколько здесь зелени! Летом стелются под ногами яркие луга. Ботаники описали свыше 900 видов растений. Тут ель и карликовая береза, багульник и сабельник, мать-и-мачеха, пушица и, конечно, ягель. Тепло приходит сюда с лением птиц.

Эталон природы на Кольском полуострове назван Лапландский заповедник. Территория его немалая, примерно 160 квадратных километров.

Что может быть лучше ягельного бара? В нем нет высоченных сосен. Ростом они не вышли, зато стройны. Солнечно в таком лесу. Воздух насквозь пропитан ароматной смолой. Птицы поют, стараясь изо всех сил — немного времени им на песни Север отводит. Скоро в путь-дорогу предстоит собираться. Шмели кружат над цветами и днем и ночью, будто перепутали время суток. За пригорком бормочет речка. Вот спустился к ней, скрипя ягелем, ветвистого иглолистника Лапландии — северный олень. Постоял, посмотрел, не торопясь перешел на противоположный берег и по склону едва заметной тропой стал подниматься вверх — в тундру. Там ветерок, нет надоедливых мошары, можно отдохнуть, понежиться на солнце. Летом все его соплеменники пасутся в тундре, где у них и стол и дом.

Сейчас на Кольском полуострове северные олени — примелькавшиеся животные. А было время, когда их почти не осталось. Лапландский заповедник стал им пристанищем, где их не тревожили, не охотились на них.

С годами ряды оленей пополнились, и потихоньку они начали разбредаться по полуострову.

Люди давно приручили северных оленей, которые помогали им осваивать полярные края. Еще полсотни лет назад для многих жителей Севера существование без одомашненных оленей было просто немислимо. Из шкур животных шили одежду, делали кровлю жилищ — чумов. Оленина была основной пищей северян. Оленей запрыгали в нарты — единственное в то время средство передвижения.

Забот с этими животными немного — круглый год они на подножном корму, под открытым небом. Пастухи охраняют их от волков да перегоняют на новые пастбища.

Олень хоть и одомашнен, но остался полудиким. Случается, что отбивается от стада и уходит к дикарям, принимая их нравы. По мнению известного ученого, доктора биологических наук, ветерана заповедника Олега Измайловича Семенова-Тян-Шанского, хищники чаще охотятся за перебежчиками. Это неудивительно. У них в отличие от чисто диких оленей нет мгновенной реакции на врага, они более пестро окрашены.

Одна из основных задач сотрудников Лапландского заповедника — изучение

диких северных оленей и разработка методов рационального использования их поголовья. Биологи постоянно наблюдают за животными, следят за пастбищами, учитывают молодняк, возрастной состав стада, дают советы и рекомендации охотничьим промысловым хозяйствам по заготовкам оленей.

Северный олень заметно отличается и внешне, и образом жизни от других видов своего семейства. Зимой он кормится ягелем, выкапывая его из-под снега. Другие олени питаются ветками. Рогатые — не только ирвасы, но и важенки. Только у самок костяная корона не так густа, да и силы в ней большой нет. Она и не нужна им крепче. Важенки в турнирных боях не участвуют.

Ирвасы в осеннюю пору устраивают между собой брачные турниры. Редко они кончаются кровопролитием. Правда, в заповеднике известен случай, когда на поле боя остались два соперника. Сцепились в мертвой хватке ветвями рогов и таскали друг друга до тех пор, пока не упали вместе. Нашел их медведь и съел...

Северный олень, пожалуй, знаком многим, но есть на Кольском полуострове и, конечно, в заповеднике малоизвестный зверек — норвежский лемминг. Редко кому доводилось видеть его близко, хотя он не внесен в список исчезающих животных. Просто не живет он долго в неволе.

Одна из любопытнейших особенностей леммингов — способность появляться в несметном количестве на год или два, а потом на несколько лет куда-то пропадать. Во время такого массового размножения зверьки совершают далекие миграции, никакие преграды не останавливают их на пути. Они переплывают реки, озера. Много животных во время странствий погибает, становится добычей не только зверей и птиц, но и крупных рыб.

О жизни леммингов существует много легенд. С появлением их полчищ, например, некоторые народы связывали начало войны, а по миграционному направлению животных старались определить, с какой стороны появится враг.

Как и оленем, ученые интересуются и норвежским леммингом. В годы его «пика» на Кольский полуостров приезжают биологи из разных научных организаций. Вместе с коллегами из заповедника они исследуют и определяют объективные причины роста численности леммингов. Этими зверьками питаются многие четвероногие и пернатые на полуострове. Выясняя всплески появления леммингов, ученые стараются предвидеть изменение численности и в рядах хищников. А среди них немало и ценных охотничьих зверей. Прогнозы биологов полезны промысловикам Мурманской области в планировании заготовок пушнины.

Люди, живущие на берегу Чун-озера — на центральной усадьбе заповедника, изучают весь природный комплекс северной тайги, горной тундры и озер. Каждый день пешком или на лодках отправляются они во все уголки заповедника.

К гористому берегу Чун-озера на моторе не подойти — громадные камни, словно диковинные звери, торчат из воды, охраняют его покой. Мы вылезаем из лодки и затаскиваем ее на берег. Перепрыгивая по кочкам, сквозь редкий березняк пробираться к болоту. Под ногами — ворсистый ковер, весь в узоре ярких ягод. Это морошка. Ягода своеобразная: неспелая — красная, даже алая; созревшая — желтая, почти оранжевая.

Вкус несравнимый, слегка чем-то напоминает ананас. Название свое она получила, как считают некоторые, от слова «морозка», так как вроде бы цветет на морозе. Хотя ботаники утверждают другое: если на почве во время цветения случаются заморозки от 0°С и ниже, не жди ее ягод, цветки погибли.

Сколько полезных витаминов и лекарственных свойств выявили в морошке люди, и не перечислишь. Содержит она и дубильные вещества, и различные кислоты, и множество микроэлементов. В народной медицине издавна используют ее корни, цветы, листья, плоды. А какое получается из нее варенье! Но лучше всего морошка, взятая с куста, нет ничего ароматнее и слаще.

Вот нам встретился обитый железом столб, и на вершине его птичий домик с металлическим козырьком.

Это гоголюшник, искусственный домик для северной утки — гоголя. Птица эта гнездится в дуплах. Саамы и карелы издавна из сосновых или еловых полешек выдалбливали домики и подвешивали их на деревьях. Потом забирали из них часть яиц. Утку, вероятно, такой грабедж не очень смущал, она дополняла кладку и выводила потомство.

В Лапландском заповеднике гоголюшники специально развешивают. Впервые, они соблазняют больше птиц оставаться здесь на гнездовьях. Вторых, орнитологам с помощью таких птичьих домиков удобнее наблюдать за жизнью гоголей. Ученые интересуются вопросы размножения дуплогнездящихся уток, их поведение, продолжительность жизни. В домике легче поймать хозяйку и ее потомство для кольцевания.

Ну, а для чего металлическая броня на столбе? Это защита домика от россомахи. Внешне слегка похожий на небольшого медведя, зверь этот обичен для заповедника. Как пишет О. И. Семенов-Тян-Шанский, «россомахе можно назвать хищником-нахлебником». Помимо добычи от охоты, она не брезгует падалью, случается, отнимает добычу у куницы и лисы. А иногда, если удается, то и расправляется с менее сильными конкурентами. О. И. Семенов-Тян-Шанский в своих трудах вспоминает такой

случай: лиса поймала глухаря, наелась и легла отдохнуть на льду реки. Россомаха долго шла по ее следу, нашла остатки птицы и подобрала их, потом подкралась к рыжехвостой охотнице и после короткой схватки задушила ее. Этот случай, считает ученый, характерен во взаимодействиях хищников в голодное время.

Иногда «нахлебничество» зверей кончается для них трагично. Однажды лесники нашли в долине реки гнездо беркута, тщательно исследовали остатки его пищи. Кого только не попробовал могучий хищник во время своих трапез! Его добычей стали куропатки, зайцы, теленок оленя, гусь, белка, а также хищные звери — лисицы, куницы, горностай. Вероятно, приходили звери под гнездо беркута за обедами с его стола, а он за такую дерзость... включал их в свое меню.

Хорошо, когда птичий дом имеет могучего хозяина — человека. Далеко не все птицы могут похвастаться этим.

Болотце оборвалось лесистым подъемом. Вокруг много громадных камней. С одного взлетели две куропатки, окрашенные под цвет глыбы — пестрые, почти такие, как узоры лишайника, покрывавшего камни. Казалось бы, обычные лишайники, что может быть в них интересного? Но... В природе нелегко найти растения, возраст которых перевалил бы за тысячу лет. А среди накипных лишайников (они живут на камнях) много таких, которым по 4—5 тысяч лет. Помогают они ученым определять возраст горных пород, уточнить, сколько лет тем или иным памятникам истории. Некоторые лишайники «помечают» определенную группу минералов, и за это им благодарны геологи. И еще одно замечательное свойство у них. Лишайники — индикаторы окружающей среды, они чутко откликаются на присутствие в воздухе различных микроэлементов. По их состоянию можно, например, определять чистоту атмосферы.

Специалистов по лишайникам называют лихенологами. Заповедник для них — прекрасная лаборатория, растений этих здесь уйма. Они и на камнях, и на деревьях, и на мерзлой почве.

Чем выше в горы, тем меньше высота деревьев, редет лес, и, наконец, от него ничего не осталось. Мы в каменистой тундре. Отсюда хорошо видны дали Лапландии. Внизу озеро, горы, снова синь воды Чунь. Среди камней пасется стадо северных оленей. Они нас не чувят, так как ветерок с их стороны. Неожиданно снизу донеслось «У-у-у!» — филин на охоту вылетел. Он ведет ночной образ жизни — значит, уже глубокий вечер. А солнце над Лапландией светит, как днем.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1332) НОЯБРЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На первой странице обложки
фото Николая РАХМАНОВА

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.



**III ВСЕСОЮЗНЫЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ ИГРЫ**

Центральным событием для нового, юного поколения советских шахматистов в этом году стали III Всесоюзные молодежные игры, проходившие в июле с.г. в Ленинграде. В состав каждой команды входило 5 юниоров и 2 девушки (не старше 1962 года рождения). Среди 117 участников — 19 мастеров спорта и 93 кандидата в мастера.

После упорной и очень напряженной спортивной борьбы победу одержал коллектив Украины. В финале эта сильная и ровная команда набрала 21 очко из 35. Второе место завоевала сборная городов РСФСР. Бронзовые медали у шахматистов Грузии. Далее места распределились так: 4. Москва, 5. Ленинград, 6. Узбекистан, 7. Литва, 8. Латвия, 9. Белоруссия, 10. Эстония, 11. Армения, 12. Казахстан, 13. Азербайджан, 14. Молдавия, 15. Киргизия, 16. Таджикистан, 17. Туркмения.

В турнире сыграно немало интересных и теоретически ценных партий, что говорит о возросшем уровне игры нашей шахматной молодежи.

Драматично развивались следующие поединки: А. Кузьмин (Москва) — А. Гольдин (РСФСР). Испанская партия:

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6 5. C:c6 dc 6. d3 Kd7 7. 0—0 Ce7 8. Kbd2 0—0 9. Kc4 f6 10. Kh4 Kc5 11. Фг3! (Новый ход. Обычно здесь продолжают 11. Kf5) 11...g6 12. Фg3 Kph8 13. f4! ef 14. K:c6+ hg 15. Ф:g6.

Белые пожертвовали фигуру, но создали опасные угрозы неприятельскому королю. Начинается острая тактическая схватка.

15... Ke6 16. C:f4 Fe8 17. Фh6+ Kpg8 18. Лf3 Kg5 19. Лg3 Лf7 20. Фg6+ Kpf8 21. h4 Cc5+ 22. Kph1 Ke6 23. Ch6+ Кре7 24. e5 Cf2! 25. Лf3 C:h4 26. Laf1 Фh8 27. Kpg1.



Заслуживало внимания 27. Лh3. 27. ... Cd7 28. Фh5 Cg5 29. ef+ C:f6 30. Ke5 C:e5 31. Л:f7+ Kpd6 32. c3 Ce8 33. d4?

Следовало играть 33. Cf8+ Ф:f8 34. Л:f8 C:h5 35. Л:a8, после чего партия, по-видимому, должна завершиться вничью. Теперь у белых трудная позиция.

33. ... C:d4+! 34. cd C:f7 35. Л:f7 Ф:d4+ 36. Kpf1 Фd3+ 37. Fe2Ф:e2+ 38. Кр:e2 Лg8 39. Kpf2 Лg4 40. Ce3 Лb4 41. b3 Лh4 42. Kpf3 c5 43. g4 Лh3+ 44. Kpf2 Лh2+ 45. Kpf3 Л:a2 46. g5 Лb2 47. g6 Л:b3 48. g7 K:g7 49. Л:g7 Krc6 50. Кре2 Лb4 51. Лf7 Ле4 52. Kpd3.

Лучше 52. Kpf3 Ле8 53. Cf4, заставляя черных сыграть 53... Лс8. Теперь позиция белых совсем безнадёжна.

52. ...Le8 53. Cf4 Лd8+! 54. Krc3 Лd7 55. Лf5 Лh7 56. Krc4 b6 57. Лf6+ Kpb7 58. Cg3 Лd7 59. Cf2 Лg7, и черные пешки вскоре неминуемо пошли вперед.

А. Хузман (Украина) — А. Ненашев (Москва). Новоиндийская защита:

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kf3 b6 4. a3 Ca6 5. Фc2 Cb7?! 6. Kc3 c5 7. d5! ed 8. cd K:d5 9. Cg5! f6. Нехорошо 9... Ce7 10. Фе4 0—0 11. K:d5 C:g5 12. K:g5 Ф:g5 13. Ke7+ и 14. Ф:b7, и белые выигрывают.

10. K:d5 C:d5 11. 0—0—0 Ce6 (Возможно, лучше 11. ... Cb7) 12. Cf4 Kc6 13. e3 c4?! (Осмотрительнее 13. ... Ka5) 14. C:c4 Kb4?! 15. ab C:c4 (15. ... Лс8 16. b3 b5 17. Kd4!, к выгоде белых) 16. Фе4+ Ce7.

И в случае 16. ... Ce6 17. Kd4 Лс8+ 18. Kpb1 Фе7 19. K:e6 Ф:e6 (19. ... de 20. Лc1!) 20. Фb7!, у черных была очень тяжелая позиция.

17. Л:d7! Красивый комбинационный удар, форсировано ведущий к победе.

17. ... Ф:d7 18. Ф:a8+ Kpf7 19. Ф:h8 Cf8 20. Ф:h7 Cd3 21. Ke5+ fe 22. Фh5+ Cg6 23. Ф:e5 Фd3 24. Фc3 Фb1+ 25. Kpd2 Ф:h1 26. Фc4+! Kpf6 27. Фc6+! Kpf7 28. Фd5+ Кре8 29. Фе6+ Kpd8 30. Ф:g6 C:b4+ 31. Krc2 Фе1 32. Фd3+ Krc8 33. Cg3 Фа1 34. Фf5+ Kpd8 35. Фd5+, и белые выиграли.

Говоря об индивидуальных результатах, прежде всего надо отметить победителей по доскам. Ими оказались: М. Макаров (РСФСР)—6,5 из 9 (1-я доска), А. Хузман (Украина)—6 из 8 (2-я доска), А. Гольдин (РСФСР)—7 из 9 (3-я доска), А. Каспаров (Азербайджан)—6 из 8 (4-я доска), А. Халифман (Ленинград) и А. Шабалов (Латвия)—6 из 9 (5-я доска). Международный гроссмейстер среди женщин И. Иоселиани победила на первой доске девушек с абсолютно лучшим результатом—8,5 очка из 9. На второй доске девушек лучший результат у М. Афанасовой (Молдавия)—6 из 8.

Кроме этого, можно выделить целый ряд новых имен. Хорошее впечатление оставила, например, игра Тахира Хасанова из команды Казахстана, Александра Авшалумова из Азербайджана, игравших на первой доске у «юниоров». У девушек отличное впечатление оставила игра К. Багинскайте (Литва).

Интересны также следующие партии:

Хасанов (Казахстан)—Авшалумов (Азербайджан). Сицилианская защита:

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4 cd 4. K:d4 Kf6 5. Kc3 a6 6. a4 Kc6 7. Ce2 e6 8. 0—0 Кс7 9. Ce3 0—0 10. f4 Фс7 11. Kph1 Ka5? 12. Фd3 Лd8 13. Лад1 b6 14. b4! Kc6 15. K:c6 Ф:c6 16. e5!

Ke8 17. Cf3 d5 18. f5! Cb7 19. b5 ab 20. ab Фс7 21. fe fe 22. Ch5!

Белые ведут наступление «на одном дыхании». Их инициатива нарастает с каждым ходом.

22. ... Ф:e5 23. Cf7+ Kph8 24. Cd4 Фg5 25. C:e6 Kf6 26. Лf5 Фh4 27. Лdf1 Cd6 28. h3 Kh5 29. Ke2 Лf8 30. Cf7 Kg3+ 31. K:g3 C:g3 32. Фc3. Черные сдались.

А. Гольдин (РСФСР)—В. Малешаускас (Литва). Защита Грюнфельда: 1. d4 Kf6 2. c4 g6 3. g3 Cg7 4. Cg2 d5 5. cd K:d5 6. e4 Kb6 7. Ke2 0—0 8. 0—0 e5 9. d5 c6 10. Kbc3 cd 11. ed Cf5 12. h3 h5 13. b3 Фd7 14. Kph2 Ka6 15. Ce3 Лfd8 16. Фd2 Kb4 17. Лfd1 Kc2 18. Лac1 K:e3 19. Ф:e3 Kc8 20. f3 Фd6 21. g4 e4+ 22. Kph1 ef 23. Ф:f3 hg 24. hg Cd7 25. Ke4 Фе7 26. g5 Ce5 27. K2g3 Kd6 28. K:d6 Ф:d6 29. Ke4 Фb6 30. Лf1 Cf5 31. Ch3! C:h3 32. Ф:f7+ Kph8 33. Лf4! C:f4 34. Kf6.

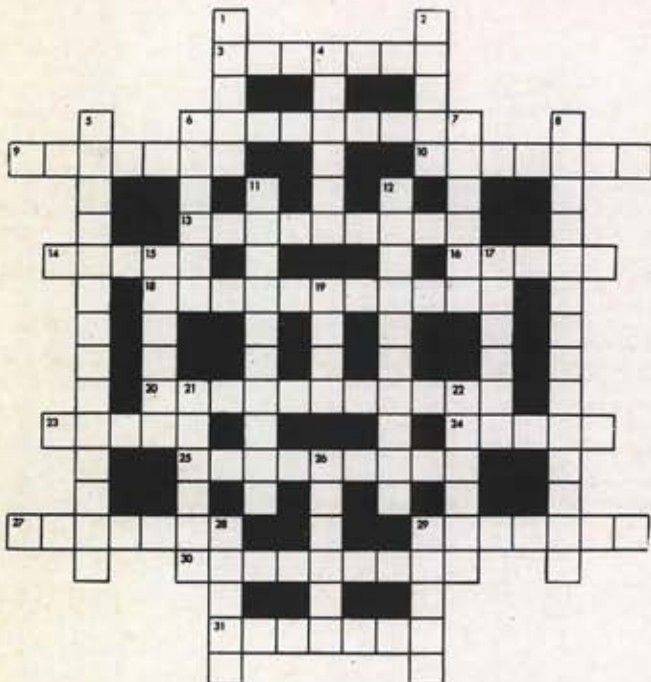
Атака белых неотразима. Но юный литовский шахматист не теряет присутствия духа и находит новые интересные скрытые ресурсы защиты.

34. ... Лd7! 35. Ф:g6! Cf5 36. Ф:f5 Фе3! 37. Лf1 Ле7 38. d6 C:d6 39. Фg4 Фd3! 40. Фh4+ Лh7 41. K:h7 Ф:h7 42. Ф:h7+ Kp:h7 43. Лf7+ Kph8 44. Л:b7 a5 45. Лd7 Cf4 46. g6 Ла6 47. Лd4 Ce5 48. Лd5 Cc3 49. a3 Л:g6 50. b4 ab 51. ab C:b4. Ничья.

III Всесоюзные молодежные игры как бы подвели итоги четырехлетнюю подготовку нашей смены. И, как показывают партии, итоги весьма благоприятны!

**А. СУЭТИН,
международный
гроссмейстер**

КРОССВОРД Составил Я. ЩЕГЛОВ, МОСКВА



По горизонтали:

3. Двигатель. 6. Специалист, занимающийся изучением пещер. 9. Приток Днепра. 10. Скульптор, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 13. Колонна, опора в виде женской фигуры. 14. Область распространения определенного вида животных, растений. 16. Многолетняя водная трава, пища рыб. 18. Плоская кривая—график тригонометрической функции. 20. Минерал, драгоценный камень. 23. Учрежденные связи. 24. Незаконченная поэма А. С. Пушкина. 25. Советский порт в Финском заливе. 27. Сумчатое животное, обитающее в Америке. 29. Оптический прибор. 30. Народный артист СССР, выступавший в Малом театре. 31. Денежная единица Никарагуа.

По вертикали:

1. Повесть А. П. Чехова. 2. Дорожная машина. 4. Искусственная приманка для рыбы. 5. Ускоритель протонов. 6. Твердый, прозрачный материал. 7. Хищник, обитающий в пустынях. 8. Спортсменка. 11. Специалист по проектированию зданий, сооружений. 12. Центр автономной области в Хабаровском крае. 15. Озеро в Казахстане. 17. Группа индейских племен. 19. Приток Волги. 21. Красящее вещество, добываемое из лишайников. 22. Редкоземельный химический элемент. 26. Архитектор XIX века, автор памятников в Москве. 28. Основоположник научного коммунизма. 29. Столица государства в Западной Африке.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 21**

По горизонтали:

7. Комбайнер. 8. Субботник. 10. Чекалин. 11. Машраб. 13. Кашира. 14. Механизация. 17. Ахунова. 18. Ежевика. 19. Скалолаз. 20. Земнухов. 22. Диорама. 24. Острога. 26. Пономаренко. 28. Хариус. 29. Алигер. 30. Баневур. 31. Зелинский. 32. Викторина.

По вертикали:

1. Хохлатка. 2. Тамтам. 3. Серенада. 4. «Пуритане». 5. Борзая. 6. Бичерова. 9. Нахимов. 12. Бетоннасос. 13. Кибернетика. 15. Чудак. 16. Кирхгоф. 21. Губарев. 22. Дизайнер. 23. Аномалия. 24. Онекушин. 25. Ангелина. 26. «Пучина». 27. Ольхон.

